

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
IX

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1960

РЕДКОЛЛЕГИЯ

*О. С. Азманова, Н. А. Басжаков, Е. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный редактор),
В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), А. Н. Ефимов,
Н. И. Конрад (зам. главного редактора), В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев,
В. А. Серебrenников, Н. Н. Толстой (п. о. отв. секретаря редакции),
А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова*

Адрес редакции: Москва, К—21, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55

А. ДОСТАЛ

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА
СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

1

Изучение словарного запаса старославянского языка важно и поучительно и с точки зрения вопросов, возникающих при исследовании словарного состава любого языка, и с точки зрения общей проблематики старославянского языка. Вопрос о его словарном составе сложнее, чем кажется с первого взгляда. Можно было бы сказать, что это — сумма всех слов, сохранившихся в старославянских текстах, но такое понимание было бы в значительной мере механическим, так как вопрос сводился бы к индексному определению старославянского запаса слов по спискам всех слов в отдельных памятниках. Примечательно, что ни словари Востокова или Миклошича, ни издаваемый Чехословацкой академией наук новый Словарь старославянского языка не довольствуются таким ограничением¹.

Точно утверждать, что то или иное слово сохранилось в старославянских памятниках, трудно — для этого пришлось бы подробно исследовать все памятники и разобраться в неясных местах текста; еще труднее безоговорочно утверждать, что то или иное слово не входило в состав старославянского языка. В текстах встречаются, например, отыменные глаголы, позволяющие предположить, что в языке было и имя, от которого образовался глагол, даже если само оно в текстах не встречается. С другой стороны, зафиксированное отглагольное существительное позволяет предположить существование соответствующего глагола². Еще труднее было бы выявить при таком подходе наличие разных названий предметов или общественных учреждений, известных в период возникновения старославянского языка, но в текстах не отраженных.

Известно, что некоторые более поздние церковнославянские рукописи сохраняют лексические особенности, представленные в наиболее древних старославянских переводах, так что на основании этого можно в определенной степени судить о древности текста, сохранившегося в такой рукописи. Принципы изучения старославянского языка, разработанные в исследованиях Ягича и Лескина, позволили подготовить к изданию и издать на хорошем филологическом уровне наиболее древние тексты; в этот период были заложены более прочные и серьезные основания для изучения старославянского языка, чем в период Миклошича и Срезневского. Благодаря этому стало возможным правильно оценить значение старославянского периода, однако, с другой стороны, это отчасти привело к известной его изоляции, при которой старославянский язык обособлялся и отрывался от языка последующих эпох³. Ясная теперь необходимость учитывать по-

¹ См.: А. Х. Востоков, Словарь церковнославянского языка («Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», т. 4), СПб., 1858; Fr. Miklosich, *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, Vindobonae, 1842—1865; «Slovník jazyka staroslověnského», Praha, 1958.

² Ср. А. Достál, *Studie o vidovém systému v staroslověnině*, Praha, 1954, стр. 231 и сл., 471 и др.

³ Ср. А. Достál, *Staroslověnština jako spisovný jazyk*, «Bull. Vysoké školy ruského jazyka a literatury», III, Praha, 1959, стр. 129; его же, *K dnešnímu stavu mluvnice a příruček ke studiu staroslověnského jazyka*, «Rocznik slawistyczny», .XXI, cz. 1, 1960, стр. 76 и сл.

следующее состояние в отношении лексического состава осложняется тем, что хотя общий запас слов самых древних текстов и находит свое продолжение в общем словарном составе более поздних текстов, однако в то же время в позднейших текстах наблюдается обогащение запаса слов, т. е. появляются определенные новые слова. Известно, например, что тексты симеоновского периода хорошо сохранили старинный запас слов, однако помимо этого в них имеется и значительное количество слов, явно представляющих собой новые элементы⁴. Что касается текстов отдельных церковнославянских редакций, то в них встречаются и местные лексикализмы. Но даже и при таком положении вещей совершенно отрывать старославянский язык от церковнославянского при изучении словарного состава было бы неверно.

Поскольку старославянские тексты в основном переводные, словарный состав старославянского языка, так же, как и остальные его разделы, особенно синтаксис, отмечены сильным греческим влиянием. Основание изучению грецизмов в старославянских текстах положил В. Ягич, который указал на существование определенных слов в старославянском словаре. Однако предположение, будто грецизмы в евангельских текстах относятся к самому древнему периоду переводов, когда язык еще не имел в своем распоряжении достаточно богатого запаса слов для понятий, замененных позднее местными словами, оказалось не совсем правильным; подробные исследования о древнейших переводах евангелия показали, что следует принимать во внимание также последующую грецизацию перевода⁵. Если в настоящее время можно не сомневаться в том, что самые древние переводы были сделаны еще в Константинополе, в Византии, то и о других переводах кирилло-мефодиевской эпохи нельзя утверждать, что они возникли в среде, отличной от византийской; оба солунские брата были воспитаны византийской, греческой культурой и создавали свои труды под ее влиянием, находясь даже вне территории византийской империи. Необходимо учесть и то, что наиболее многочисленную группу чужих элементов в старославянском запасе слов представляют именно греческие слова или слова, которые проникли в этот язык посредством влияния византийской среды. В старославянский словарный состав вошли также слова другого происхождения, например латинские, германские и т. д.

Все это позволяет предположить, что говорившие и писавшие на старославянском языке пользовались, во-первых, запасом слов, основанным на доисторическом славянском запасе, во-вторых, словами, которые явно свидетельствуют о связи с другими языковыми областями; это относится как к довизантийскому периоду, так главным образом и к периоду византийскому, когда эти славянские области находились в греческом административном подчинении и когда преобладающей культурой была греческая. Уже в Византии старославянский язык вступил, вероятно, в связь с латинским, далее в кирилло-мефодиевскую эпоху в Великоморавском государстве он встретился с текстами древневерхненемецкими, словинскими, чешскими и т. д. и с соответствующими языковыми особенностями, что, как известно, оставило в его словарном составе заметные следы (ср., например, *братръ*, *рачити* и другие так называемые моравизмы).

Старославянские тексты, как мы уже упоминали, большей частью представляют собой переводы. Оригинальные тексты дошли до нас в значительно меньшем количестве. Примечательно, что они написаны прибли-

⁴ Это видно лучше всего на примере многочисленных *paraphrasen*, имеющих в Супрасльской рукописи. Ср. также запас слов в тексте Марийского четвероевангелия по изданию В. Ягича и запас слов Супрасльской рукописи по индексу Мейера (см. К. Н. Meyer, *Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis*, Glückstadt — Hamburg, 1935). О Супрасльской рукописи см. еще: A. Margulies, *Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis*, Heidelberg, 1927; M. Weingart, *Útkovět jazyka staroslověnského*, Praha, 1937, стр. 59 и сл.

⁵ Из последних работ см.: К. Horálek, *Evangelie a čtyřoevangelia*, Praha, 1954; его же, *Úvod do studia slovanských jazyků*, Praha, 1955, стр. 277 и сл.

тельно тем же языком, что и тексты переводные (в частности, конечно, имеются различия). Высокий уровень, даже художественные достоинства старославянских переводов в настоящее время уже сомнений не вызывают и могут считаться доказанными⁶. Естественно, что к разным текстам это относится не в одинаковой мере (ср., например, евангельские тексты и гомилии, а также юридические тексты), однако все переводы с замечательной точностью передают авторский замысел. Подробное изучение, например, юридических текстов показывает, что старославянский язык имел возможность выразить и терминологически точно разграничить правовые понятия⁷. Конечно, в ряде текстов имеются и ошибки, но здесь уже возникает особый вопрос текстов и их переписки, т. е. вопрос рукописей; порой в них заметны следы непонимания, спешки и под. Если старославянский язык мог выражать все тонкости, которые требовал от переводчика текст оригинала, различать и передавать разные стилистические оттенки, то отсюда следует, — и данный вывод подтверждается все новыми исследованиями, — что это был язык, стоявший на высокой ступени развития уже до появления письменности, хотя он и был затем в какой-то мере стилизован и изменен по греческому образцу. Первые переводчики, конечно, должны были создавать новые слова, а также привлекать иностранные, однако в целом при первом литературном использовании старославянского языка особенных затруднений не возникало. Только при этом условии с самого начала могли появиться высококачественные переводы, ставшие затем основой для литературной традиции.

2

Обратимся к некоторым особенностям имеющейся лексикографической традиции. Словари Востокова и Миклошича имели целью собрать весь старославянский материал (при этом не всегда тщательно отделенный от лексического слоя более позднего периода и особенностей местных редакций), что должно было облегчать чтение и понимание старославянских (церковнославянских) текстов при лингвистическом, литературном и других исследованиях. Характер учебного пособия имеет и недавно вышедший словарь Р. Айтцетмюллера и Ж. Садник⁸. Другие имеющиеся словари по преимуществу представляют собой индексы к старославянским текстам, т. е. указатели или списки всех слов, встречающихся в памятнике⁹.

Выпускаемый в настоящее время Чехословацкой Академией наук словарь старославянского языка еще не закончен. Не все изданные индексы представляют собой одинаковую ценность; в большинстве случаев они

⁶ Ср. K. Hořálek, *Evangeliaře a žtveroevangelia*, стр. 29—39.

⁷ Ср. J. Vařica, *Jazyková povaha Zakona sudného ljudem*, «Slavia», г. XXVII, сеš. 4, 1958.

⁸ L. Sadnik und R. Aitzetmüller, *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*, Heidelberg, 1955.

⁹ Ср. следующие издания: И. В. Ягич, *Маринское четвероевангелие*, СПб., 1883 (см. словоуказатель — *Index verborum* на стр. 477—607); V. Vondrák, *O původu Kijevských listů a Pražských zlomků*, Praha, 1904 (стр. 94—110); D. C. Mohlberg, *Il messale glagolitico di Kiew (sec. IX) ed il suo prototipo romano del sec. VI—VII*, «Atti della Pontif. Accademia Romana di archeologia», Ser. III, vol. II, Roma, 1928 (стр. 207—320); С. Северьянов, *Синайская псалтырь («Памятники старославянского языка», т. IV)*, Пр., 1922 (стр. 179—392); St. Sioński, *Index verborum de Euchologium Sinaiticum*, Warszawa, 1934; K. H. Meyer, *AltKirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis*, V. Vondrák, *Glagolita Clozův*, Praha, 1893 (стр. 97—124); A. Dostál, *Clozlaus codex palaeoslovenicus glagoliticus*, Praha, 1959 (стр. 311—398); С. М. Кульбакян, *Хиладарские листки, отрывок кирилловской письменности XI в. («Памятники старославянского языка», т. I, вып. 1)*, СПб., 1900 (стр. 25—34) (см. также другие памятники этой серии). До сих пор не издан индекс к Ассеманьеву евангелию и Зографскому четвероевангелию, а также к более поздним текстам. Перед второй мировой войной на семинаре под руководством М. Вейнгарта в Пражском университете составлялись индексы и к другим памятникам, которые, по мысли Вейнгарта, должны были показать

составлялись не для того, чтобы охватить весь запас слов, а с целью помочь читателю понять текст памятника, особые формы слов и т. д.; издатели текста не всегда достаточно четко отличали индекс от словаря. В существующих индексах не всегда исчерпывается весь запас слов памятника, в ряде случаев отмечаются не все места, где встречается какое-нибудь распространное слово, например частица *бо*, союз и и т. п., хотя это очень важно для определения частоты употребления и разных оттенков значения слова. Нередко формы слов, особенно супплетивные или трудные, даются наравне с отдельными словами (например, в индексе форма *късьмь*, *къси* и т. п. приводится отдельно как заглавное слово, хотя там имеется, кроме того, и заглавное слово *быти*). При грамматической характеристике отдельных слов текста также нет полного единства. Авторы некоторых индексов придерживаются крайне формальной точки зрения, в связи с чем, например, для формы *господа*, *гѣ* всегда приводится указание на род, падеж, хотя она имеет и функцию впр. падежа. Греческие параллели обычно лишь перечисляются, и во всяком случае не приводится точной информации о том, какое греческое слово или в какой форме слово греческого (или другого) оригинала соответствует славянскому. Наконец, в индексах встречаются и ошибки (так, например, в основу индекса Слонского к Синайскому требнику положено плохое издание). При цитации параллелей оригинала для евангельских или других библейских текстов не всегда указывается, какой греческий текст цитируется (по какой редакции, по какому изданию), что может вызвать серьезные ошибки.

Ряд недостатков имеет даже выполненный на высоком уровне индекс Ягича к Мариинскому четвероевангелию. В него вошли слова из дечанского евангелия, из которого Ягич дополнил недостающее начало текста (Мф. I, 1—V, 24). Указаны не все места, где данное слово встречается (ср. *«saerisime occurit»*; ср. также *късьмь* и формы 2-го и 3-го лица ед. числа, *бждж*). Место в тексте указывается по страницам и строкам рукописи, хотя у евангельских текстов выгоднее ссылаться на евангелия, главы и стихи, чтобы легко было искать соответствующие места в других евангельских текстах. Формы глагола *ити* помещены под *ит-* и под *ид-*, *имати* и *има'ж* даны как два заглавных слова, все формы личного местоимения *онъ*, *и*, *ними* и т. д. помещаются как отдельные заглавные слова. Для греческих и латинских параллелей не указаны текстовые варианты в греческом оригинальном тексте. Следует иметь в виду, что индекс Ягича продолжает традицию прежних индексов, для которых важно было дать не полный запас слов, а пособие для понимания текста.

Подобные критические замечания можно было бы сделать и в отношении ряда других индексов. Например, Вондрак включает в индекс рукописи Клоца слова из сборника гомилий Михановича (из текста, которым Вондрак дополнил отсутствующую часть рукописи Клоца). С большой осторожностью нужно пользоваться индексом Северьянова к Синайской псалтыри¹⁰. Пользование вообще очень подробным индексом К. Мейера к Супрасльской рукописи, который заслуживает упрека за пропуск ряда слов, за излишне формальное определение их, осложняется еще и громоздкой системой подачи слов (ср. нумерацию слов текста).

3

Исходя из особенностей древнейших славянских, так называемых старославянских канонических текстов и имея в виду, что до сих пор не существует детальных лексических разборов этих текстов, можно сделать

широту славянской культурной сферы. Списки слов составлялись по отдельным семантическим разделам — например: вселенная, земля, космос, человек, родственные отношения, болезни и пр. Сходный принцип избран А. Маргульесом в его исследовании о языке Супрасльской рукописи.

¹⁰ Подробнее см. в работе: А. D o s t á l, K staroslověnskému *blagosloviti* a pod., «Listy filologické», г. 70, č. 2-3, 1946.

лишь несколько основных заключений о словарном составе старославянского языка.

В многочисленных древних рукописях очень хорошо сохранился старославянский евангельский текст, т. е. текст евангелия-апракос и четвероевангелия. На основании тщательного изучения возникновения и развития старославянского евангельского текста представляется возможным судить о древнейшем состоянии этого текста¹¹. Остальная часть Нового завета, в частности так называемый Апостол, требует еще подробного изучения для установления древнейшего перевода этой части Нового завета. Все четыре евангелия по существу содержат один и тот же материал, но различаются способом повествования: первые три — от Матфея, Марка и Луки — описывают евангельские происшествия как конкретные события, апически; евангелие от Иоанна написано с философской точки зрения. Автор греческого евангелия от Матфея имел перед глазами евангелие от Марка, автор евангелия от Луки уже знал евангелия от Марка и Матфея. Из этого следует, что евангелия от Матфея и Луки представляют собой переработку евангелия от Марка¹²; естественно, они имеют общие с этим евангелием языковые, лексические и другие особенности, что не исключает и некоторых различий. Язык евангелия от Марка во многом близок к разговорному языку, у Матфея язык более правильный и обнаруживает некоторые следы литературной обработки, у Луки язык менее искусственный, чем в посланиях, но уже испытавший воздействие грамматических учений своего времени¹³. У Иоанна отражается народный язык, точнее — народный греческий язык малоазиатской области.

К. Горалек показал, что не наблюдается сколько-нибудь определенного языкового различия между текстами более древнего апракос-евангелия и четвероевангелия, хотя первоначально такая разница и существовала. Поскольку текст евангелия от Иоанна, как и тексты остальных трех евангелий, в значительной мере был включен в текст евангелия-апракос, необходимо, по-видимому, предположить сравнительное единство старославянского перевода. При этом приходится иметь в виду, что подробного анализа словарного состава евангельского текста и различий в словарном составе отдельных евангелий до настоящего времени не существует¹⁴ и, таким образом, о старославянском тексте евангелия от Иоанна в сравнении с текстом остальных трех евангелий пока нельзя сказать ничего более определенного. Несомненно, специальные лексикологические исследования покажут, что некоторые слова употребляются только в евангелии от Иоанна в отличие от других евангелий, однако на основании достигнутых результатов можно утверждать, что запас слов этого евангелия в значительной мере совпадает со словарем остальных трех евангелий и что старославянский перевод евангельского текста, по-видимому, отличался большим языковым единством, чем греческий оригинал. Определенные лексические слои, которые, видимо, можно будет обнаружить, связаны с возникновением самой рукописи и изменениями текста в период между появлением первого перевода и этого списка и не являются продолжением слоев в первоначальном переводе четвероевангелия. Есть все основания полагать, что старославянский переводчик греческого евангельского текста

¹¹ Ср. K. Hořálek, *Evangelíáe a čtveroevangelia*, стр. 14 и сл.

¹² Ср. H. Pernot, *Études sur la langue des Évangiles*, Paris, 1927, стр. VII и сл.

¹³ Там же, стр. VIII. А. Перно большей частью занимается синтаксическими различиями евангельских текстов (инфинитивные конструкции и гипотаксис); можно назвать и ряд лексических различий — ср., например, W. Bauer, *Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur*, 4-е изд., Berlin, 1952.

¹⁴ Здесь можно назвать лишь весьма важную работу Й. Курца о Зографском евангелии (J. Kurz, *K Zografskému evangeliu*, «Slavia», г. IX, seš. 3—1930, seš. 4—1931), где систематически в таблицах показаны языковые различия по евангелиям, преимущественно фонетического и морфологического характера. Автору удалось установить наличие характерных лексических слоев в языке Зографского четвероевангелия

в какой-то мере нивелировал языковые различия между греческими евангелиями и тем самым органически объединил четвертое евангелие с тремя первыми¹⁵.

Исследование запаса слов в евангелиях по семантическим разделам позволяет оценить культурный кругозор и степень цивилизации тогдашних славян. Словарный состав евангельского перевода показывает, что люди, говорившие на старославянском языке, стояли на высокой ступени культурного развития, чем объясняется и высокое качество первых славянских переводов. Широкий и богатый запас слов старославянского языка позволял говорить не только о семейной жизни, о работе, службе, природе, стихиях, о животных и растениях и др., но также о религиозных и философских проблемах, об эстетических принципах, правовых отношениях и т. д. Известно наблюдение В. Ягича над тем, что некоторые абстрактные слова в первоначальном переводе остались непереуведенными, между тем как в более поздних списках непереуведенные грецизмы заменены славянскими выражениями¹⁶. С другой стороны, К. Горалек показал, что отношение греческого текста к славянскому переводу сложнее: в евангельском тексте происходил процесс последующего сближения с греческим оригиналом, т. е. как бы новая грецизация¹⁷. Замечание Ягича оставляет нерешенным вопрос, в какой мере и где старославянский язык Константина и Мефодия, как язык людей, воспитанных на греческой культуре, и несомненно интеллектуализованный, освобождался от некоторых грецизмов. Не освобождался ли евангельский текст от непереуведенных греческих слов в великоморавской среде, непосредственно в той местности, где он употреблялся? Ведь эти грецизмы для восприятия славян, отдаленных от византийской империи, были труднее, чем для византийских славян. Здесь следует иметь в виду и идеологическое значение евангельского текста, в котором излагались основы новой религии. По вопросу о том, было ли в славянском языке достаточно слов по сравнению с оригиналом (т. е. соответствует ли словам, обозначающим те или иные явления в греческом оригинале, одинаковое количество слов в славянском переводе), в общем можно сделать следующий вывод. Количество старославянских слов или соответствует количеству греческих слов, или лишь немногим меньше, но нередки и такие случаи, когда старославянский перевод располагает большим количеством слов для определенного круга выражений, чем греческий оригинал¹⁸. Если прибавить к этому, что старославянский язык знал во всяком случае больше слов, чем было до сих пор установлено или чем можно было установить в языке перевода, далее то, что запас слов всегда нужно понимать как живой, т. е. как способный органически пополняться и приспосабливаться к возлагаемым на него задачам, то тем более следует считать правильным заключение, что при переводе на старославянский язык переводчик не встречал не только непреодолимых препятствий в славянском запасе слов, но даже и сколько-либо серьезных

¹⁵ К. Горалек (см. «Evangeliáfe a čtveroevangelia») высказывает справедливую мысль, что первоначальный перевод старославянского евангельского текста не был единообразен в лексическом отношении; тем не менее есть основания полагать, что в целом образовался удивительно единый текст, возможно, различающийся в деталях. Сохранившиеся уже более поздние списки — рукописи евангельского текста — говорят о большом единстве текста.

¹⁶ См. V. J a g i ć, Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, Fern, 1913, стр. 299—322.

¹⁷ К. Н о г á л е к, Evangeliáfe a čtveroevangelia, стр. 229 и сл.

¹⁸ Ср. выводы работы «Studie o vidovém systému v staroslověnsčíně», посвященной в особенности богатому запасу глаголов, лексическое значение которых, как выясняется, часто пластичнее, чем у греческих (например, при передаче видового аспекта глагольного действия). Что касается того, что один старославянский глагол передает несколько греческих глаголов, то одинаковое положение наблюдается у глаголов оригинального текста, где одному старославянскому слову соответствует несколько греческих глаголов.

затруднений. Об этом свидетельствует, с другой стороны, и то, что создание безукоризненного перевода обусловлено способностью языка осуществить такой перевод.

В великоморавской среде, очевидно, нужно было несколько изменить лексический состав тех слов, которые отражали непосредственно византийский опыт, т. е., например, византийскую или малоазиатскую систему администрации, и названия местного характера, которые проникли в греческий текст евангелия. Чтобы получить способность к широкому распространению, текст должен был освободиться от местных выражений. Видимо, не предполагать развитость старославянского языка до возникновения первых текстов и, таким образом, считать возникновение этих текстов эпохальным явлением было бы невозможно, хотя это вовсе не значит, что первые переводы в действительности знаменовали целую эпоху в славянской письменности и в культурном и общественном развитии. Перевод удачно показывает переводческое искусство Константина. Имеются данные, свидетельствующие о том, что переводчик перевел многие места более конкретно и пластично, чем их выражал оригинал; например, греч. βάλαις в переводе соответствует не только ст.-слав. *мести*, но также более конкретное *дати* и др. Таких примеров можно привести много. С другой стороны, имеются случаи отступления от оригинала, которые трудно объяснить. Естественно, что упрощать сложный вопрос первого перевода греческого текста не следует (здесь встают, например, вопросы, пользовался ли Константин другими переводами евангельского текста, далее, отражает ли этот перевод действительный язык реального общения и в какой мере, а также насколько он должен был быть дополненным, чтобы выполнять функции первого литературного языка и т. д.).

Великоморавская культурная среда оказала заметное воздействие на лексический состав Киевских листков (как и на фонетическую их сторону — ср. наличие в них типичных фонетических великоморавизмов). В Киевских листках общая с евангельскими текстами лексика представлена наряду с некоторыми не вошедшими в евангельский текст словами (например, глагол *сграсти*, ср. *лѣта сгра джиѣ*). В этом отношении особенно характерен ряд имеющихся в тексте латинизмов (*ирѣѣ гциѣ*, *свлатъ*, *папѣжъ* и др.). Влияние великоморавской речи в евангельском тексте значительно слабее, чем в тексте богослужебном; это объясняется тем, что евангельские тексты, имевшие основное догматическое значение для нового учения, вскоре стали обязательными, священными. Что касается текста Киевских листков — богослужебной книги, занимающей благодаря своеобразному и в значительной мере индивидуальному решению Константина¹⁰ особое положение среди других богослужебных книг, то его можно было изложить населению Великоморавского государства в значительно более доступной форме. Этому содействовали уже самые принципы славянской литургии как богослужения, совершающегося на понятном славянском языке.

Кроме евангельского текста очень рано был переведен текст ветхозаветной книги псалмов, так называемой псалтыри. Отдельные псалмы и в еврейском оригинале различны в языковом и тематическом отношении. Для перевода они необыкновенно трудны, очень часто в них приходится наблюдать перенос значения слов и затемнение первоначального смысла, что в новых списках создавало иногда полную непонятность текста. Перевод псалтыри требовал большого стилистического искусства и из-за жанрового разнообразия псалмов (рефлексивная лирика, отчасти произведения лиро-эпические, произведения пророческого характера и т. п.). Старославянский перевод и в этом случае был сделан с греческого, который

¹⁰ Ср. J. Vašica, Slovanská liturgie nově osvětlená: Kijevskými listy, SaS, r. VI, č. 2, 1940; его же, Slovanská liturgie sv. Petra, «Byzantinoslavica», t. VIII, 1939—1946.

был по традиции осуществлен в Александрии, очевидно для эллинизированных евреев. Дошедший до нас переводный текст псалтыри, вероятно, прошел еще более сложный путь, чем евангельский текст. По-видимому, славянский текст псалтыри, как и текст евангелия, был сделан на основе какой-нибудь константинопольской рукописи, а возможно, и по какому-нибудь кодексу (или кодексам) смешанных редакций. В старославянской литературе текст псалтыри сохранился очень хорошо, а именно — в рукописях Синайской, Слудской, Болоньской, Погодина и др.; очень важны также хорватские рукописи псалтыри. В рукописных сборниках текст псалтыри, как правило, представлен многочисленными рукописями. Подробный анализ старославянского текста псалтыри еще не выполнен, исследовались по преимуществу частные вопросы²⁰. В лексическом отношении перевод псалтыри обнаруживает прочные связи с запасом слов евангелий, но он имеет и свои особенности и неологизмы. Как и евангельский, текст псалтыри дал переводчику возможность использовать семантические группы слов, относящиеся к природе и вообще к среде, в которой живет человек. Ср.: *дъбрава*, *лжгъ*, *дъбрь* «яма», *взеро*, *акротъмъ* «кремень», *кранъ* «ворон», *кратъбъл* «перешел, коростель», *немысѣ* «пеликан», *кедръ* — *хѣдръ* (не переведено) и другие слова, касающиеся человека, его тела, жилища, пищи, болезни, работы, а также и высшей человеческой деятельности: *гжсан*, *органъ* (не переведено), *псалтыр'ъ* «арфа, струна», слова, относящиеся к религиозной деятельности человека и его философской идеологии. Ряд этих слов остался без перевода (кроме названных, ср.: *идолъ* — *εἰδῶλον*, *икона* — *εἰκὼν* и др.). В сравнении с евангельскими текстами в тексте псалтыри сохранилось больше слов для выражения специальных значений; например, у глаголов имеется большое количество слов с префиксом²¹. Перевод псалтыри, очевидно, был сложнее для переводчика, чем перевод текста евангелия. Однако если сравнивать количество греческих слов для выражения отдельных значений с количеством их старославянских соответствий, то перевод и этого текста показывает не больше расхождений, чем перевод евангелия. Словарный состав псалтыри в отличие от евангельского является в полной мере живым, способным дополняться и развиваться. Это ясно проявилось на примере некоторых записанных в псалтыри слов, может быть даже специально образованных в связи с потребностями перевода, для употребления которых в евангельском тексте не представлялось случая. При этом наличие определенной переводческой традиции, регулярность и стабилизация перевода некоторых греческих оборотов старославянскими словами или фразами.

Без сомнения, очень трудным для перевода был текст, сохранившийся в Синайском грехнике. Словарный состав этого текста, имеющего важное значение при изучении вопросов юридического и исторического характера и вопросов византийско-славянских отношений, представлен, хотя и не совсем точно, в индексе Слопского, который составлен на основе издания Л. Гейтлера и только отчасти проверен по изданию Й. Фрчека²². Как известно, издание Гейтлера воспроизводит текст в искаженном, неточном виде, и надежным является только издание Фрчека, снабженное имеющимися греческими параллелями, параллелями древневерхненемецкими и переводом. Фотографическое издание и точный список всего текста²³, сде-

²⁰ Ср.: J. Laugénčik, *Nelukianovská čtení v Sinajském žaltáři*, «Slovanské studie», Praha, 1948; J. Vajs, *Které recenze byla řecká předloha staroslověnského překladu žaltáře*, «Byzantinoslavica», t. VIII; *ero же, Je-li staroslověnský překlad eвангелия а žaltáře nějak závislý na gotském překladu Vulfilově?*, там же.

²¹ Ср. A. Dostál, *Studie o vidovém systému v staroslověnině*, стр. 62, примеч. 1.

²² J. Frček, *Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française*, «Patrologia orientalis», Paris, t. XXIV, fasc. 5—1933; t. XXV, fasc. 3—1939.

²³ Ср. R. Nachtigal, *Euchologium Sinaiticum. Starocerkvenoslovenski glagolski spomenik*, Ljubljana, deo I — 1941, deo II — 1942.

ланный Р. Нахтигалем, позволил исправить некоторые ошибки, чего не мог сделать Фрчек из-за отсутствия фотокопий рукописи. Специфическая лексика молитв, юридические термины канонического права, термины, отражающие разные детали, связанные с византийским монахизмом, термины богословские и церковные — все эти особенности греческого текста требовали большого искусства от переводчика, а также, конечно, развитости словарного состава старославянского языка. Как и текст псалтыри, текст Синайского требника связан в языковом отношении с традицией евангельских текстов и первых переводов; с другой стороны, трудность перевода содействовала употреблению в нем младшего слоя старославянской лексики. Можно полагать, что этот новый слой здесь несколько меньше, чем в псалтыри. Так, например, в этом тексте соотношение между количеством простых глаголов и сложных глаголов с префиксом, выражающих специальные значения, приблизительно равно 1 : 3, а в псалтыри 1 : 4. В то же время в этом тексте очень много отглагольных существительных на **-ик** (**-ник**, **-тик**), которыми регулярно выражаются абстрактные понятия.

Некоторыми особенностями словаря текст Синайского требника приближается к более позднему периоду старославянских переводов, представленному Супрасльской рукописью, однако другая часть словарного состава убеждает в древности текста и позволяет отнести его к первому периоду старославянской письменности. В тексте отражаются два культурных течения: древняя традиция и течение более позднего периода; некоторые части Синайского требника по своему содержанию относятся к греческой, византийской области, в других же частях имеются явные свидетельства их принадлежности к великоморавской или даже чешской среде. Й. Фрчек нашел греческие оригинальные тексты к большей части рукописи, что указывает на византийское происхождение основной части текстов²⁴. Несмотря на большую трудность греческого текста, индекс Слоцкого, а также собранный мною материал по употреблению глаголов в этом памятнике²⁵ показывают, что перевод был осуществлен без каких-либо серьезных лексических затруднений. Можно найти случаи, когда несколько греческих слов переведено одним старославянским, но в ряде случаев наблюдается и обратное положение — например, *αφίσταμι* переведено через *отати*, *отъстжнити*, *отъстжнѣти*, *отъстави*, *отжнѣти*, *оставити* и др.

Среди глаголов есть такие, которые представлены в любом каноническом памятнике, начиная с евангельских текстов и кончая Супрасльской рукописью, такие, которые сохранились и в требнике и в других неевангельских текстах, наконец, такие, которые имеются только в данном памятнике²⁶. Эта последняя группа включает слова древнего происхождения, а также слова, представляющие младший слой, т. е. глаголы на **-зати**, **-зѣж** (вторичные), например: *апостолъствевати*, *балзевати*, *чъствевати*, *избытъчъствевати*, *шьствевати*; глаголы IV класса, например: *гладити*, *гнѣздити*, *коурити*, *мразити*, *сванити*, *трѣзвѣти*, *вразити* и т. п. Два слоя можно наблюдать и в области словообразования. Так, у прилагательных и в псалтыри и в требнике наблюдается перевес суффикса **-скъ** над суффиксом **-нъ**, но в отличие от псалтыри в требнике прилагательных на **-нъ** больше, что указывает на более древний слой прилагательных. Существительные абстрагированного значения также отражают две тенденции словообразования — здесь конкурируют отглагольные существительные на **-ниѣ**, **-тик** и существительные с и-основами на **-ость**, например: *днѣконъство*, *празднъство*, *родительство*, *родъство*, но *пришьство* — *пришьственѣ* и др.

²⁴ Интересные замечания к тексту требника имеются в новой работе А. Вайяна (A. Vaillant, L'Encologe du Sinai. Particularités de la langue du texte, «Byzantinoslavica», t. XXI, 1, 1960).

²⁵ Ср. А. Достál, Studie o vidovém systému v staroslověnštině, стр. 62.

²⁶ Ср. там же, стр. 573 и др.

В области гомилетической и житийной литературы сохранились весьма обширные тексты, среди них и очень древняя рукопись Клоца, а также сборник гомилий Михановича²⁷, который не относится непосредственно к древнейшим старославянским рукописям, и более поздние, относящиеся уже к смесловскому периоду, — Супрасльская рукопись²⁸. В рукописи Клоца особое место занимает так называемая Ановимная гомилия, оригинальное творение Мефодия, греческого подлинника которой не имеется. Еще не был окончательно решен вопрос, была ли эта гомилия создана сначала на греческом языке и потом переведена с греческого оригинала, написанного Мефодием, или же она была написана непосредственно на старославянском языке, обнаруживающем следы греческого влияния²⁹. Это очень выразительный текст, имеющий строгую идейную и логическую структуру и построенный как наставление правящему князю Святоплаку и его окружению. В Ановимной гомилии имеются слова, которые можно найти только в данной гомилии, а также слова, встречающиеся и в этой гомилии и в других произведениях сборника; эти последние также можно разделить на две группы — одни из них употребляются в гомилии значительно чаще, чем в остальных произведениях сборника, другие — реже.

Приведем список слов, которые в Клоцевом сборнике встречаются только в составе Ановимной гомилии: **вештиница** (ср. **вештиньныи** — Супр., 497, 24); **владычстник** (ср. Мар. XII, 11, требн. 55а, 19); **влады** (сохранилось в других памятниках³⁰); **възменаидѣти** (сохранилось в других текстах³¹); **акстола** (слово, часто встречающееся и в других текстах); **въпъсати** (только в рукоп. Клоца и Супр.³²); **дальнини** (ср. Супр., 559, 9); **длъжанъ** (хорошо представлено в евангельск. тексте); **дсстсинъ** (ср. **дсстсник** в Сив. псалт., в Мар. часто встречается **дсстсинъ**); **дѣаник** (ср. **дѣати** в евангельск. и других древних памятниках³³); **желѣзо** (ср. **желѣзынъ** в Мар., **желѣзо** в Супр., в псалт. и др.); **зачинати** (только в этой гомилии, в других текстах не сохранилось); **извѣдѣти** (сохранилось еще в псалт. и в рукоп. Клоца); **искушати** (сохранилось в евангельск. тексте, в Супр., Хиландар. листках); **истѣлѣник** (сохранилось в псалт., требн. и др.); **кромѣ** (ср. Мар. и др.); **кръстити** (глагол, часто встречающийся во всех текстах); так же **кръстианинъ**, **кръштеник**; **крѣпко** (наречие, обычно употребляется **крѣпкъ**); **къмстра** (встречается лишь в этом тексте); **къмлазь** (частое слово); **къстити** (в евангельск. и синайск. текстах); **къбити** (частое слово); **къбодѣти** (в Мар.; ср. **къбодѣник**, **къбодѣинъ**); в рукописи Клоца в этой гомилии сохранилось также прилагательное **къбодѣини**; **наслѣдствѣкати** (кроме того, и в псалт., V, 1); **неправда** (в Мар. и других текстах); **неприазнь** (в Мар. и других текстах); **непрѣстѣжльныи**; **непѣшкетати** (в Мар. и других текстах); **нечистота** (в Мар. и других текстах); **нечстник** (в Супр., часто и в других текстах); **обидяникъ** (ср. Мф. V, 45, Савв. кн.); **не свиновати са** (в евангельск. и других текстах); **обништати** (также в псалт. и Супр.); **сгиъ** (в евангельск. и других текстах); **стѣбѣжати** (также в требн., Лавр. и Супр.); **стѣданик** (в Мар.); **стѣстсати** (в евангельск. и других текстах), более позднее сложное слово, употребляющееся нарав-

²⁷ R. Aitzetmüller, *Mihanović Homiliar*, Graz, 1957.

²⁸ См. С. Северьянов, *Супрасльская рукопись* («Памятники старославянского языка», т. II, вып. 1), СПб., 1904.

²⁹ Ср. A. Vaillant, *Une homélie de Méthode*, RESt, t. XXIII, № 1—4, 1947. В своей новой работе А. Вайян показывает, что при анализе языка гомилий, входящих в состав Клоцева сборника, обнаруживается способность старославянского языка выражать не только тонкие семантические оттенки оригинала, но даже средневековое, особенно определенное в гомилетической литературе, увлечение игрой слов (A. Vaillant, *L'Homélie d'Épiphane sur l'ensevelissement du Christ. Texte vieux-slave, grec et traduction française*, «Radovi Staroslavenskog instituta», knj. 3, 1958, стр. 9—10; рец. А. Достала на эту работу см.: «Byzantinoslavica», t. XX, 1, 1959).

³⁰ Ср. «Studie o vidovém systému v staroslověnině», стр. 158.

³¹ Там же, стр. 467.

³² Там же, стр. 318.

³³ Там же, стр. 505.

не с *остоати*; *подоба* (в Супр. и других текстах); *позырѣти* (также в псалт., требн., Супр.); *покомъ* (ср. в евангельск. текстах *искени*); *покрыти* (употребляется часто, начиная с древнейших текстов); *постъ* (в евангельск. и других текстах); *поштеник* (в Супр.); *прилѣплатиса* (также в псалт. и требн.); *присага* (ср. *присагыжти*); *причастикъ* (ср. *причлстаникъ* в Мар.); *прожлати* (в евангельск. и других текстах); *прозучати* (только в рукоп. Клоца); *профитъ* (обычно *пророкъ*, в рукоп. Клоца непереведенное греческое слово, очевидно, мало понятное переписчику; встречается и с ошибкой — *фропитъ*); *прѣлобы*, *пѣсати*, *развѣ* (часто в евангельских и других текстах); *различениѣ* (в рукоп. Клоца неправильно, вместо *разлжчениѣ*, часто встречается); *разлжчити* (часто встречается); *рачни* (в других текстах только *радъ*); *отъ селѣ* (часто встречается); *слоухъ* (часто встречается); *саѣдъ* (часто встречается); *соулѣи* (ср. *соуле истъ* — Супр. 394, 11); *сѣвести* (в еванг., псалт., Супр.); *сѣнь* (в евангельск. и других текстах); *сѣньмъ* (в евангельск. и других текстах); *такоевьсь* (особенность Клоцева сборника); *такожде* (в евангельск. и других текстах); *трепетати* (в евангельск. и других текстах); *трепетъ* (еванг., ср. Мар.); *трѣпѣлс[т]вѣ* (ср. *трѣпѣлиѣ* в Супр. и др.; в рукоп. Клоца образование с абстрактным значением слова); *трѣбѣ* (и в Мар., также *трѣба*); *тажа* (ср. *тажакъ*; слово *тажа* в сборнике Клоца на поврежденном п неясном месте); *оукориѣна* (ср. Супр. 539, 19); *оукорити* (в евангельск. и других текстах); *сунѣбытити* (только в рукоп. Клоца в этой гомилии); *сунѣк* (в евангельск. и других текстах); *супѣвати* (часто встречается в древнейших текстах); *оуслышати* (очень часто в самых древних текстах); *оустъна* (в евангельск. и других текстах); *оудѣник* (также в Хиландар. листах); *хранити* (часто в самых древних текстах). Подавляющее большинство приведенных слов встречается также в других старославянских памятниках, *нарах legomena* редки. Таким образом, запас слов Анонимной гомилии не выходит из рамок остальных текстов.

Еще большее разнообразие представлено в текстах Супрасльского кодекса, где запас слов обнаруживает, с одной стороны, прочные связи с более древней литературной традицией евангельских и других текстов, с другой — большую жизненность и гибкость в расширении лексических средств, которое диктовалось высокими требованиями оригинала. Если запас слов Клоцева сборника и в особенности Супрасльской рукописи распределить по семантическим разделам, отражающим положение, среду, общественные отношения и т. п. человека, то получится богатая разнообразная картина жизни того времени. С точки зрения перевода интересно, что тексты, весьма разнообразные в языковом отношении, характеризуются значительным стилистическим и тематическим единством. Очевидно, в то время, когда писалась Супрасльская рукопись, уже существовала прочная литературная традиция, кодифицированная древними текстами, но приспособляющаяся к новым требованиям литературного роста и общественной жизни, складывающимися к симеоновскому периоду. В первую очередь это сказалось на лексическом составе памятников. Однако и Супрасльская рукопись никак не выделяется в отношении запаса слов из ряда остальных текстов, хотя здесь представлено значительно больше слов, часто *нарах legomena*³⁴.

В составе Супрасльской рукописи насчитывается, как известно, 48 произведений — частью гомилетических, частью житийных. Из гомилетических известны сочинения Иоанна Хризостома и других. Гомилетические произведения написаны языком, более близким к разговорному. Так, пропуск вспомогательного глагола в перфекте наблюдается преимущественно в гомилетических произведениях. По-видимому, подобные разли-

³⁴ В связи с особенностями оригинального текста в Супрасльском кодексе часто употребляются специальные слова, в ряде случаев нигде больше не встречающиеся. Ср. данные «Wörterbuch» К. Г. Мейера и «Словаря старославянского языка», где для заглавных слов небольших по объему словарных статей указывается, исчерпан ли весь сохранившийся материал, а также обозначаются отдельные *нарах legomena*.

чия существуют и в лексике; в частности, в этом смысле интересен вопрос о количественном соотношении непереуведенных греческих слов в гомилетических произведениях и в более книжных житийных произведениях. Этот вопрос остался открытым даже после появления работ А. Маргульеса, В. Вондрака и др. Маргульес, автор монографии о Супрасльской рукописи, посвятил словарному запасу этой рукописи лишь несколько замечаний; что касается непереуведенных греческих слов, то Маргульес считает маловероятной последующую грецизацию текста, как это подчеркивалось в прежних исследованиях³⁵. Маргульес приходит к довольно пессимистическому заключению: кодекс, по его мнению, свидетельствует о сильном ослаблении интереса к переводам, о нарушении тех художественных принципов перевода, которые сказались, например, на переводах евангелия Константином. В связи с этим нюансы значений отдельных слов выражены неточно. Маргульес напоминает, что одним старославянским глаголом часто переводится целый ряд греческих; он имеет при этом в виду, очевидно, и явные ошибки и неточности перевода, установленные К. Г. Мейером («Altkirchenslavische Studien», I). Несомненно, ряд ошибок и неточностей, допущенных в Супрасльской рукописи при переводе с греческого, свидетельствует уже о другом отношении перевода к оригинальному тексту. Необходимо, однако, напомнить, что хотя греческие тексты и известны для основной части Супрасльской рукописи, все же они неизвестны для кодекса в целом. Конечно, переводческая традиция евангельского текста здесь продолжается; так, на стр. 368 (строки 26—30) имеется длинная цитата из евангелия, далее, библейские новозаветные и ветхозаветные цитаты очень распространены в гомилетических текстах: как богослужебные проповеди гомилии основываются на толковании библии. Однако все же тщательного сравнения этих цитат со старыми евангельскими или ветхозаветными переводами на старославянский язык пока не имеется; нет даже их списка. До сих пор тщательно не исследованы греческие тексты, относящиеся к этому сборнику. Ряд их известен из некритических изданий, с многочисленными ошибками (ср. греческие тексты, напечатанные в патрологии Миня и др.), а между тем они нуждаются в критическом истолковании. Тем более это необходимо потому, что некоторые греческие тексты явно свидетельствуют лишь о своей большей близости к старославянскому тексту по сравнению с другими текстами. Переводчики же или знали другую версию греческого оригинального текста, или парафразировали греческий текст, или переводили неправильно, или, наконец, уже не владели безукоризненно греческим языком, и, таким образом, положение здесь уже иное, чем в евангельских текстах или в других переводах Константина.

Изменение отношения перевода к оригиналу — обычное явление в небиблейской средневековой литературе. Об этом забывают исследователи Супрасльской рукописи, которые вменяют в обязанность переводчику точный перевод греческого текста. Все отклонения перевода считаются при этом ошибкой или упадком, однако следует помнить, что отношение средневековых писателей и авторов хроник, легенд и других разнообразных произведений к источникам было более свободным, чем в новое время: средневековые авторы иногда цитируют источники (обычно неточно), но, как правило, относятся к ним лишь как к пособиям для составления текста. Парафраза греческого текста известна в целом ряде памятников: ср. церковнославянские хроники или отношение древнерусского перевода византийского эпоса о Дигенисе Акрите к греческому тексту и др. Таким образом, если на греческий текст евангелий можно смотреть как на параллельный, считая слова греческого текста лексическими соответствиями старославянских слов, то положение в текстах Супрасльского сборника совсем иное, и для целого ряда случаев здесь нельзя искать точных семан-

³⁵ См. А. Margulies, Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis, стр. 75 и сл.

тических эквивалентов. Греческие гомилетические и житийные тексты писались их авторами для другой ситуации и среды, отличной от славянской, и возможно, что переводчики сборника хотели приблизить текст к славянской среде и нужным им целям. Этим, конечно, несколько не оправдываются некоторые явные ошибки перевода.

Вопрос о том, достаточен ли был словарный состав для перевода греческого текста, понимается иногда довольно механически. В каждом индексе, в том числе и индексах евангельских текстов, для каждого заглавного слова приводится несколько греческих эквивалентов. Так же построен список слов Супрасльской рукописи (Мейера). Создается впечатление, будто старославянский запас слов не был обширным и во всяком случае был беднее греческого. Но обратный индекс дал бы ту же картину: одному греческому слову всегда соответствовало бы несколько старославянских. Когда Мейер объясняет некоторые ошибки перевода плохим знанием греческого языка, то при таких параллельных сравнениях всегда отсутствует очень важный момент, а именно — доказательство, что переводчик всегда хотел точно выразить то, что он прочитал в греческом тексте.

Мейер придает слишком большое значение предположению, что переводчик должен был точно переводить, а не свободно пересказывать. Если же не будет учитываться еще то обстоятельство, что переводы переписывались с ошибками и списки подвергались изменениям, потому что это были не библейские канонические тексты, то получится искаженное представление о том, что будто бы после блестящих переводных работ эпохи Константина наступило время упадка. Можно назвать хотя бы тексты Иоанна Экзарха, исследователь которых Г. Якше показывает, что болгарской придворной среде времени их составления была известна философия³⁶. Хорошо известно, что положение библейских текстов в церковнославянской литературе при всей его сложности несравненно яснее, чем положение мивейных текстов, к которым, как менологией на месяц март, принадлежит Супрасльский сборник; последняя часть его особенно сложна и требует критического объяснения. При исследовании старославянской и церковнославянской литературы часто выясняется, что тексты, которые считались неясными, искаженными по вине переписчиков, замечательным образом показывают стремление выразить мысль иначе, точнее, оттенить значение и т. д.

По мнению Маргульеса, Супрасльская рукопись имеет более византийский характер, чем другие тексты. Это доказывается на примере некоторых касающихся администрации слов, замененных при переводе. В ряде случаев текст дает возможность узнать о существовании тех или иных византийских реалий. Действительно, сборник имеет большое значение для изучения византийско-славянских отношений. Но наряду с более поздним слоем в нем в значительной мере сохраняется запас слов, относящихся к периоду наибольшего развития письменности при Симеоне; здесь ясно видна традиция словоупотребления первых классических переводов, от которой сборник ни в какой мере не отделяется и которую он развивает. Нельзя согласиться с мнением Маргульеса о том, что сборник служит свидетельством наступления сумерек литературной деятельности в период упадка. Напротив, тексты Супрасльской рукописи заслуживают высокой оценки, поскольку техника перевода показывает, что замечательные принципы, положенные Константином и Мефодием в основу славянской письменности, расширились и развивались дальше даже и тогда, когда пишущие уже не имели такого образования и писательской практики, как Константин. Для конкретного изучения всех этих важных вопросов необходимо осуществить критическое издание всех греческих текстов, которые так или иначе можно считать источниками Супрасльской рукописи, и сравнить их с другими греческими рукописными и изданными

³⁶ H. J a k s c h e, Das Weltbild im Šestodnev des Exarchen Johannes, «Die Welt der Slaven», Jg. IV, Hf. 3, Wiesbaden, 1959.

уже версиями, а также со старославянскими текстами не только Супрасльского кодекса, но и сборника Клоца, сборника гомилий Михановича и др. Отчасти это уже сделано в моем издании сборника Клоца.

Названия различных культурных, общественных, экономических и других понятий, сохранившиеся в Супрасльской рукописи, как указывает и Маргульес, свидетельствуют о расширении словарного запаса, отраженного в ранних евангельских переводах и других переводах периода деятельности Константина и Мефодия, и о высоком культурном уровне среды, в которой писалась рукопись. Несомненно, она составлялась на фоне византийско-греческой письменности, влияние которой, однако, не следует переоценивать. Старославянские и особенно церковнославянские тексты, в отличие от оригинальной славянской литературной продукции, иногда обозначаются термином «переводная литература». Возникает вопрос, является ли это обозначение вполне правильным, не накладывает ли при этом на древние тексты излишняя печать зависимости, мешающая оценить их по достоинству. Выяснить это можно, лишь хорошо издав все тексты церковнославянской письменности, которые таким образом стали бы доступны не только лингвистическому, но и литературоведческому исследованию. Такое исследование показало бы, что, как и другие литературы, старославянская литература начала свое развитие с переводных текстов, однако вскоре вступила на самостоятельный путь развития, на котором с течением времени все более укреплялась. Не следует забывать, что и для самого раннего периода известны прекрасные оригинальные произведения, такие как Пролог к евангелию, приписываемый непосредственно Константину, Анонимная гомилия, приписываемая непосредственно Мефодию, замечательные тексты легенд (обе так называемые паннонские легенды, легенды о св. Вячеславе и др.). Много ценных свидетельств о словарном составе дают и другие тексты, например так называемые беседы Григория и т. д.

В настоящей статье, целью которой было поставить некоторые вопросы, автор стремился показать, что старославянский язык располагал богатым словарным составом. Этот словарный состав показал себя жизненным, способным к росту и развитию в соответствии с требованиями развивающейся литературы, причем сюда следует отнести и его способность органически воспринять и славянизировать греческую лексику и даже некоторые принципы словообразования, способствовавшие расширению славянского словаря. Именно с этой точки зрения следует рассматривать вопрос о кальках из греческого: кальки типа *благословити* увеличивают число слов этого словообразовательного типа и в конечном счете расширяют лексические возможности старославянского языка. Словарный состав старославянских переводов, имеющий своим источником разговорный язык, свидетельствует о его весьма высоком культурном уровне уже в докирилло-мефодиевский период; это утверждение, конечно, несколько не уменьшает заслуг Константина и Мефодия и их учеников. В словарном составе старославянского языка можно видеть определенную неравномерность, вызванную, очевидно, перепиской рукописей и проявляющуюся в том, что некоторые рукописи сохраняют слово, в других местах не встречающееся; с другой стороны, необходимо также подчеркнуть органическое единство старославянского словарного состава как целого, которое выявилось при анализе вида старославянского глагола и которое, без сомнения, можно обнаружить при анализе любой части речи.

В заключение следует еще раз подчеркнуть необходимость хорошего знания церковнославянских текстов. Нельзя по-настоящему изучить старославянские тексты, не осознав те связи, которые существуют между ними и церковнославянскими текстами, и во всяком случае нельзя рассматривать эти тексты как исключительное, обособленное явление, сменившееся периодом упадка с окончанием кирилло-мефодиевской эпохи.

Н. Ю. ШВЕДОВА

**ПРОБЛЕМА ЛЕКСИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ
КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СИНТАКСИСА
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVIII — XIX вв.**

1. Изучение истории синтаксического строя литературного языка нового времени таит в себе ряд специфических трудностей, связанных с общим характером и темпами развития грамматического строя языка. Задача такого изучения может быть понята по-разному. С одной стороны, она может быть традиционно поставлена как изучение истории отдельной конструкции или группы конструкций. Но, задавшись целью изучить историю конструкции на протяжении сравнительно небольшого и близкого к современности отрезка времени, исследователь очень часто оказывается перед фактом отсутствия каких-либо изменений в самой модели конструкции, что, естественно, обусловлено крайне медленными темпами изменений в грамматическом строе. Таким образом, традиционный подход к «истории категорий», взятых изолированно, как отдельный и самостоятельный объект, обнаруживает здесь свою непригодность. Более целесообразной и исторически оправданной будет попытка изучить движение целой группы конструкций, находящихся в относительно постоянных (но не стабильных) структурных и смысловых соотношениях. Это будет попытка восстановить историю развития соотносительных связей, историю семантических перемещений и изменений в употребительности, в сферах бытования и в стилистической окраске соотносительных форм. Здесь открывается широкое поле для исследования. Системы соотношений гораздо более подвижны и изменчивы, чем самые модели, формы конструкций. Эти системы, по существу, и должны представлять собою объект исторического исследования: именно они являются той исторической «синтаксической реальностью», которая находится в постоянном движении и развитии.

2. Но если модель той или иной синтаксической конструкции на протяжении последних двух столетий не претерпевала внешних изменений, то значит ли это, что за истекшее время она не имела никакой «внутренней истории», что в ней не происходило никакого движения? Такой вывод был бы односторонним и неверным. Дело в том, что, кроме изменений собственно формальных (тогда, когда они имеют место), кроме изменений в связях и соотношениях с другими типами построений, в употребительности и в сферах бытования, в жизни синтаксической конструкции очень часто происходят изменения внутренних условий ее функционирования, т. е. изменения отношений между синтаксической моделью и способным наполнять эту модель словесным материалом. Эти отношения меняются, и изменения эти очень часто оказывают решающее влияние на судьбу модели в целом.

Известно, что очень многие схемы словосочетаний, односоставных предложений, сказуемых ограничены в возможностях своего словесного наполнения. Это не теограничения, которые связаны с содержанием речи, с невозможностью сочетания слов, непосредственно обусловленной невозможностью сочетания реалий. Лексические ограничения как один из структурных факторов, по существу, как своеобразный формопоказатель модели имеют другие, собственно языковые истоки и причины, причем выявле-

ние этих причин составляет особую задачу, которая в большинстве случаев может быть решена лишь после специальных исторических разысканий.

Лексические ограничения в построении моделей неоднородны. С одной стороны, вся категория слов, способных участвовать в построении той или иной модели, может быть ограничена, т. е. включать в себя считае́мый ряд лексем. Таков, например, характер лексической ограниченности той модели безличного предложения, которая строится с собственно безличными глаголами (*вечерело, рассвело* и т. п.). Изменения в составе слов, способных наполнять такую модель, в данном случае никак не относятся к истории модели, но только к истории соответствующей категории слов¹.

С другой стороны, и чаще, сама по себе категория слов, «закрепленных» за определенным типом конструкции, не знает узких границ; однако далеко не все слова этой категории могут быть использованы при формировании такой конструкции. Примером лексического ограничения этого типа могут служить безличные предложения, главный член которых выражен сочетанием им. падежа существительного с инфинитивом. Слова, входящие в категорию имени существительного, практически бесчисленны; но в формировании безличных предложений названного типа могут участвовать лишь несколько десятков отвлеченных слов с самой общей семантикой объективно данного или субъективно выявляющегося состояния или возможности и долженствования (*Сейчас не место и не время об этом говорить; Не дело тебе здесь оставаться; Велика вещь возить или пахать!; Написать «Выжигина» не штука; Ей не след выходить замуж; Срам смотреть; Просить для меня нож; Твоя воля их принять или не принять; Грех тебе будет не заехать и т. п.*). Именно такое специфическое употребление дает повод для выделения — на наш взгляд недостаточно обоснованного — некоторых из этих существительных, особенно часто употребляющихся в таких конструкциях (*охота, грех, лень, пора, время* и под.), в особую «категорию состояния». Другим примером могут служить безличные предложения, строящиеся сочетанием местоимения *что* с род. падежом лишь нескольких существительных отвлеченной семантики или узкого круга качественных прилагательных (*Что пользы по свету таскаться!; Что общего меж нами!; Что мне лестного быть членом клуба!; Что прибили любить!*).

3. Лексико-семантические ограничения, действующие при наполнении разных синтаксических моделей, исторически изменчивы. В этих изменениях проявляется внутренняя история конструкции. Важно подчеркнуть, что они возникают не сами по себе, а как результат изменения в соотношениях данной конструкции с другими: изменения в соотношениях и изменения в лексических ограничениях часто составляют две стороны единого исторического процесса. Так, например, двусоставные предложения с именным сказуемым со связкой *есть* (*Театр есть училище нравов; Жить долго есть терять м.и.у.х.*) в течение длительного времени находились в активном соотношении с равнозначными бессвязочными построениями, а в конце XVIII и в XIX вв., особенно во второй его половине, — с построениями с новыми или активизировавшимися связками *вот, это, значит, это значит, это есть, является*. Бессвязочные конструкции и конструкции с новыми связками были категорией, явно побеждающей; построения с *есть, суть* резко сокращаются. Но это далеко не было простое количественное сокращение. Если еще в XVIII—первой половине XIX в. сказуемое со связкой *есть, суть* могло быть выражено существительными самой разнообразной семанти-

¹ Так, не имеет отношения к истории соответствующей синтаксической модели характерный для русского литературного языка XIX в. переход ряда личных глаголов в разряд безличных; ср.: «День светает» (Крылов, Ляса); «День уже вечерел» (Лажечников, Последний Новик); «Твой вечерел век» (Батюшков, Тибуллова элегия); «Вечерел жизни день» (Ф. Глинка, Судьба Наполеона); «Уж день прохладно вечерел» (Жуковский, Суд в подземелье); «Сердце вечерел» (Виземский, Ты светлая звезда); «Нам молодость везет» (Грибоедов, Кто брат, кто сестра); «Счастье везет» (Некрасов, а); «Смеркается много звезд» (Помяловский, Молотов) и др.

ки — и отвлеченными (*Вероятность не есть доказанная истина*), и конкретными (*Граф есть внук бывшего датского министра*), и собственными (*Автор пьесы есть господин Бульи*), — то во второй половине XIX в. и позднее в составе этой конструкции фиксируются почти исключительно существительные отвлеченной семантики. По направлению к нашему времени эта тенденция продолжает развиваться и становится все более определенной. Так сокращение употребительности модели сопровождается ограничениями в возможностях ее словесного наполнения.

В целом в движении лексико-семантических ограничений в русском литературном языке XIX в. можно уловить общую тенденцию, которая заключается или в дальнейшем сужении возможностей лексического наполнения модели (там, где ограничения уже были), или в появлении лексико-семантических ограничений там, где раньше модель строилась с любым или с неопределенно широким словесным наполнением. Одним из примеров, ярко иллюстрирующих эту общую тенденцию, может быть судьба так называемого родительного квалитативного.

В русском литературном языке XVIII — первой половины XIX в. активно функционировали как в атрибутивном, так и в предикативном значении словосочетания, строящиеся соединением род. падежа имени с неотчленяемым согласуемым словом. Хотя такие сочетания и были в той или иной степени лексически ограничены со стороны имени существительного, но все же возможности их построения были довольно широкими: в них могли входить слова, связанные с понятиями разряда, категории, группы (*какого сорта, низшего разряда, разного разбора, обоего пола, лифляндской породы, не нашей нации*), размера (*равной толщины, разного веса, крошечного роста*), возраста, цвета, внешних или внутренних признаков, свойств, качеств (*особливого сложения, устройства, красивого лица, недурной наружности, замечательной красоты, отменного сложения, хорошего свойства, благородных качеств, равных добродетелей*), умственного и психического склада, образа мыслей, поведения (*иного мнения, тех же идей, таких мыслей, буйного характера, тем еракетта, недалекого ума, простого обхожденья, сурового нрава*), периода времени (*не нашего века, двенадцатого года*), действия (*его сочинения, свсего закола, мсего кеченья*), а также ряд слов конкретно-предметного значения, объединяемых понятием материала (*черного дерева, красного сукна*) или места (*нашего уезда, полка, дешиней семинарии, обители*) и некоторые другие. Одни из таких сочетаний не имели функционально-смысловой соотносительности с сочетаниями иных форм, другие имели такую соотносительность. С процессами изменения грамматической соотносительности, вытеснения сочетаний с род. падежом другими типами сочетаний сложно переплетались процессы сужения границ лексического наполнения построений с родительным квалитативным. На протяжении всего XIX в. резко сокращалось употребление в составе таких словосочетаний слов относительно частных, дифференцированных и конкретно-предметных значений.

Эта тенденция была поддержана и отчасти даже определялась тем, что основная масса несоотносительных с другими и поэтому устойчиво сохранившихся сочетаний строилась именно со словами общих и широких, не конкретно-предметных значений (ср.: *необыкновенной величины, какого роста, первого сорта, высшего разряда, лучшего качества, скольких лет, какого цвета* и др.). Так к концу XIX в. исчезли совсем или резко сократили употребительность сочетания с отлагательными существительными со значением конкретного действия (по соответствующему глаголу), в которых в роли согласуемого компонента выступала притяжательная форма (*фарс Гётева сочинения; дом твоего построения; пироги ее печенья; цветы нашего сажанья; картины его рисованья*), с существительными, обозначающими конкретное качество и соотносительными с соответствующими прилагательными (*человек сердечной доброты, примерной аккуратности, увлекательной любезности, решительной неустрашимости, необычайной*

понятливости, беспримерного высокомерия), с существительными, называющими конкретные черты или стороны внешности (*офицер сурового лица; девушка немецкой талии; старушка набожной физиономии; блондин греческого профиля; мужчина изящных форм*), сочетания с существительными конкретно-предметного значения, соотносительные с сочетаниями с твор. падежом с предлогом с (*рудники удобного металла; платье модного узора; стихи дактилического окончания*) и с сочетаниями с род. падежом с предлогом из (*стаканы моего буфета; фрукты собственных апельсинов; он Бриссоватовой партии*) и др. Следствием этих процессов явилось закрепление в языке генитивных сочетаний с однообразным, повторяющимся словесным наполнением: в них продолжают входить существительные разной семантики (см. выше), но объединяемые тем, что значения их являются широкими, как бы недифференцированными — в противоположность словам с узкими, определенными и конкретно-предметными значениями.

Другим примором сужения лексических границ конструкции под влиянием развития соотносительных форм может служить судьба бессвязочного творительного предикативного, на протяжении XIX в. подвергавшегося последовательным лексическим ограничениям и сохранившегося сейчас как форма, употребление которой обусловлено возможностью только очень узкого словесного наполнения. Бессвязочный творительный предикативный имени существительного во второй половине XVIII — начале XIX в. был значительно употребительнее, чем в конце XIX в. и тем более, чем в современном языке. Употребление этой конструкции было обусловлено следующими лексическими ограничениями. Обычны были построения: 1) с отвлеченными существительными: *доказательство, причина, вина, препона, порука, залог, пример, утешение, наказание* и т. п. (*Самые те права препною к тому, чтобы...; Причиною богатства его тайная связь; Пребывание ваше в Петербурге для меня ясным доказательством того, что...; Ваши правила для меня порукою вашей твердости; А мне так песни утешеньем на старости моей; Это право в его руках слепым орудием прихоти; Жизнь ему казнью*); 2) со словами, характеризующими субъект (обычно лицо) по временному состоянию, назначению, функции, внешнему виду, поведению: *Я уже три дня свидетелем ее добронравия; Я снова на несколько дней затворником; Но это ли честолюбие надежным вожатым на пути почестей?; Не думай, что я побудителем ее ревности; Я здесь твоим проводником; Зачинщиком ли он нового у нас поэтического языка?; Что это вы франтом тахим?; 3) со словами, называющими род занятий, профессию, должность: *Он советником посольства; Самый тот, который ныне у нас портным; Послом тям г-н Булгаков; Как все переменилось ныне во Франции! Дессен капралом! Дессен в мундире!; Все лучшие люди в городе членами клуба; Директором вод Новосельцев*).*

Известно, что творительный предикативный в изучаемый период активно взаимодействовал с именительным предикативным. Для бессвязочных построений констатируется ограничение твор. падежа и явное возобладание им. падежа под влиянием общей активизации именительного бессвязочного в связи с ослаблением связочных конструкций с *есть, суть*, а также в связи с тем, что огромное количество случаев употребления именительного предикативного вообще не знало соотносительного употребления твор. падежа. На протяжении XIX в. в употреблении творительного предикативного без связки, наряду с общим количественным убыванием, наблюдается дальнейшее сужение возможностей лексического наполнения модели. Это сужение выражается в следующем: 1) из слов первой группы (с отвлеченным значением) устойчиво удерживается употребление слов *причина, вина, порука*, чаще других употреблявшихся и превратившихся в индивидуально функционирующие словоформы; 2) для обозначения временного состояния, функции, внешнего вида, поведения сохранилось устойчивое употребление форм твор. падежа лишь для нескольких слов: *он молодцом, франтом, щеголем; свидетелем*; 3) при обозначении рода заня-

тий, деятельности твор. падеж сохраняется только там, где называется собственно должность, служебное положение (*Она здесь учительницей; Я тут комиссионером винокуренного завода*). Таким образом, бессвязочный творительный предикативный к концу XIX в. оказался синтаксической категорией, не только не свободной с точки зрения возможностей своего лексического наполнения, но ограниченной настолько, что речь, по существу, может идти лишь об отдельных словах, допускающих такое синтаксическое употребление. Именно с этими словами в данном лексическом наполнении бессвязочный творительный предикативный остался в употреблении, превратясь из в свое время продуктивной синтаксической модели в лексически замкнутую конструкцию особого качества. Судьба бессвязочного творительного предикативного, так же как судьба рассмотренных выше сочетаний с род. падежом, — яркий пример тех изменений внутренних условий функционирования модели, которые могут привести к изменению грамматического качества самой этой модели.

4. В истории развития разных синтаксических конструкций в русском литературном языке XIX в. выявляются разные процессы в движении лексических ограничений. В одних случаях эти процессы выражались в том, что при сохранении всех семантических группы слов, участвующих в формировании модели, сокращения происходили внутри этих групп, т. е. входящие в более широкий семантический круг слова того или иного лексико-семантического ряда теряли способность быть строительными элементами в составе данной модели. Так, например, в сочетаниях с родительным качественным, как мы уже видели, способная входить в такие сочетания семантическая группа слов, обозначающих внешние признаки и черты внешности, сократилась за счет слов, обозначающих отдельные конкретные черты внешнего облика, лица. В других случаях ограничение выражалось в уменьшении самого количества семантических групп слов, способных наполнять ту или иную модель. Примером такого типа сокращения может служить кратко охарактеризованная выше судьба бессвязочного творительного предикативного, когда фактически вся группа слов отвлеченной семантики (за исключением нескольких отдельных словоформ) утратила способность формировать соответствующую модель. Иногда ограничения, уже идущие из прошлого состояния языка, завершаются на наших глазах образованием неделимого сочетания. Так, современное *делать что-нибудь из-под палки* восходит к еще живой для начала XIX в. модели словосочетания с предлогом *из-под*, показывавшим «вывод действия из понудительных мер»: *делать что-нибудь из-под страха, из-под побоев* (см. Востоков, Русская грамматика). В других случаях можно говорить о сохранении в языке лишь единичного словесного реликта когда-то живой синтаксической модели. В этом отношении показательна судьба предикативного функционирования деепричастий в литературном языке XVIII—XIX вв. Известно, что для этого периода такое функционирование уже было остаточным и проявлялось очень ограниченно. Однако в повествовательной прозе, в описаниях конца XVIII — начала XIX в. (а в частной переписке и значительно позднее) выражающие состояние сказуемые-деепричастия если и не регулярно регистрируются, то, во всяком случае, не представляют исключения: *Много снега напавши; Площадь вся заросши лесом; «Лед весьма был стеснившись»* (Мордвинов, Записки); *Церковь вся осевши в землю; Мы были приставши в трактире; «Флот был забжевши в Увскую губу»* (Челищев, Путешествие по северу России); *«Бабушка была нагнувшись»* (Болотов, Жизнь и приключения...); *«Нос и уши побелевши и распухши»* (Измайлов, Евгений); *«Итальянец был спрятавшись»* (Зотов, Замок Сен-Жермен); *«Рожи у Григория и Ивана вдруг становятся насупившись»* (Гоголь, Лакейская); *«Петрович был совсем заспавшись»* (Гоголь, Шинель); *«Я был уже пришедши»* (Бутков, Петербургские вершины); *«Старая девица-барышня была... обнаживши костлявую шею»* (Писемский, Боярышня) и т. п. Такое употребление уже в первой половине XIX в. резко

идет на убыль; устойчиво держится лишь одна форма — *выписши*, стилистически окрашенная и явно обнаруживающая тенденцию изолироваться от парадигмы соответствующего глагола. Перед нами — лексическое ограничение на своей крайней стадии: синтаксическая модель как потенциально воспроизводимая схема полностью исчезла, сохранился лишь ее случайный осколок в единственно возможном словесном наполнении.

Особым видом ограничения является то, что можно назвать «лексическим исключением»: из общей массы разнообразных семантических групп слов, способных участвовать в конструировании той или иной модели, некоторые группы начинают резко — до фразеологизации — ограничиваться или совсем утрачивают способность функционировать в составе данной конструкции, — при сохранении активности всех других групп. Такие лексические ограничения имели место, например, по отношению к предикативному функционированию некоторых предложно-падежных сочетаний. Характерна в этом смысле судьба некоторых сочетаний существительных в предложном падеже с предлогом *в*. Эти сочетания свободно употреблялись и продолжают употребляться в сказуемой функции для обозначения самых разных состояний: пребывания в числе лиц (*был в кушерах, в солдатах*), внешнего состояния (*все в движении, в пыли*), внутреннего состояния (*он в удивлении, в гневе*) и др. Из продолжающего свободно функционировать широкого круга таких сочетаний к концу XIX в., во-первых, почти полностью исключаются сочетания, обозначающие пребывание в состоянии болезни (*Дени в скарлатине, в коклюше; Я в насморке; От ваших советов он будет в чахотке; Ты совсем в лихорадке*); во-вторых, резко сокращается употребление сочетаний, обозначающих внутреннее состояние (*Воображение мое было во всей своей бурной стремительности; Он в печали; Ты, кажется, в мушкетерии; Я был весел, в удовольствии; Он в раскаянии; Я в тех же мыслях; Все арабы в торжестве; Она была в раскаянии, в беспокойстве, в заботе, в смятении, в нервах; Я не в бешенстве и не в преувеличении*). Уже с середины XIX в. явно начинает действовать тенденция к ограничению этих последних сочетаний, к стабилизации их лексического наполнения; в конце века для выражения внутреннего состояния преимущественно отмечаются сказуемостно значимые сочетания, во-первых, со словами, называющими сильные внутренние чувства (*в изумлении, в смятении, в восхищении, в восторге, в бешенстве, в негодовании, в отчаянии и под.*), во-вторых, сочетания, требующие инфинитива (*я не в силах, не в состоянии, не в праве молчать*). Как и для других видов лексических ограничений, «лексическое исключение» связано с возобладанием соотносительных конструкций (ср.: *Он в скарлатине — у него скарлатина; Они в торжестве — торжествуют* и т. п.). Аналогичный процесс можно отметить и по отношению к сочетаниям род. падежа с предлогом *без* (ср. постепенное исключение из круга этих конструкций сочетаний, обозначающих внутреннее состояние: *Я сделался без ума, без памяти; Дама к нему не без склонности; Они были не без сведений; Вздор твой не без истины; Мне будет красоты улыбка, разговор тогда без наслажденья; Он стал без всякой терпимости, без малейшего снисхождения или сострадания* и т. п.).

5. Развитие лексико-семантических ограничений, как правило, приводит к такому сужению возможностей словесного наполнения модели, которое по существу уничтожает ее как живую и продуктивную схему синтаксического построения. Такая схема перестает быть грамматическим каркасом для самых разнообразных по содержанию, т. е. словесно бесконечно варьирующихся, сообщений или компонентов сообщения. Модель в строгом смысле этого слова перестает существовать. Вместо нее появляется новое грамматическое качество, особый тип построения, для которого определенным образом ограниченная возможность словесного заполнения является одним из обязательных условий существования, т. е. в конечном счете одним из элементов формы. Так строящиеся схемы, занимающие промежуточное положение между продуктивными моделями и грамматичес-

кой фразеологией, образуют считае́мый ряд и представляют собой особое грамматическое качество, требующее особых методов изучения. Конструкции такого типа — своеобразный продукт длительного исторического развития свободных моделей, изменивших степень и качество своей формализованности в результате взаимодействия с другими моделями — равнозначными или близкими по значениям. Естественно, что законы дальнейшего функционирования в системе языка так образовавшихся лексически ограниченных конструкций оказываются иными, чем законы функционирования моделей, знающих только категориальные, но не словесные ограничения. У них могут вырабатываться свои индивидуальные связи и соотношения с другими типами построений, может появляться та или иная стилистическая окрашенность; постоянное функционирование слова в определенной форме в качестве форманта лексически ограниченной конструкции (особенно при очень узком круге допустимых лексем) может накладывать свой отпечаток и на саму эту словесную форму, как бы выводя ее за пределы парадигмы данного слова, а иногда и за пределы его семантической структуры.

Изучение изменений в характере лексико-семантических ограничений, действующих при наполнении словесно замкнутой и непродуктивной конструкции, так же как и изучение последствий этих ограничений, должно стать органической частью исследования истории соответствующей модели. Историк синтаксического строя должен знать во всех деталях те меняющиеся конкретно-языковые условия бытования конструкции, которые на определенном этапе развития не только ограничивают возможности ее функционирования, но в конечном счете оказывают определяющее воздействие на судьбу самой модели и ее отношений с другими конструкциями.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. Г. НИОТРОВСКИЙ

ЕЩЕ РАЗ О ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКАХ ФОНЕМЫ

Понятие дифференциальных признаков фонемы, намеченное еще Н. С. Трубецким, а затем сформулированное Р. Якобсоном и его соавторами¹, явилось целесообразным стимулом в развитии не только фонологии, но и других разделов языкознания. Вместе с тем это понятие, сформулированное путем соединения трех гетерогенных принципов — фонологического (функционально-семиологического), акустического (структура спектра) и артикуляторного, получает различные толкования, а иногда и отвергается вовсе. Правильная оценка этого понятия станет возможной лишь после последовательной проверки всей системы дифференциальных признаков на материале различных языков. В этом плане основными вопросами являются, с одной стороны, проблема соотношения и взаимной иерархии пар этих признаков, а с другой — вопрос об их инвентаре.

Рассмотрим с этой точки зрения три пары дифференциальных признаков: «компактность — диффузность»^{1а}, «бемольная тональность (лабиализованность) — простая тональность (нелабиализованность)», «низкая тональность — высокая тональность». Отношения этих пар признаков будут анализироваться относительно гласных.

Анализ соотношений между дифференциальными признаками может давать различные результаты в зависимости от того, как определяется само понятие «дифференциальный признак». С одной стороны, дифференциальные признаки определяются как дискретные семиотические элементы фонологической системы, отвлеченные от физических качеств репрезентирующих их звуков². С другой — эти признаки рассматриваются как лингвистические единицы, изоморфно связанные с определенными акустическими инвариантами³. Рассмотрим интересующие нас дифференциальные признаки в плане первой — функционально-семиотической — точки зрения, вне экспериментального материала.

¹ См.: N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, TCLP, 7, 1939, стр. 59—66 и 80—86; R. Jakobson and M. Halle, Fundamentals of language, 's-Gravenhage, 1956, стр. 28—32; R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle, Preliminaries to speech analysis («Technical report [of the Acoustics laboratory of the Mass. inst. of technology], № 13, May 1952), 2-d printing, [Cambridge, Mass.], 1955, стр. 18—42.

^{1а} В последнее время эта пара дифференциальных признаков представляется в виде двух пар ДП: «компактность — некомпактность», «диффузность — недиффузность». Поскольку такая разбивка потребовала бы громоздких расчетов, мы в целях экономии и простоты изложения пользуемся старой схемой.

² Ср.: E. C. Chergu, Roman Jakobson's «distinctive features» as the normal coordinates of a language, сб. «For Roman Jakobson», The Hague, 1956; A. Reichling, Feature analysis and linguistic interpretation, там же. Ср. в этом плане глубокие идеи С. К. Шаумяна о двух уровнях лингвистического анализа — уровне конструкторов (фонемы, дифференторы) и уровне непосредственного наблюдения (фонемоды, дифферентоды). См. его статью «Двухступенчатая теория фонемы и дифференциальных элементов», ВЯ, 1960, № 5.

³ Ср.: G. E. Peterson, The phonetic value of vowels, «Language», vol. XXVII, № 4, 1951; M. Halle, The Russian consonants, A phonemic and acoustical investigation. Dr. phil. thesis, Harvard university, 1954; C. G. M. Fant, On the predictability of formant levels and spectrum envelopes from formant frequencies, сб. «Fo-

*

Как известно, одной из наиболее часто встречающихся моделей вокализма является пятичленная система гласных⁴. Она характерна для латинского, русского (схемы Трубетцкого и Аванесова)⁵, польского (если отвлечься от противопоставления *o : ɔ*) и чешского (схемы Станкевича и Шаумяна)⁶, румынского (схема Петровича)⁷, сардского, испанского (схема Ллораха)⁸ и ряда неиндоевропейских языков. Взаимная идентификация гласных фонем внутри этой модели осуществляется обычно путем использования двух пар дифференциальных признаков — «компактность — диффузность», с одной стороны, и «высокая тональность — низкая тональность», или «бемольная тональность (лабиализованность) — простая тональность (пелабиализованность)» — с другой (см. схему 1)⁹.

Схема 1. Параметризация системы русских гласных фонем (по Трубетцкому—Аванесову)*

	Простые (пелабиализованные), или высокотональ- ные	Бемольные (лабиализованные), или низкотональ- ные
Диффузные	ы	у
Диффузно- компактные	э	о
Компактные	а	

* В целях упрощения наложения дается параметризация только одной комбинаторно-позиционной подсистемы гласных (после твердых согласных и не перед мягкими). Ср. Р. И. Аванесов, указ. соч., стр. 96—98.

Взаимоэквивалентность указанных пар дифференциальных признаков характерна для всех вокалических систем, имеющих два вертикальных ряда, в том числе и для тех, которые имеют более трех горизонтальных ступеней¹⁰. В простейших трехчленных вокалических системах, которые

Roman Jakobson; его же, *Modern instruments and methods for acoustic studies of speech*, Stockholm, 1958, стр. 19 и сл.

⁴ См. N. S. Trubetzkoy, указ. соч., стр. 91 и 99.

⁵ Там же, стр. 99; Р. И. Аванесов, *Фонетика современного русского литературного языка*, М., 1956, стр. 94.

⁶ E. Stankiewicz, *Towards a phonemic typology of the Slavic languages*, 's-Gravenhage, 1958, стр. 11; С. К. Шаумян, *История системы дифференциальных элементов в польском языке*, М., 1958, стр. 75.

⁷ См. «Studii și cercetări lingvistice», t. I, 1950, стр. 172.

⁸ E. A. Llorach, *Fonología española*, 2-e ed., Madrid, 1955, стр. 125 и сл.

⁹ М. Халле, считая, что две последние пары дифференциальных признаков в русском языке находятся в отношении дополнительной дистрибуции, объединяет их в одну пару признаков — *низкие* — *высокие* (см. M. Halle, *The sound pattern of Russian*, 's-Gravenhage, 1959, стр. 53).

¹⁰ Ср. N. S. Trubetzkoy, указ. соч., стр. 99—101. В системах с семью, восемью и более количеством гласных фонем во взаимной идентификации участвует еще одна пара дифференциальных признаков — «напряженность и ненапряженность». Эта пара может быть релевантной лишь на одном горизонтальном уровне вертикального ряда гласных — обычно на среднем. Это имеет, например, место в итальянском языке и некоторых его говорах (см.: G. Rohlfs, *Historische Grammatik der italienischen Sprache und ihrer Mundarten*, Bd. I — *Lautlehre*, Bern, [1949], стр. 44 и сл.; В. В. Вендер, G. Francescato, Z. Salzmann, *Friulian phonology*, «Word», vol. 8, № 3, 1952, стр. 221). Реже эти признаки обнаруживаются на всех ступенях компактности, образуя в данном случае два треугольника гласных, противопоставленных по признакам «напряженность — ненапряженность». Примером может служить шведский вокализм.

характерны, например, для арабских диалектов¹¹ и для некоторых индейских языков Северной Америки¹², при идентификации гласных бывает достаточно использовать лишь одну из указанных трех пар признаков.

Сложнее обстоит дело с фонологическими моделями, включающими три и более вертикальных ряда гласных. Так, например, при взаимной идентификации французских неназализованных гласных в качестве основных параметров используются все три пары дифференциальных признаков: «компактность — диффузность», «бемольная тональность — простая тональность» и «низкая тональность — высокая тональность» («напряженность — ненапряженность» является дополнительной парой дифференциальных признаков; см. схему 2).

Схема 2. Функционально-семиотическая параметризация системы французских гласных фонем*

Высокотональные	Высоко- и низкотональные	Низкотональные	
<i>i</i>	<i>y</i>	<i>и</i>	Диффузные
Напряженные <i>e</i>	∅	<i>o</i>	Диффузно-
Ненапряженные <i>e</i>	<i>ø</i>	<i>э</i>	компактные
	<i>a</i>		Компактные
	Простые (неллабиализованные)	Бемольные (лабиализованные)	

* По сравнению с фонологической моделью, приводимой обычно в руководствах по французской фонетике (ср., например: Л. В. Щербя, Фонетика французского языка, 5-е изд., М., 1955, стр. 52), настоящая система содержит одно упрощение: в ней отсутствует фонема *ɑ*. Это упрощение вызвано тем, что в современном французском произношении противопоставление *a* : *ɑ* обычно устраняется. Ср. А. Мартинет, La prononciation du français contemporain, Paris, 1945, стр. 78—82.

Сходную параметризацию дают также румынская (схема Росетти)¹³, голландская (схема Шеттера)¹⁴, исландская (схема Хаугена)¹⁵, западноукраинская (схема Станкевича)¹⁶ системы гласных, вокализм языка кхмер (схема Пиннова)¹⁷ и нек. др. Хотя пары «бемольная тональность — простая тональность» и «низкая тональность — высокая тональность» и не являются эквивалентными, как это имело место в моделях с двумя рядами, однако между этими парами существует определенная функциональная зависимость. Низкая тональность накладывается обычно на ряд лабиализованных гласных, а высокая тональность имеет тенденцию совмещаться с неллабиализованностью. Это дает возможность некоторым исследователям представлять оба эти параметра в виде одного фонологического измерения «бемольность — высокая тональность».

Особый интерес в смысле соотношения указанных выше пар дифференциальных признаков представляет система гласных в шведском языке. Поскольку шведский вокализм охватывает две изоморфные системы, одна из которых включает долгие (напряженные), а вторая — краткие (нена-

¹¹ См. J. Garbell, Historical phonology of East Mediterranean Arabic dialect, «Words», vol. 14, № 2-3, 1958, стр. 328—332.

¹² См. N. S. Trubetzkoy, указ. соч., стр. 98.

¹³ См. «Bulletin linguistique», VI, Bucaresti, 1938, стр. 5.

¹⁴ См. «Language», vol. XXXIV, № 1, 1958, стр. 50.

¹⁵ См. там же, стр. 69.

¹⁶ См. E. Staniewicz, указ. соч., стр. 11.

¹⁷ См. «Zeitschr. für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft» (ZPhSp), Bd. X. Hf. 4, 1957, стр. 387.

пряженные) гласные, будет достаточно проанализировать параметризацию одной из них (см. схему 3).

Схема 3. Параметризация системы шведских кратких гласных *

	Высокая тональность			Низкая тональность, 4-й ряд
	Простая тональность, 1-й ряд	Бемольная тональность		
		1-я ступень, 2-й ряд	2-я ступень, 3-й ряд	
Диффузные	<i>i</i> (—)	<i>y</i> (—)	0	<i>u</i> (—)
Диффузно-компактные	<i>e</i> (±)	0	<i>ï</i> (±)	<i>ø</i> (±)
Компактные	<i>ε</i> (x) (+)	<i>œ</i> (+)	0	0
<i>a</i> (+)				

Примечание. Для гласного *a* и его коррелята *ɑ*: в системе долгих гласных релевантным признаком является лишь компактность; что касается дифференциальных признаков «бемольная тональность — простая тональность», «низкая тональность — высокая тональность», то они для этого гласного являются несущественными. При каждой фонеме дается указание ее компактности (+) или диффузности (—). Знаком (±) обозначается комплексный признак (компактность — диффузность), знак 0 указывает на отсутствие фонемы в данном пересечении дифференциальных признаков.

* См.: В. Malmberg, *Les voyelles suédoises et la notion de «fermeture vocale»*, «Studia linguistica», année XIII, № 1, 1959, стр. 54; С. С. Маслова-Лашаевская, *Шведский язык*, ч. 1, Л., 1953, стр. 15. Г. Фанг (см. «Analyse av de svenska vokalljuden», Stockholm, 1948 и его же, *Modern instruments...*, стр. 22—23) дает несколько иную схему размещения гласных фонем, включающую также четыре ряда фонем, из которых первый и четвертый являются симметричными. Соотношение интересующих нас пар дифференциальных признаков в этой модели шведского вокализма близко к их соотношению во французской системе гласных.

Асимметричное расположение фонем во всех четырех рядах позволяет характеризовать каждый вертикальный ряд посредством определенного сочетания компактных и диффузных фонем, с одной стороны, и пустых мест (фонемных нулей) — с другой. В связи с этим каждая краткая (или соответственно долгая) фонема может быть описана посредством ее собственной компактно-диффузной характеристики (горизонтальный параметр) и указания на ее вертикальный параметр путем перечисления сверху вниз компактно-диффузных характеристик остальных фонем, принадлежащих к данному вертикальному ряду (указываются в скобках). Таким образом, каждая фонема идентифицируется исключительно в терминах «компактность — диффузность» (+, —), сочетаемых с фонемными нулями.

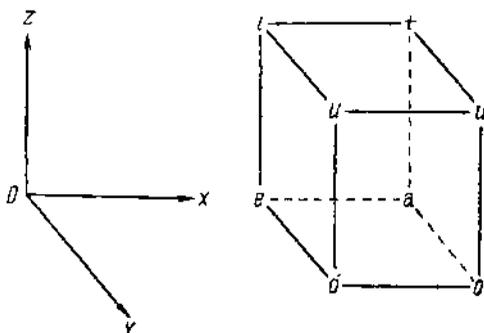
$$\begin{aligned}
 i &= -(± +) \\
 y &= -(0 +) \\
 \ddot{u} &= ±(00) \\
 u &= --(± 0) \quad \text{и т. д.}
 \end{aligned}$$

Фонема *a*, находящаяся вне рядов степеней тональности, будет характеризоваться одним знаком +. Итак, в приведенных выше случаях между дифференциальными признаками «бемольная тональность — простая то-

нальность», «низкая тональность — высокая тональность» обнаруживаются определенные функциональные зависимости. Между тем существование такой зависимости противоречит определению понятия дифференциального признака, по которому бинарный комплекс (пара) этих признаков является независимым элементарным семиотическим квантом языка.

Однако было бы, разумеется, неверным делать далеко идущие выводы о всеобщей взаимозависимости (взаимозаменяемости) отдельных пар дифференциальных признаков исходя из ограниченного языкового материала. Дело в том, что встречаются такие системы вокализма, в которых указанные пары дифференциальных признаков выступают в качестве независимых единиц. Примером может служить трехмерный турецкий вокализм, независимыми параметрами которого являются указанные три пары дифференциальных признаков (ср. схему 4).

С х е м а 4. Функционально-семиотическая параметризация системы турецких гласных фонем*

Примечание. По оси z осуществляется противопоставление согласно признакам: «компактность — диффузность» (ср. $e : i$, $u : u$ и т. д.); по оси x располагаются признаки «высокая тональность — низкая тональность» (ср. $i : i$; $ü : u$ и т. д.); по оси y расположены признаки «простая тональность — бемольная тональность».

* См. Г. Глисон Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 236.

Однако эти полные трехмерные системы гласных встречаются редко и имеют малый статистический вес. Ведь в большинстве языков противопоставления между отдельными парами дифференциальных признаков оказываются свернутыми. Следует подчеркнуть, что это свертывание осуществляется обычно в определенном направлении: бемольная тональность накладывается на низкую тональность, а простая тональность (нелабиализованность) совмещается с высокой тональностью (ср. пятичленные системы вокализма). Совмещения бемольной и высокой тональности, подобные тому, которое наблюдается в шведском языке, также встречаются очень редко. Вообще решить до конца вопрос о соотношении между отдельными парами дифференциальных признаков исходя из функционально-семиотической оценки фонологической системы языка трудно. Ведь нередко для одного и того же языка оказывается возможным построить несколько фонологических моделей, причем дистрибутивный и статистический анализы не всегда могут выявить их объективные преимущества.

*

Что же дает для анализа дифференциальных признаков акустико-фонологический (спектральный) подход? При сопоставлении спектральных инвариантов и дифференциальных признаков мы будем в целом пользоваться методикой, предложенной Якобсоном и разработанной впоследствии Г. Фантом, Г. Петерсоном и др.¹⁸ Вместе с тем в эту методику внесены следующие изменения.

¹⁸ См.: С. G. M. Fant, *Modern instruments...*, стр. 19—25; G. E. Peterson and H. E. Barney, *Control methods used in a study of the vowels*, «Journal of the Acoustical society of America» (JASA), vol. 24, № 2, 1952; L. C. Jones, *The vowels of English and Russian. An acoustic comparison*, «Slavic word» (Suppl. to «Word»), vol. XII, № 2, 1958; A. V. Isačenko, *Hat sich die Phonologie überlebt?*, ZPhSp, Bd. IX, Hf. 4, 1956, стр. 323—326.

1. В расчетах будут использоваться не абсолютные величины формант, но их логарифмы. Дело в том, что изменение акустико-психологического восприятия частоты (в мелах) приближается к логарифмическому изменению частоты звука (в герцах)¹⁹. В связи с этим графическое изображение положения гласных из соотношения первых двух формант (F_1 и F_2) дает компактный акустический треугольник, изоморфный лингвистическому треугольнику гласных фонем лишь при условии использования логарифмического масштаба. При этом коэффициент перевода линейного отношения формант в отношение их логарифмов выглядит так:

$$d = \frac{F_1 \cdot \lg F_2}{F_2 \cdot \lg F_1}.$$

С точки зрения психо-акустики отношения между формантами следовало бы передавать в единицах перцепции — мелах ($F_1 \sim M_1$, $F_2 \sim M_2$ и т. д.). Однако, поскольку полной таблицы перевода единиц частоты (герцы) в единицы восприятия (мелы) не существует и нет возможности точно определять величины M_1 и M_2 , постольку наиболее целесообразно использовать логарифмические отношения формант.

2. Степень компактности спектра гласного (C) будет определяться как отношение логарифмов абсолютных величин не первой и третьей, но первой и второй формант:

$$C = \frac{\lg F_1}{\lg F_2}. \quad (1)$$

Дело в том, что мы будем иметь дело с двухформантными синтезированными звуками, в которых вторая форманта (F_2) представляет собой усреднение всех верхних формант (F_3 , F_4 и т. д.). Что касается естественных звуков, то в некоторых случаях в литературе даются сведения лишь по первым двум формантам. Поэтому в целях единообразия расчет компактности спектра будет производиться исходя из соотношения первой и второй формант.

При наличии сведений о третьей форманте будет дан расчет усредненной второй форманты (F_{2cp}) исходя из формулы:

$$F_{2cp} = F_2 + \frac{1}{2} \left(\frac{F_2 - F_1}{F_3 - F_1} \right) \cdot (F_3 - F_2)^{20}.$$

В связи с этим формула (1) принимает следующий вид:

$$C' = \frac{\lg F_1}{\lg F_{2cp}}. \quad (2)$$

3. Как известно, спектр лабиализованного гласного (бемольная тональность) по сравнению со спектром нелабиализованного гласного (прямая тональность) характеризуется сдвигом одной или нескольких формант вниз²¹. В связи с этим степень лабиальности гласного b будет определяться величиной, обратной сумме логарифмов абсолютных величин формант. Таким образом, для двухформантных гласных

$$b_{2cp} = \frac{1}{\lg F_1 + \lg F_2},$$

и то время как для трехформантных звуков

$$b_{3cp} = \frac{1}{\lg F_1 + \lg F_2 + \lg F_3}, \quad (3)^{22}$$

¹⁹ См.: L. L. V e g a n e k, Acoustics, New York — London — Toronto, [1954], стр. 397—398 и 403; С. Г. М. Ф а н т, Modern instruments..., стр. 21—22.

²⁰ См.: С. Г. М. Ф а н т, Modern instruments..., стр. 21 и 25—27; R. J a k o b s o n и др., Preliminaries..., стр. 27 и 49. У Халле компактность и диффузность определяются как функция F_1 , т. е. $C = f(F_1)$ (см. «The sound pattern...» стр. 128).

²¹ R. J a k o b s o n, С. Г. М. Ф а н т, M. H a l l e, Preliminaries..., стр. 31.

²² Г. Фант определяет степень лабиализованности гласных путем сравнения величин F_1 и усредненной F_2 в мелах ($M_{2cp} + M_1$) — см. «Modern instruments...», стр. 23.

причем $b_{2\phi} \cdot k = b_{3\phi}$, где k — вычисляемый особо для каждого языка переводной коэффициент.

4. Степень тональности гласных (T) будет определяться лишь относительно тех звуков, по которым имеются сведения, — по F_1 , F_2 и F_3 . При этом

$$T = (\lg F_2 - \lg F_3) - (\lg F_1 - \lg F_2) = 2 \lg F_2 - \lg F_1 - \lg F_3. \quad (4)^{23}$$

Изменения интенсивности и временной характеристики звука при расчете спектра учитываться не будут. В тех случаях, когда форманта характеризуется не однозначным числом, а шириной полосы, в расчетах используется среднее арифметическое логарифмов частот, определяющих границы этой полосы.

*

Используя имеющиеся данные, характеризующие степень компактности и степень лабиализованности гласных (см. помещенные в конце статьи табл. 1—5), построим графики зависимости обеих величин в русском, армянском, английском, французском и датском языках, дающих различные типы вокалических систем. Поскольку сравнивать по степени лабиализованности можно лишь гласные, принадлежащие к одному горизонтальному ряду, в то время как по степени компактности сопоставимы все гласные вокалического треугольника, будем считать b аргументом, а C — функцией зависимости.

Анализ приведенных графиков (схемы 5, 6, 9, 12, 15, 16) показывает, что между акустическими инвариантами гласных, передающими дифференциальные признаки «компактность — диффузность», с одной стороны, и «бемольная тональность — простая тональность» — с другой, существует прямая зависимость. Это означает, что лабиализация гласного влечет за собой повышение его компактности.

*

Переходим к анализу соотношений рассмотренных пар акустических элементов с парой «высокая тональность — низкая тональность». Акустические критерии, характеризующие гласные с точки зрения их тональности, заключаются в следующем: у низкотональных гласных энергия сосредоточена в нижней части спектра (F_1 , F_2 — при нижнем положении F_2), у высокотональных гласных концентрация энергии происходит в верхней части спектра (F_2 , F_3 , F_4)²⁴.

Повышение тональности может быть, во-первых, достигнуто путем понижения уровня интенсивности формант в нижней части спектра и соответствующего повышения интенсивности в верхней его части. Такой эксперимент, проведенный Делатром и его сотрудниками²⁵ над двух-

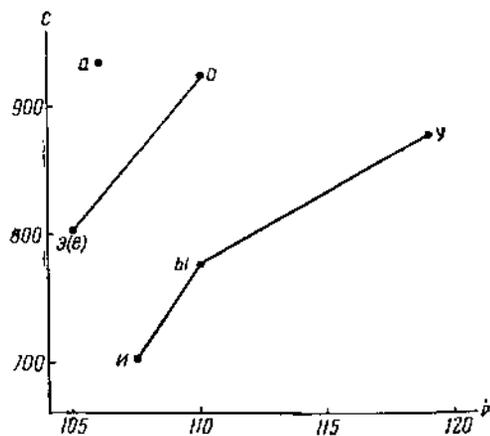
Такое численное представление бемольной тональности менее удобно, поскольку возрастание абсолютной величины $M_{\text{зср}} + M_1$ соответствует уменьшению степени лабиализованности гласного.

²³ В указанных выше работах Петерсона и Джоунза степень тональности (R_2/R_1) определяется как отношение $\frac{F_3}{F_2} : \frac{F_1}{F_2} = \frac{(F_2)^2}{F_1 \cdot F_3}$, которое при логарифмировании дает предлагаемую нами формулу. Степень компактности определяется в этих работах как отношение $\frac{F_3}{F_1}$. Халле определяет тональность по величине F_2 , т. е. $T = f(F_2)$ («The sound pattern...», стр. 128).

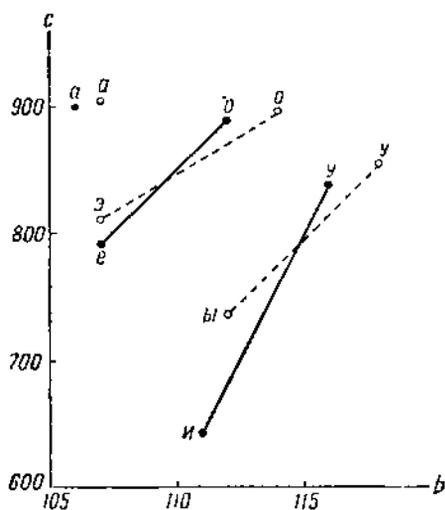
²⁴ R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle, Preliminaries..., стр. 29.

²⁵ См. F. S. Cooper, P. C. Delattre, A. M. Libermann и др., Some experiments on the perception of synthetic speech sounds, JASA, vol. 24, № 6, 1952, стр. 205—206.

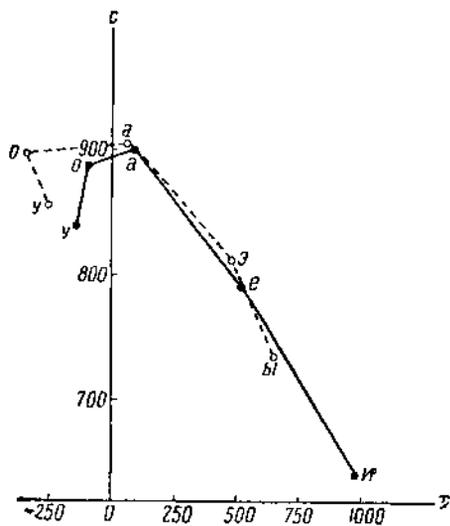
формантными гласными, показал, что гласные передних рядов *i, e, э, у, ъ, се* после определенного порога повышения тональности теряют свои вокальные признаки, приобретая при этом консонантный характер. Низкотональные гласные задних рядов *и, о, э, ш, ъ, ъ* при увеличении их тональности посредством повышения уровня интенсивности в верхней части спектра изменяли качество, не теряя своей вокальности. При этом $i > o, o > э, э > a, ш > a, ъ > a, ъ > э$. Отсюда следует, что повышение тональности у нелабиализованных низкотональных гласных связано с нарастанием компактности, в то время как у лабиализованных увеличение тональности вызывает одновременно с повышением компактности понижение лабиализованности, а иногда и ее потерю (ср. $э > a$). Во-вторых, повышение тональности гласного может быть получено путем перемещения F_2 вверх по спектру. В связи с этим рассмотрим графики функциональной зависимости величин C и T , с одной стороны (схемы 7, 10, 13), и T и b — с другой (схемы 8, 11, 14).

С х е м а 5. График зависимости $C = f(b)$ для русских гласных (по данным Фанта — фонологическая модель — Щербы)

С х е м а 6. График зависимости $C = f(b)$ для русских гласных (по данным Халле — фонологическая модель Трубецкого — Аванесова): \circ — позиции гласных, стоящих после [п], \bullet — позиции гласных, стоящих после [п'].

С х е м а 7. График зависимости $C = f(T)$ для русских гласных (по данным Халле — фонологическая модель Трубецкого — Аванесова): \circ — позиции гласных, стоящих после [п], \bullet — позиции гласных, стоящих после [п'].

Вид графиков, характеризующих зависимость $T = f(b)$ в русском, армянском и английском языках, показывает, что акустические инварианты, выявляющие пары дифференциальных признаков «высокая тональность — низкая тональность», с одной стороны, и «бемольная тональность — простая тональность» — с другой, находятся в обратной зависимости. Это значит, что повышение степени лабиализованности среди

гласных, принадлежащих к одному и тому же горизонтальному ряду, дает понижение их тональности. Эти данные согласуются с результатами эксперимента, проведенного группой Делаттра над синтезированными гласными.

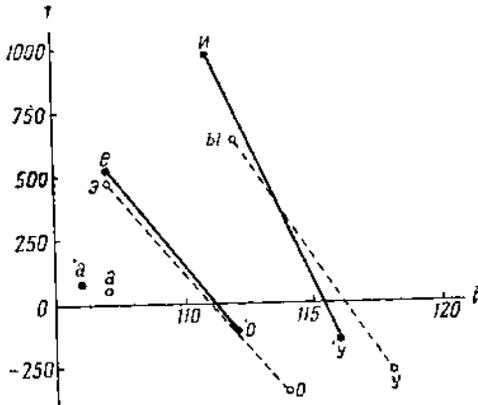

Схема 8. График зависимости $T = f(b)$ для русских гласных (по данным Халле—фонологическая модель Трубецкого — Аванесова): \circ — позиции гласных, стоящих после [ц], \bullet — позиции гласных, стоящих после [п].

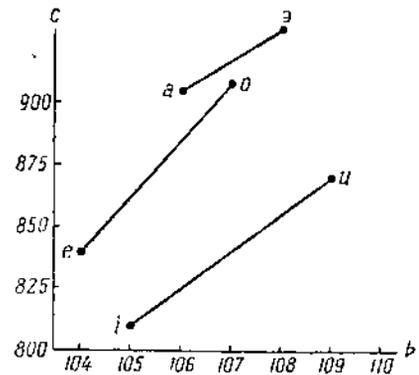

Схема 9. График зависимости $C = f(b)$ для армянских гласных.

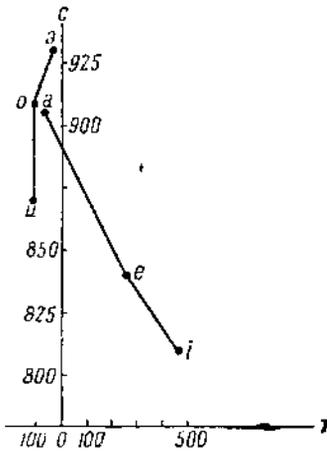

Схема 10. График зависимости $C = f(T)$ для армянских гласных.

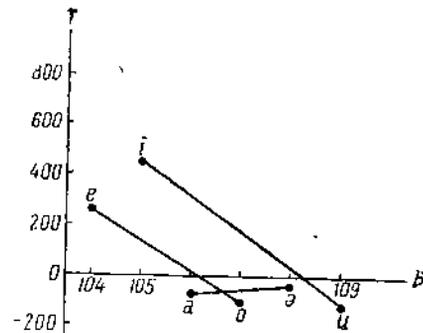

Схема 11. График зависимости $T = f(b)$ для армянских гласных.

Менее ясной представляется зависимость между акустическими инвариантами, репрезентирующими пары «компактность — диффузность» и «высокая тональность — низкая тональность» [$C = f(T)$]. Лишь высокотональные, переднеязычные гласные дают во всех трех языках отчетливо выраженную обратную зависимость между обеими парами акустических элементов так, что последовательный переход от высокотонального *i* к низкотональному *a* сопровождается повышением компактности звуков.

Что касается заднеязычных гласных, то здесь нет ясной картины. Русский материал дает прямую зависимость между степенью компактности (C) и тональностью (T) гласного, что согласуется с результатами эксперимента Делаттра. Графики, построенные на базе английского и армянского материала, показывают обратную зависимость между этими величинами. Следует при этом отметить, что *o* оказывается здесь более компактным,

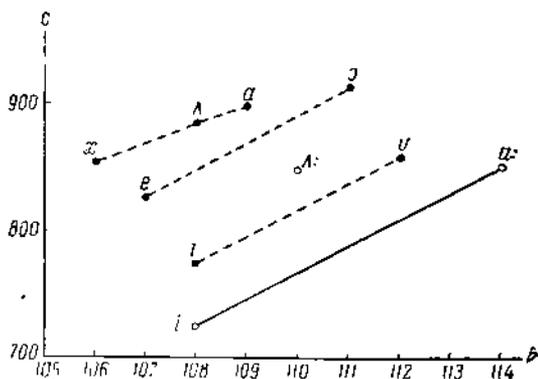

Схема 12

Схема 12. График зависимости $C = f(b)$ для английских гласных: ● — позиции кратких гласных, ○ — позиции долгих гласных.

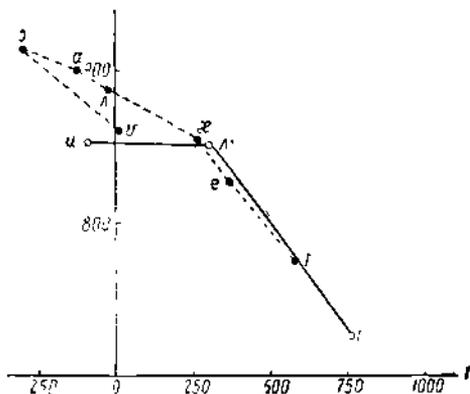

Схема 13

Схема 13. График зависимости $C = f(T)$ для английских гласных: ● — позиции кратких гласных, ○ — позиции долгих гласных.

Схема 14. График зависимости $T = f(b)$ для английских гласных: ● — позиции кратких гласных, ○ — позиции долгих гласных.

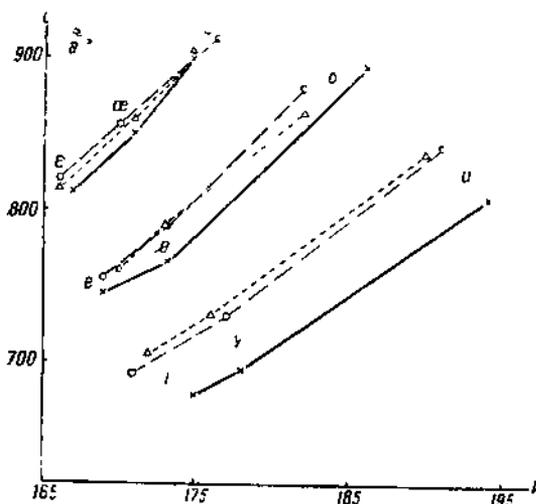
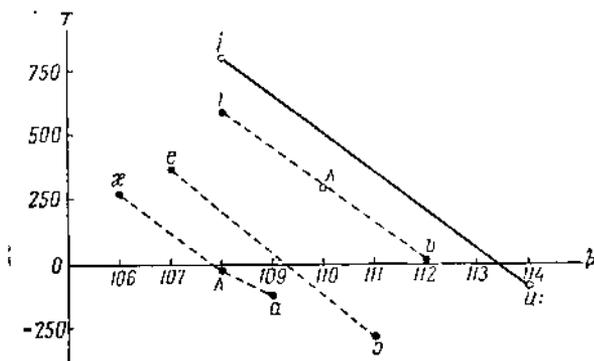

Схема 15. График зависимости $C = f(b)$ для французских гласных: △ — позиции гласных по данным Делаттра (естественные звуки), ○ — позиции гласных по данным Делаттра (синтезированные звуки), × — позиции гласных по данным Петерсона.

чем *a*, давая одновременно более низкую тональность, чем *u*. Эти факты не согласуются с экспериментальными данными Делаттра.

Впрочем эти расхождения не являются случайными. Вторая форманта, положение которой определяло параметры наших графиков, имеет разный вес в структуре задних — низкотональных и передних — высокотональ-

ных гласных. У первых она находится в непосредственной близости от F_1 , у вторых она занимает более высокое положение в спектре, приближаясь к F_3 . В связи с этим восприятие задних низкотональных гласных u , o , a может быть стимулировано одной формантой, полученной в результате усреднения F_1 и F_2 , в то время как для грубого синтезирования передних высокотональных i , e , y и т. д. необходимо использование двух формант, из которых верхняя получается путем усреднения F_2 и F_3 ²⁸.

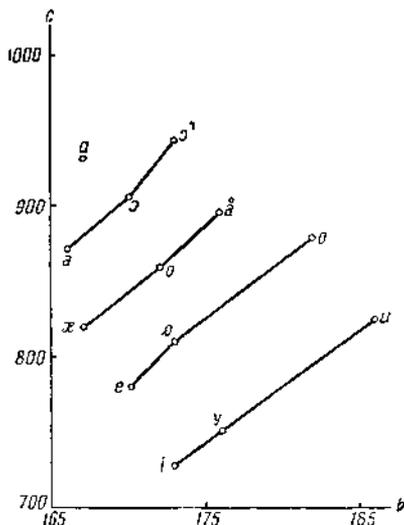

Схема 16. График зависимости $C = f(b)$ для датских гласных.

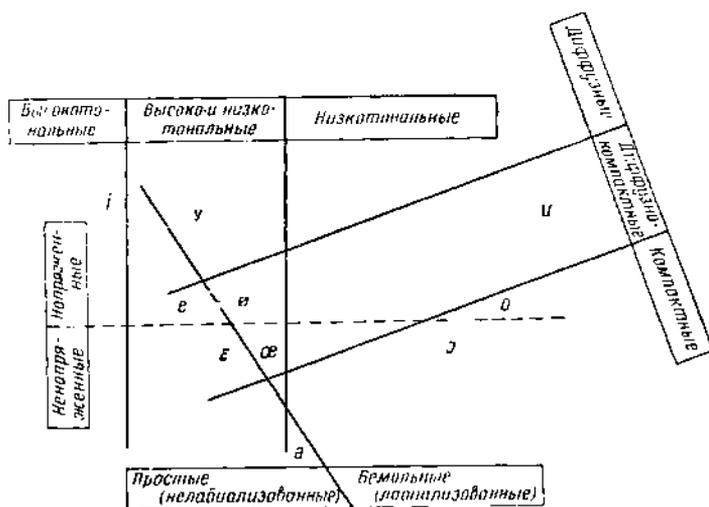

Схема 17. Акустическая (спектральная) параметризация системы французских гласных.

Акустико-фонологический анализ материала обнаруживает ряд зависимостей, существующих между такими акустическими элементами, как степень компактности, степень тональности и степень лабиализованности. Хотя эти зависимости принимают различные формы смотря по тому, какой язык привлекается в качестве материала и каким из двух указанных выше методов анализируется материал, можно утверждать, что: 1) между сте-

²⁸ Ср.: Л. А. Варшавский, Исследование речи и характеристические параметры звуков речи, «Научно-технический сборник» НИИ [Мин-ва радиотехнич. пром-сти], вып. 3, 1957, стр. 10—11.

пенью компактности гласного и степенью его лабиализованности существует прямая зависимость; 2) переход от нелабиализованного гласного к слаборабиализованному и от последнего к сильнолабиализованному вызывает последовательное понижение тональности этих гласных (обратная зависимость); 3) в гласных переднего ряда понижение тональности влечет за собой повышение их компактности.

Объективное существование зависимостей между указанными акустическими элементами дает возможность описывать один элемент посредством другого. Нетрудно показать, преобразуя формулы (2), (3) и (4), что:

$$C = \frac{1 - b \lg F_2 - b \lg F_3}{b \lg F_{2cp}};$$

$$C = \frac{2 \lg F_2 - \lg F_3 - T}{\lg F_{2cp}};$$

$$T = \frac{3b \lg F_3 - 1}{b}.$$

Обращает при этом на себя внимание тот факт, что подобные операции возможны также и в плане функционально-семиотического анализа дифференциальных признаков (ср. пример шведского вокализма). В связи с этим не случайно, что для акустического описания системы гласных в рассматриваемых языках оказывается достаточным два измерения: степень компактности и степень лабиализованности, или степень лабиализованности и степень тональности и т. п.

*

Весь рассмотренный материал можно интерпретировать двояким образом. Если исходить из функционально-семиотической точки зрения, то придется признать, что в приведенных нами языках соотношение основных дифференциальных признаков гласных фонем не изоморфно системе выявляющих их акустических свойств (спектральных инвариантов). Так, например, фонемы *i*, *y*, *u* квалифицируются как диффузные. Между тем лабиализованность гласного *u*, вызывающая сдвиг вниз его верхних формант, увеличивает компактность спектра. Во всех приведенных языках и по числовой величине его компактности должно быть отнесено не к диффузным, но к диффузно-компактным звукам. Аналогичным образом *o* благодаря своей лабиализации оказывается иногда более компактным звуком, чем *a*.

В итоге строго фонологическая (функционально-семиотическая) параметризация системы гласных дает иные результаты, чем фонетическая (спектральная, акустическая) параметризация той же системы. Чтобы убедиться в этом, сопоставим фонологическую параметризацию французского вокализма (ср. схему 2) и его параметризацию, полученную в результате использования спектральных характеристик звуков (см. схему 17)²⁷.

При этом оказывается, что если у фонемы *i* дифференциальный признак «диффузность» передается однозначно через акустическое свойство «диффузность звука *i*», то у фонемы *u* этот же дифференциальный признак выявляется посредством комбинации акустических свойств «компактность/диффузность» + «бемольность». Поэтому приходится разрабатывать сложную систему соответствий между семиотическими единицами фонологического уровня языка (дифференциальными признаками), с одной стороны, и элементарными акустическими свойствами (спектральными

²⁷ Описание приемов этой параметризации см.: Р. Г. Пиотровский, Экспериментальная фонетика — фонология — стилистика — диалектология, «Литання прикладної лінгвістики. Тези доповідей міжвузівської наукової конференції 22—28 версія 1960 року», Чернівці, 1960; е го же, Фонология и спектральный анализ, «Симпозиум по методике спектрального анализа речи» [1-го МГПИИЯ], М. (в печати).

Таблица 1. Спектральные параметры русских гласных *

Ф о р м а н т					Х а р а к т е р							
Г	F_1	F_2	$C \cdot 10^3$	$b \cdot 620^3$	Гласные и их комбинаторина	$\frac{F_{1D} + F_{1J}}{2}$	$\frac{F_{2D} + F_{2J}}{2}$	$\frac{F_{3D} + F_{3J}}{2}$	F_2 ср.	$C \cdot 10^3$	$b \cdot 10^3$	$T \cdot 10^3$
и	230	2235	703	108,5	[(п)ы] орф. <i>лы</i>	$\frac{200+300}{2} = 250$	$\frac{1475+1700}{2} \approx 1587$	$\frac{2125+2300}{2} \approx 2212$	1800	736	112	652
ы	294	1490	777	110	[(п)э] орф. <i>лэ</i>	$\frac{400+600}{2} = 500$	$\frac{1875+1950}{2} \approx 1912$	$\frac{2500+2350}{2} = 2425$	2105	812	107	479
е	430	1900	803	105	[(п)а] орф. <i>ла</i>	$\frac{700+750}{2} = 725$	$\frac{1250+1250}{2} = 1250$	$\frac{2200+2200}{2} = 2200$	1419	905	107	58
а	650	1074	930	106	[(п)о] орф. <i>ло</i>	$\frac{400+350}{2} = 375$	$\frac{700+550}{2} = 625$	$\frac{2125+2550}{2} \approx 2337$	734	897	114	-350
о	515	850	925	110	[(п)у] орф. <i>лу</i>	$\frac{275+250}{2} \approx 262$	$\frac{550+550}{2} = 550$	$\frac{2150+2100}{2} = 2125$	671	855	118	-263
у	264	617	869	119	[(п')ж] орф. <i>лж</i>	$\frac{150+175}{2} \approx 162$	$\frac{2150+2100}{2} = 2125$	$\frac{3000+2800}{2} = 2900$	2563	642	111	979
					[(п')е] орф. <i>ле</i>	$\frac{425+450}{2} \approx 437$	$\frac{1900+1900}{2} = 1900$	$\frac{2625+2400}{2} \approx 2512$	2114	792	107	516
					[(п')я] орф. <i>ля</i>	$\frac{700+800}{2} = 750$	$\frac{1375+1450}{2} \approx 1412$	$\frac{2250+2200}{2} = 2225$	1595	900	106	78
					[(п')о] орф. <i>лэ</i>	$\frac{500+450}{2} = 475$	$\frac{1000+750}{2} = 875$	$\frac{2200+1900}{2} = 2050$	1024	890	112	-105
					[(п')у] орф. <i>лю</i>	$\frac{300+250}{2} = 275$	$\frac{575+750}{2} \approx 662$	$\frac{2500+2000}{2} = 2250$	817	838	116	-150

* Данные, характеризующие величину формант, заимствованы из следующих работ: G. Fant, Acoustic theory of speech production, «Transactions of the Royal Institute of Technology. Division of telegraphy-telephony», report № 10, 1958, стр. 124 и M. Halle, The pattern..., стр. 169 и 171. Из последней

работы взяты данные по гласным, употребленным после твердого и мягкого [п]. Величины формант, характерные для двух дикторов (D и J), в нашей таблице усредняются.

Таблица 2. Спектральные параметры армянских гласных *

	$\frac{F_{1м}+F_{1ж}}{2} = F_1$	$\frac{F_{2м}+F_{2ж}}{2} = F_2$	$\frac{F_{3м}+F_{3ж}}{2} = F_3$	$F_{2ср.}$	$C \cdot 10^3$	$b \cdot 10^3$	$T \cdot 10^3$
i	$\frac{520+600}{2} = 560$	$\frac{2080+2260}{2} = 2170$	$\frac{2800+3200}{2} = 3000$	2445	810	105	448
e	$\frac{603+721}{2} = 662$	$\frac{1838+2165}{2} \approx 2001$	$\frac{3000+3700}{2} = 3350$	2335	840	104	258
a	$\frac{762+807}{2} \approx 784$	$\frac{1300+1400}{2} = 1350$	$\frac{2360+3150}{2} = 2755$	1552	905	106	-73
o	$\frac{705+898}{2} \approx 801$	$\frac{1241+1562}{2} \approx 1401$	$\frac{1700+2160}{2} = 1930$	1541	908	107	-103
u	$\frac{403+565}{2} = 484$	$\frac{880+1200}{2} = 1040$	$\frac{2400+3400}{2} = 2900$	1254	864	109	-113
ɔ	$\frac{804+877}{2} = 840$	$\frac{1200+1263}{2} \approx 1231$	$\frac{1840+2030}{2} = 1935$	1357	930	108	-30

* Данные, характеризующие величину формант, заимствованы из доклада Г. А. Оганесяна «Анализ гласных армянского языка по методу, проведенному в ЕГУ» (см. «Симпозиум по методике спектрального анализа речи»). Представленные в докладе величины формант гласных в мужском ($F_{м}$) и женском ($F_{ж}$) произнесении усредняются в графах 2-4 настоящей таблицы.

Таблица 3. Спектральные параметры английских гласных *

	F_1	F_2	F_3	$F_{2ср.}$	$C \cdot 10^3$	$b \cdot 10^3$	$T \cdot 10^3$
i	372	1897	2502	2112	775	108	+584
e	540	1780	2502	2008	827	107	+370
æ	650	1700	2405	1912	855	106	+268
^	610	1167	2335	1355	886	108	-24
a	625	1042	2300	1262	900	109	-124
ɔ	522	800	2410	917	915	111	-293
v	422	952	2125	1134	860	112	+5
i:	287	2195	2895	2451	725	108	+762
^:	497	1312	1752	1455	850	110	+295
u:	350	777	2117	939	855	114	-87

* Данные, характеризующие величину формант, см.: L. G. Jones, «Vowels of English and Russian...», стр. 360.

Таблица 4. Спектральные параметры французских гласных

	Данные Делаттра								Данные Петерсона ***			
	естественные звуки *				синтезированные звуки **							
	F_1	F_2	$C \cdot 10^3$	$b \cdot 10^3$	F_1	F_2	$C \cdot 10^3$	$b \cdot 10^3$	F_1	F_2	$C \cdot 10^3$	$b \cdot 10^3$
i	250	2500	705	172	250	2900	692	171	200	2500	677	175
e	350	2200	761	170	360	2400	756	169	320	2300	745	169
ε	510	1950	816	166	510	2000	820	166	480	2000	812	167
a	720	1300	917	167	720	1300	917	167	700	1320	911	168
o	510	1000	902	175	510	950	909	176	500	950-1050	899	175
ɔ	350	880	864	182	360	800	880	183	350	700	894	186
u	250	730	837	190	250	700	843	191	200	700	808	194
y	250	1850	733	176	250	1900	731	177	200	2000-2100	694	178
ɔ:	350	1650	790	173	360	1650	794	173	320	1850	766	173
œ	510	1400	860	171	510	1450	856	170	470	1400	849	171

* См. P. Delattre. Un triangle acoustique des voyelles orales du français, «French reviews», XXI, 4, 1948, стр. 477-484.

** См. P. Delattre, A. M. Libermann, F. S. Cooper and L. J. Gerstmann. An experimental study of the acoustic determinants of vowel color, «Words», vol. 8, № 3, 1952, стр. 198.

*** См. G. E. Peterson, The phonetic value..., стр. 551.

Таблица 5. Спектральные параметры датских гласных *

	F_1	F_2	$C \cdot 10^3$	$b \cdot 10^3$		F_1	F_2	$C \cdot 10^3$	$b \cdot 10^3$
i	270	2200	728	173	õ	490	1350	860	172
e	380	1975	781	170	ø	620	1200	905	170
æ	490	1900	820	167	и	270	880	826	186
a	620	1600	872	166	o	380	850	880	182
ä	760	1245	932	167	ä	490	1000	896	176
y	270	1760	750	176	øγ	620	930	943	173
ø	380	1520	812	173					

* См. В. Malmberg. Le problème du classement des sons du langage et quelques questions connexes, «Studia Linguistica», année VI, № 1, 1952, стр. 34.

инвариантами), а также комбинациями этих акустических свойств — с другой.

С этим связана также проблема свертывания фонологических систем, сопровождающаяся совмещением определенных акустических свойств, например бемольности и низкой тональности.

При акустико-фонологическом подходе к материалу предполагается, что система дифференциальных признаков изоморфна системе акустических свойств. Отсюда вытекает два положения: 1) системы вокализма в различных языках должны строиться исходя из величин и отношений спектральных инвариантов гласных; 2) в ряде языков пары дифференциальных признаков «компактность — диффузность», «бемольная тональность — простая тональность», «высокая тональность — низкая тональность» взаимодействуют между собой не как независимые элементарные кванты, но как функционально зависимые единицы. Похоже, что первая пара дифференциальных признаков является производной пар «бемольная тональность — простая тональность» и «высокая тональность — низкая тональность». В связи с этим пришлось бы, очевидно, пересмотреть инвентарь дифференциальных признаков, предложенный Р. Якобсоном и его соавторами. Так или иначе вопрос о соотношении дифференциальных признаков фонем и акустических сущностей звуков речи остается центральной проблемой современной фонологии и лингво-акустики. Дальнейшая разработка этой проблемы с привлечением широкого лингвистического материала поможет окончательно решить, какой из указанных двух подходов является наиболее целесообразным.

Г. Б. ДЖАУКЯН

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОНСОНАНТИЗМА
АРМЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

§ 1. Вопрос, поднятый в статье проф. А. С. Гарибяна «Об армянском консонантизме»¹, не нов. Поставленный в более широком плане, он был предметом оживленной дискуссии на страницах армянского «Историко-филологического журнала». В упомянутой статье А. С. Гарибян говорит лишь о происхождении консонантизма армянских диалектов, однако общая его концепция сказывается и здесь. По мнению А. С. Гарибяна, современные армянские диалекты являются прямым продолжением прежних племенных диалектов, сохранивших свои особенности до настоящего времени почти в неизменном виде. При этом главным и почти единственным аргументом в пользу большей древности консонантизма многих армянских диалектов в сравнении с грабаром² служит наличие в некоторых армянских диалектах звонких придыхательных на месте индоевропейских звонких придыхательных и звонких простых — на месте звонких простых.

Существование в армянских диалектах звонких придыхательных отнюдь не является открытием А. С. Гарибяна. Этот факт был известен науке еще в XIX в. Впервые заметил данную категорию согласных известный немецкий фонетист Э. Зиверс, ознакомившийся с аштаракским говором айратарского диалекта. В 1899 г. Р. Ачарян, экспериментально изучавший согласные некоторых армянских диалектов, приводит данные и по звонким придыхательным³. В том же году он публикует исследование о сучавийском говоре арташеского диалекта, в котором говорит о наличии звонких придыхательных в данном говоре⁴. В дальнейшем в своих сводных работах Р. Ачарян приводит данные почти по всем армянским диалектам и говорам, имеющим звонкие придыхательные. Однако ни Э. Зиверс, ни тем более Р. Ачарян не сделали отсюда выводов о большей древности консонантизма некоторых современных армянских диалектов по сравнению с консонантизмом грабара. При всей заманчивости подобного вывода имеются веские аргументы в пользу большей древности системы консонантизма грабара.

§ 2. Сравнивая разные типы консонантизма армянских диалектов непосредственно с индоевропейским, А. С. Гарибян обходит молчанием вопрос о промежуточных звеньях развития. Между тем изменения индоевропейских согласных в диалектных словах в подавляющем большинстве случаев можно объяснить только через состояние грабара или его разновидностей в древнеармянском языке, но почти нет таких случаев (кроме

¹ А. С. Гарибян, Об армянском консонантизме, ВЯ, 1959, № 5.

² Слово «грабар» у армянстов употребляется двойко: для обозначения древнеармянского литературного языка и древнеармянского языка вообще. Мы сами употребляем это слово лишь для обозначения древнеармянского литературного языка и разговорной речи, которая легла в его основу. Под древнеармянским же языком мы понимаем все разновидности армянского языка в древнеармянский период (V—XI вв.).

³ H. A d j a r i a n, Les explosives de l'ancien arménien étudiés dans les dialectes modernes, Paris, 1899.

⁴ Р. Ачарян, Исследование о сучавийском диалекте, журн. «Базмавел», № 4, 1899 (на арм. яз.), стр. 219—220.

внешних совпадений с индоевропейским при односложных словах), когда эти изменения в словах грабара можно было бы истолковать на основании диалектных слов.

Согласно А. С. Гарибяну, состояние консонантизма диалектов I типа (Малой Армении) предшествовало состоянию консонантизма диалектов II типа (центральных областей Армении), состояние же консонантизма грабара (VI тип) развилось из состояния консонантизма диалектов II типа. При этом, по мнению А. С. Гарибяна, диалекты III—V типов «по своей звуковой системе не связаны ни с диалектами центральных областей (Муш, Карин, Айрарат), ни с древнеармянским языком»⁵. Однако судьба некоторых согласных и их сочетаний в диалектах говорит о большей древности консонантизма грабара.

Индоевропейское сочетание **bhr* отражено в диалектах I и II типов как *xb'* (диалекты I типа и новоджувльфинский из диалектов II типа), *xp* (основные диалекты II типа), *xp'* (возмийский диалект из диалектов II типа) с опорным гласным *a* или *e* (*axb'*, *axp* и др.)⁶. В диалектах III—VII типов оно отражено как *xb*, *xp*, *xp'*. Во всех этих случаях наличие *x* на месте и.-е. **r* непонятно, если не иметь в виду отражение данного сочетания в грабаре — (*a*)*t̄b* или (*e*)*t̄b* (обычная для грабара метатеза *r* и в связи с этим появление опорного гласного *a* или *e*; диссимилиация *r* в *t̄* под влиянием последующего *r*). Ср. и.-е. **bhreǵr* > граб. *abbeyr*, *abbiyr* «источник». Изменение *l* > *x* произошло после того, как во всех армянских диалектах уже к середине IX в. *t̄* перешел в звонкий фриктивный *ɣ'*, который в дальнейшем оглушился во всех диалектах.

И.-е. **t̄h* «ты» в диалектах I типа представлено как *d'un*, *d'ün*, *d'on*. Диалектные формы предполагают наличие промежуточной ступени с начальным *d* (**t̄- > d- > d'-*). Эта промежуточная ступень именно и отражена в памятниках грабара (*d*), в данном случае совпадающего с общеармянским состоянием⁸. Не лишено интереса, что подобная аспирация наблюдается и в личном местоимении 2-го лица мн. числа *duk'* (в диалектах I и II типов — *d'uk'* и др.), между тем как начальный *d* в этом слове появился под влиянием *du* «ты» (иначе мы ожидали бы *luk'* < и.-е. **iūs*).

Если стать на точку зрения А. С. Гарибяна, то невозможно объяснить некоторые факты, в том числе и конвергенцию индоевропейских звуков и звукосочетаний в диалектах I и других типов. Известно, что в диалектах I типа звонкие придыхательные *l'* и *g'* восходят не только к и.-е. **g^hh*, **gh* (переходящим перед *e*, *i*, *ï* в *l'*, в остальных случаях — в *g'*), но и к **j* и **ǵ*; ср.: *l'ur*, *l'ür*, *l'ör*, *l'uy* «вода» (и.-е. **iuro-*, граб. **lur*, род. падеж *l̄arōj*) и *g'orj*, *g'oŷj*, *g'üyj*, *g'örj*, *g'orz* «дело» (и.-е. **ǵorgo-*, граб. *gorc*, род. падеж *gorcoj*). Придыхательность в этих диалектах непонятна, если не предположить, что-либо и.-е. **j*, **ǵ* сперва перешли в *l* и *g*, а затем аспирировались, либо эти диалекты восходят к первоначальному, при котором во время данного перехода звонкие простые отсутствовали, во всех позициях заменяясь звонкими придыхательными. Ведь диалекты I типа, как известно, имеют наряду со звонкими придыхательными и звонкие простые.

⁵ См. А. С. Гарибян, указ. соч., стр. 89.

⁶ Здесь и дальше мы приводим примеры в основном из «Этимологического коренного словаря армянского языка» (Ереван, тт. I—VII, 1927—1935) и других работ Р. Ачаряна.

⁷ Ср. Р. Ачарян, История армянского языка, ч. II, Ереван, 1951 (на арм. яз.), стр. 434 и сл.

⁸ Вообще, если не учесть перехода **t̄ > d* в общеармянском с обычными для диалектов изменениями этого *d*, то окажется, что наиболее близки к индоевропейскому состоянию диалекты IV и VII типов, имеющие на месте общеармянских звонких глухие. Здесь и в дальнейшем при передаче звуков грабара мы пользуемся принятой транскрипцией (транслитерацией).]

Индоевропейские сочетания **st* и **zd* в диалектах I типа (и остальных) отражены одинаково: обычно — как *sd'* (в артиальском диалекте) и *sd* (в акнийском, севастийском и др.)⁹. Непонятно, почему **t* в первом сочетании переходит в *d'* или *d*, а во втором сочетании — **z* в *s*, если не учесть, что эти сочетания сперва совпали (как в текстах грабара), затем второй компонент сочетания в дальнейшем подвергся озвочению и аспирации. В хемшинском диалекте, относящемся к I типу, в обоих случаях имеется *st* [ср. и.-е. **nizd(o)-* и хемш. *nast-el* «сидеть», и.-е. **stēr* и хемш. *astəṭ* «звезда»]. Подобным же образом индоевропейские глухие простые и звонкие придыхательные после сонорных в диалектах отражены одинаково. Ясно, что сперва они совпали в звонких простых, как в грабаре, затем подверглись одинаковым изменениям: аспирации, оглушению и т. д. Ср. и.-е. **artu-* > граб. (*z*) *ard*, род. падеж (*z*) *ardu* «украшение», (*z*) *ardarel* «украшать» и артиальск. *zard'arel*; и.-е. **bhōrdh-* > граб. *burd* «шерсть» и артиальск. *b'urd'* и др.

А. С. Гарибян не учитывает роли процессов палатализации и спирализации в формировании консонантизма армянского языка вообще и диалектов в частности. Между тем сравнение грабара и диалектов в этом отношении очень показательно. Все процессы палатализации первоначальных индоевропейских веларных и лабиовеларных с образованием свистящих и шипящих аффрикат и частичной их спирализацией в грабаре соответственно отражены и в диалектах, но ни один из процессов палатализации и аспирализации в диалектах не нашел отражения в грабаре. При этом: 1) нет такого случая, чтобы спирантам грабара в каком-либо диалекте соответствовали аффрикаты, но известно много случаев, когда на месте спирантов диалектов в грабаре находим аффрикату (т. е. более древнее состояние)¹⁰; 2) процессы палатализации и спирализации в диалектах следует изучать с учетом исходных форм, засвидетельствованных в грабаре; объяснение указанных процессов возможно только с учетом этих (а не индоевропейских) форм¹¹; 3) процессы палатализации и спирализации затрагивают и заимствования из пехлевийского, греческого и других языков¹². Таким образом, система консонантизма грабара в этом отношении отражает общеармянское состояние и древнее систем диалектов, в том числе и диалектов I и II типов.

§ 3. В схемах А. С. Гарибяна изменения индоевропейских звуков в армянских диалектах изображаются только как перемещение «направо». А. С. Гарибян допускает изменение звонких придыхательных в звонкие простые, глухие простые и глухие придыхательные, звонких простых — в глухие простые и глухие придыхательные, глухих простых — в глухие придыхательные, но он отрицает возможность обратных переходов. Выше (§ 2) мы указали на возможность переходов глухих простых в звонкие простые и звонкие придыхательные. Здесь мы приведем еще несколько фактов.

В хавойском поддиалекте тигракетского диалекта древнеармянским глухим простым в начале слова соответствуют звонкие придыхательные¹³.

⁹ Надо иметь в виду, что, во-первых, в некоторых диалектах перед согласными выпадает смычный компонент сочетания (ср. севаст., акнийск. *asz*); во-вторых, те же изменения наблюдаются и в древних заимствованиях (ср. артиальск. *zōsd'ovalank'*, граб. *zostovanel*, пехл. *xustivan*); в-третьих, все эти изменения в диалектах имеют место независимо от того, к каким первоначальным звукам восходит не только смычный компонент сочетания, но и *s* (ср. артиальск. *zōsdel* и граб. *zōs'arānā*).

¹⁰ Ср. граб. *ač'-k'* «глаза» (и.-е. **okk't* + оконч. мн. числа *k'*) при *akən* «глаза» и акнийск., севаст., харберд. (I тип) *ašg* (*g < k < k'*), паршийский говор айратского диалекта (II тип) *ašk* и др.

¹¹ Ср. граб. *gini*, род. падеж *ginnoṭ* (<и.-е. **gino-*) и аптаракский говор айратского диалекта (II тип) *ḡini*.

¹² Ср. граб. *šarik* (<пехл. *šarik*) и севаст. диал. (I тип) *šabiyh*.

¹³ Ср. Р. А ч а р я н, Армянская диалектология: очерк и классификация армянских наречий, «Эмянский этнографич. сборник, изд. при Лазаревск. ин-те вост. язы-

Таким образом, если даже сравнить казойский консонантизм непосредственно с индоевропейским, то окажется, что индоевропейские звонкие простые перешли в звонкие придыхательные, т. е. переместились «налево». Но если возможно подобное перемещение в казойском говоре, почему оно невозможно в других армянских диалектах и говорах и почему не могли общearмянские звонкие простые подвергаться такому же изменению?

Интересна судьба звонких простых в словах, заимствованных из пехлевийского (в III в. до н. э.— III в. н. э., в основном в I—II вв. н. э.), сирийского (в I—VI вв. н. э., в основном в III—IV вв.), греческого (в основном в период с III в. н. э.) и даже арабского (в ранний период, в VII—IX вв. н. э.). Как известно, ни один из упомянутых языков не имеет звонких придыхательных. Между тем в армянских диалектах I типа звонкие простые отражены как звонкие придыхательные (!), глухие простые — как звонкие простые, хотя в системе консонантизма этих диалектов имеются и простые звонкие и звонкие придыхательные, противопоставленные друг другу как фонемы. Естественно, возникает вопрос: почему диалекты, которые имеют наряду со звонкими придыхательными и звонкие простые (причем эти два ряда, если следовать концепции проф. А. С. Гарибяна, прямо восходят к общеиндоевропейским, т. е. звонкие простые вполне совпадают с греческими и пехлевийскими звонкими простыми), превращают простые звонкие в звонкие придыхательные? Не ясно ли, что в этих диалектах либо произошло изменение первоначальных звонких в звонкие придыхательные, либо в период заимствования были только звонкие придыхательные, но не было звонких простых, и поэтому звонкие простые отражены как звонкие придыхательные? Иначе говоря, исходной точкой для образования консонантизма этих диалектов является либо система консонантизма, отраженная в древнеармянских письменных памятниках (но, конечно, более древняя, чем эти памятники), либо ее разновидность, в которой звонкие во всех позициях представлены как звонкие придыхательные¹⁴. Это же можно сказать и относительно тех диалектов, которые имеют и звонкие, и глухие (причем, по мнению А. С. Гарибяна, звонкие восходят к индоевропейским звонким). В старых заимствованиях звонкие превращаются в глухие, а глухие — в звонкие (диалекты IV типа). Вот несколько примеров из диалектов I типа: пехл. *baxt* > граб. *baxt* «счастье, судьба» и севаст. *b'axt*, артильск. *b'axd* и др.; сир. *gurnā* > граб. *gutən* «бассейн» и севаст. *g'ut*, харберд. *gutun* и др.

Другую картину мы наблюдаем в словах диалектов I типа, заимствованных из новоперсидского, тюркских и других языков с X—XI вв., т. е. в период, когда указанный фонетический закон перестал действовать. В этих словах простые звонкие остаются без изменения. Ср. турецк. *barut* «порох» и арм. диалектный *barut*. Наконец, ни в древнеармянских письменных памятниках, ни в древних диалектных словах, приведенных толкователями Дионисия Фракийского (ср. *razuk*, *p'azuk* при *bazuk* грабара), ни в передаче армянских личных имен и географических названий у античных авторов мы не наблюдаем процесса озвончения глухих.

§ 4. Изменение индоевропейских фонем в армянских диалектах в том виде, в каком это представляет А. С. Гарибян в своих схемах, с точки зрения современной исторической фонологии в большинстве случаев невозможно. Согласно А. С. Гарибяну, каждый ряд имеет независимое от других существование, и изменение этого ряда не влияет на соотношение общей системы, на характер противопоставлений.

А. С. Гарибян отождествляет позиционные варианты фонем (аллофоны) с фонемами. Среди всех армянских диалектов только диалекты

ков», вып. VIII, М., 1911 (на арм. яз.), стр. 160, 164—165. А. С. Гарибян в своих работах не упоминает данного говора.

¹⁴ Раньше, основываясь на традиционных представлениях о древнеармянском языке, мы делали только первое предположение.

II типа имеют все четыре ряда индоевропейских смычных. С первого взгляда кажется, что мы имеем здесь полную параллель индийской группе. Именно на это и старается навести А. С. Гарибян. Однако, как было указано нами¹⁵, эта параллель лишь кажущаяся. До появления тюрко-новоперсидских заимствований, в которых звонкие простые встречаются и в начале слова, они фактически являются не самостоятельными фонемами, а позиционными вариантами фонем: в этих диалектах звонкие придыхательные и звонкие простые никогда не встречаются в одной и той же позиции так, чтобы при этом сохранить смыслоааализительную функцию. Индоевропейским простым звонким в начале слова во всех диалектах этого типа никогда не соответствуют простые звонкие, а лишь звонкие придыхательные. В середине и в конце слова в основных диалектах этого типа (в айратском, мушском, каринском) индоевропейским звонким придыхательным никогда не соответствуют звонкие придыхательные, а либо простые звонкие (после носовых), либо простые глухие (после глухих), либо глухие придыхательные (в остальных случаях). В новоджувльфинском и возмийском диалектах индоевропейским звонким соответствуют глухие, как в грабаре.

На основании приведенного фонологического анализа мы приходим к выводу, что по положению до тюрко-новоперсидских заимствований ни в одном из армянских диалектов мы не имеем четырех рядов фонем и что ни типы, ни количество индоевропейских противопоставлений между четырьмя рядами полностью не представлены ни в одном из армянских диалектов. Отсюда следует, что понимать диалектные системы консонантизма можно не через индоевропейское, а через общеармянское состояние, в основном представленное в памятниках грабара.

§ 5. В статье и схемах А. С. Гарибяна сложное взаимоотношение как индоевропейских языков, так и армянских диалектов представлено в упрощенном виде. Взгляды его на языковое состояние, непосредственно предшествовавшее выделению отдельных индоевропейских языков, мало чем отличаются от ранних взглядов младограмматиков. При этом он полностью отрывает историю армянского языка от истории других языков, забывая, что армянский язык не стоит особняком среди других индоевропейских языков по своему консонантизму: первичный тип его консонантизма очень близок к германо-фракийскому.

Диалекты, отнесенные без оговорок А. С. Гарибяном к одним и тем же группам, в некоторых случаях имеют различия в консонантизме, придающие им переходные черты. Так, артальский диалект имеет особенности, которые ставят его между I и V типами; новоджувльфинский и возмийский значительно отличаются от основных диалектов II типа (наличие звонких придыхательных в неначальной позиции в новоджувльфинском, палатализация этих же звуков в возмийском, отсутствие озвончения глухих в обоих диалектах) и т. д. В хемшинском диалекте только малайский говор имеет звонкие придыхательные; в джаникском говоре им соответствуют простые глухие. В айратском диалекте звонкие придыхательные имеются только в новобаязетском (камойском) поддиалекте и некоторых говорах (аштаракском, парпийском); в эчмиадзинском и в некоторых других говорах им соответствуют звонкие простые, в канакерском — простые глухие. В арабкирском диалекте только некоторые говоры имеют звонкие придыхательные, в гюринско-кесарийской группе говоров они отсутствуют.

Говоря о четырех рядах согласных в армянских диалектах, А. С. Гарибян умалчивает о различиях их реализации, об их оттенках и переходах, сопутствующих и побочных признаках. Укажем, наконец, что при рассмотрении генезиса армянских диалектов А. С. Гарибян абсолютизирует из-

¹⁵ Ср. Г. Б. Дж а у н я н, Армянская диалектология и вопрос о происхождении армянских диалектов, «Историко-филологич. журнал», № 2-3, 1959 (на арм. яз.), стр. 297—299.

менения в их консонантизме, рассматривает их вне связи с другими изменениями в словах, в системе вокализма и т. д. Не имея возможности остановиться на этих вопросах, отметим лишь, что модели слов, засвидетельствованных в памятниках грабара, в основном ближе к индоевропейским моделям, чем диалектные (включая и I и II типы), и что по состоянию вокализма и грамматического строя грабар древнее любого диалекта. Между тем А. С. Гарибян пытается провести мысль, что указанные диалекты древнее грабара и в других отношениях. По его представлениям, диалект как таковой образуется со всеми характерными особенностями в один и тот же период.

§ 6. А. С. Гарибян связывает появление консонантизма I, II, VI и VII типов с движением армян и с распространением языковых явлений только с запада на восток, причем он оперирует схемами, никак не обоснованными историческими фактами. По его представлениям, I группа армянских диалектов (диалекты Малой Армении)¹⁶ отражает первоначальное состояние армянского языка в период бытования армян в Малой Армении уже в XIV—XIII вв. до н. э., т. е. в период существования Хайасы-Аззи; II (центральная) группа армянских диалектов сложилась позднее XIII в. до н. э., «непосредственно в период распространения армян в эти области, что могло, как известно (? — Г. Д.), произойти в начале I тысячелетия до н. э.»¹⁷. Наконец, по мнению А. С. Гарибяна, диалекты малоазийские, месопотамские, сирийские и киликийские (т. е. диалекты III—V групп) не связаны с диалектами центральных областей Армении. Распространение армянского языка в этих областях произошло непосредственно из Малой Армении; древнеармянская система консонантизма (VI тип) сложилась в период VIII—II вв. до н. э., а система консонантизма диалектов восточных областей (VII группа) — позднее II в. до н. э.

Эта схема, однако, никак не подтверждается историческими данными. Исходной точкой для хронологии А. С. Гарибяна служит предположение, что страна Хайаса-Аззи была «колыбелью армян» и что армянский язык является прямым потомком хайасского. Однако до сих пор никто убедительно не доказывал данного положения. Покойный проф. Г. А. Капанцян говорил об этом, исходя из ошибочного представления о двуприродности армянского языка и о преобладании в нем «азианических» черт над индоевропейскими. Большинство его этимологий основывается на предположении родственных связей между хайасским и хурритским языками. Именно поэтому И. М. Дьяконов отрицает родственную связь между хайасским и армянским¹⁸.

Армянские племена жили на территории Малой Армении, конечно, задолго до новой эры. Однако основная масса армян уже с XII—XI вв. обосновалась на территории юго-западнее оз. Ван, по верхнему течению Западного Тигра¹⁹. При этом очень важно учитывать следующие обстоя-

¹⁶ Мы не говорим о том, что отнесение всех диалектов I типа к Малой Армении очень и очень относительно. Так, например, на армянском диалекте говорят польские, венгерские и румынские армяне, которые считаются пришельцами из Ани — столицы Армении в эпоху Багратидов (в районе Ширака, в древней области Айрарат); известно, что основная масса севастьянских армян (I тип) эмигрировала в Севастию в 1024 г. из южных районов Армении, и т. д., и т. д.

¹⁷ См. А. С. Г а р и б я н, указ. соч., стр. 89.

¹⁸ См. И. М. Д я к о н о в, Хетты, фригийцы и армяне, «Изв. [АН Арм. ССР]», Обществ. науки, № 11, 1956. К совершенно другим выводам пришел автор настоящей статьи на основании своих исследований, результаты которых скоро будут опубликованы. Эти выводы кратко изложены в работе «Система склонения в древнеармянском языке и ее происхождение» (Ереван, 1959, стр. 384). Думается, что хайасский язык относится к древнеанатолийским индоевропейским языкам, по всей вероятности имеет кентумный характер и не является прямой основой армянского языка. При этом, однако, мы указываем на сильное влияние хайасского языка на армянский и приводим некоторые данные.

¹⁹ Ср. С. Т. Е р е м я н, Племенное объединение армян в стране Арме-Шуприа, «Историко-филологич. журнал», № 3, 1958, стр. 68.

тельства: 1) Айрарат, центральная область Великой Армении, в V в. до н. э., если учесть свидетельство Геродота (III, 94), еще находился вне границ Армении; в Айраратской долине тогда жили еще саспейры и алародцы²⁰; 2) по свидетельству Страбона (XI, 14, 5), другая центральная область — Высокая Армения с районами Карина (Эрзерума) и Держана — была завоевана армянами только во II в. до н. э.²¹; 3) состав первичного армянского населения Малой Армении в дальнейшем подвергался большим изменениям (ассимиляция, переселение, смешение), и носителей армянских диалектов Малой Армении в конце XIX и в начале XX вв. уже нельзя считать прямыми потомками первых обитателей Малой Армении. Это тем более относится к диалектам других областей Малой Азии, в том числе и Киликии; 4) переселение армян в другие страны, в том числе и в Малую Азию (включая Киликию), усиливается после известных реформ Юстиниана в VI в. и особенно после X в. С XI в. эти переселения принимают массовый характер в связи с нашествием тюрко-татарских племен и с упразднением царства Багратидов в Армении; 5) на территории исторической Армении жили разные племена, ассимиляция которых армянами завершается к началу новой эры. По свидетельству Страбона (I в.), завоеванные армянами области уже «были одноязычными». До тех пор пока армянские племена были немногочисленными, а индоевропейские диалектные различия еще только превращались в языковые, мы, конечно, не можем говорить о сильной диалектной дифференциации.

§ 7. Переводчик «Грамматического искусства» Дионисия Фракийского и его армянские толкователи дают некоторые сведения о различиях в консонантизме древнеармянских диалектов; ср. указание на диалектные разновидности *razik* и *p'azik* для литературного *bazuk*²² и на *geat* и *got* для *gat*. Сопоставляя эти данные с данными по консонантизму современных армянских диалектов, можно прийти к следующим выводам: а) в начале древнеармянского периода существовали оглушенные и оглушенно-аспирированные диалектные разновидности фонем габара, обозначаемых в транслитерации *b*, *d*, *g*, *j*, *ǰ*, т. е. *p*, *t*, *k*, *c*, *č* и *p'*, *t'*, *k'*, *c'*, *č'*, как в современных диалектах VII, IV и V типов; б) в некоторых диалектных разновидностях происходило смягчение звонких, как в современном аглисском диалекте (разновидность II типа); в) наличие глухих придыхательных при *b*, *d*, *g*, *j*, *ǰ* габара предполагает существование между первоначальными звонкими простыми и позднейшими глухими придыхательными связующего звена — звонких придыхательных, если не предположить переход через глухие простые, что менее вероятно²³. (Восхождение глухих придыхательных к звонким придыхательным доназывается на основании экспериментального изучения современных армянских диалектов.) «Звонкие придыхательные в силу содержащегося в них придыхания (*bh*, *dh*, *gh*, *ǰh*, *ǰy*), — пишет Р. Ачарян, основываясь на экспериментальных данных (хотя несколько устаревших, но пока единственных), — еще и сегодня приближаются к глухим придыхательным, так что непривычное ухо их воспринимает как глухие придыхательные. Так, французы их воспринимали как *p*, *k*, *t*. Вследствие дальнейшего усиления придыхания смычный компонент (*sic*) еще более оглушался, в результате чего возник ряд глухих придыхательных»^{23а}.

Данное предположение мы считаем верным для древнеармянского периода еще и по другим соображениям: во-первых, в некоторых разновид-

²⁰ Ср. Н. А. Манандян, Критический обзор истории армянского народа, т. I, Ереван, 1944 (на арм. яз.), стр. 56.

²¹ Там же, стр. 25.

²² Данное слово считается заимствованием из пехлевийского.

²³ Между прочим, это предположение А. С. Гарибяна никак не говорит в пользу общей его концепции, так как он исходит из такого состояния консонантизма, при котором существуют звонкие придыхательные.

^{23а} Р. Ачарян, Армянская диалектология, стр. 259. Однако Р. Ачарян данное изменение относит к более близкому к нам времени, что раньше делали и мы.

ностях диалектов II типа²⁴ (ср. новоджувльфинский) звонкие придыхательные встречаются в тех позициях, в которых в остальных разновидностях встречаются глухие придыхательные (в интервокальном положении и после *г*; ср. *xab'el* — *xap'el* «обманывать», *zard'arel* — *zart'arel* «украшать»); во-вторых, в основных диалектах II типа упомянутым фонемам грабара в неначальных позициях (кроме позиций после носовых, когда встречаются простые звонкие, и после глухих, когда встречаются глухие) соответствуют глухие придыхательные, что предполагает наличие придыхания (звонкие придыхательные, перешедшие в глухие придыхательные)²⁵; *г*) звонкие придыхательные в этот период являются диалектными разновидностями звонких простых, заменяя их во всех позициях (может быть, кроме положения после носовых); *д*) в этот период не наблюдается озвончения глухих (кроме положения после сонорных²⁶), так что, во-первых, диалекты, имевшие на месте звонких грабара глухие и глухие придыхательные, не тождественны современным диалектам IV и V типов; во-вторых, диалекты II типа единообразны и во всех случаях оставляют глухие без изменения (с некоторым малозаметным озвончением?); *е*) параллельность звонких простых и звонких придыхательных в прототипах современных диалектов I, II и VI типов приводит к положению, когда различия между звонкими и звонкими придыхательными не нарушают общей системы (триады), и поэтому алфавит грабара успешно обслуживает обе диалектные разновидности. Иначе говоря, буквы, изображаемые в транслитерации *b, d, g, j, ʃ*, могут обозначать не только звонкие простые, но и звонкие придыхательные (как в ранних письменных памятниках восточноармянского языка)²⁶.

Вообще можно сказать, что в основу древнеармянского литературного языка (грабара) легли нормы прототипов как VI, так и частично I и II типов. Это положение нам кажется верным еще и потому, что алфавит грабара не мог не отражать состояния консонантизма некоторых центральных районов Армении (особенно Айрарата и Тарона), на языке которых частично должны были основываться разговорные нормы грабара и в которых жили предки людей, говорящих на современных диалектах II типа. Возможно, однако, что районы с аспирацией звонких тогда занимали небольшую территорию. При этом надо учесть, что VI тип все же ближе к общearмянскому состоянию.

§ 8. На основании вышесказанного можно прийти к следующим выводам.

1. История армянских диалектов является неотъемлемой частью истории армянского языка, историю же этого языка нельзя отрывать от истории его носителя — армянского народа. В соответствии с историей армянского языка можно выделить древнеармянские (V—XI вв.), среднеармянские (XII—XVI вв.) и новоармянские диалекты (XVII—XX вв.). Однако надо иметь в виду, что новоармянские диалекты не являются прямым продолжением среднеармянских, среднеармянские — древнеармянских, древнеармянские — додревнеармянских. В разные периоды истории армянского языка мы имеем разное соотношение диалектов и диалектных черт, и для каждого периода мы должны найти соответствующие критерии классификации диалектов.

²⁴ Чтобы облегчить понимание взаимоотношений, мы обозначаем типы современных диалектов в том же порядке, что и у А. С. Гарибяна. Однако мы должны помнить, что этот порядок никоим образом не отражает последовательности их происхождения.

²⁵ Наличие в ряде диалектов VI типа глухих придыхательных на месте звонких, правда, редко встречающихся, по-видимому, надо считать результатом распространения данного процесса на соседние территории, а также результатом позднейшего влияния (айраратского диалекта и современного литературного языка).

²⁶ Ср. сходные с нашими выводы Х. Фогта (H. Vogt. Les occlusives en arménien, «Norsk tidsskrift for Sprogvidenskap», bd. XVIII, Oslo, 1958) и Э. Бенвениста (E. Benveniste. Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien, BSLP, vol. 54, fasc. 1, 1959) о произношении букв грабара, обозначаемых в транслитерации *b, d, g, j, ʃ*.

2. Процесс образования фонетических, грамматических и лексических особенностей армянских диалектов происходил в течение всей истории армянского языка, усиливаясь, ослабляясь и даже прекращаясь, в зависимости от исторических условий, и давая в разных исторических условиях различные диалектные группировки.

3. В начале древнеармянского периода диалектные различия были выражены слабее, чем в конце и чем в среднеармянский период²⁷. В новоармянский период процесс образования диалектов ослабевает, а в наше время прекращается. В древнеармянский период диалектные различия были преимущественно лексико-фонетическими, в среднеармянский усиливаются грамматические (морфологические) различия, причем процесс образования лексико-фонетических черт в этот период не прекращается.

4. Хотя современные армянские диалекты имеют черты, которые архаичнее соответствующих черт грабара²⁸, грабар в целом древнее любого современного армянского диалекта (это положение относится и к консонантизму). Более того, грабар сохранил больше индоевропейских корней, суффиксов и окончаний и имеет больше архаичных черт в грамматическом и фонетическом строе, чем все диалекты вместе взятые.

5. Всякое изменение в системе консонантизма имеет основу в артикуляционных особенностях той или другой части населения. На любом этапе развития армянского языка существовали переходные явления, разные фонемы могли выступать в различных позиционных и территориальных разновидностях. Различия в степени аспираторности, звонкости, напряженности и силы, палатализованности и т. д. в некоторых условиях могли превращаться в различительные признаки и приводить к новым противопоставлениям в системе фонем. В зависимости от исторических условий они могли ограничиваться, исчезать или распространяться.

6. В начале древнеармянского периода диалектные различия в области консонантизма выражались в первую очередь в аспираторности, оглушенности и палатализации общеармянских звонких. Эти черты и их комбинации еще в начале древнеармянского периода образовали несколько диалектных типов по консонантизму с переходными чертами в смежных районах²⁹:

- а) *b*, *p*, *p'*; б) *b'*, *p*, *p'*;
 в) *b'*, *p*, *p'*; г) *p*, *p'*;
 д) *p'*, *p*, *p'*; е) *b''*, *p*, *p'*.

7. Можно предположить, что в период развития от общеармянского к древнеармянскому аспирация³⁰ (точнее — усиление и распространение аспирации на все позиции) и палатализация предшествовали оглушению. О причинах влияния аспирации на звонкость мы говорили выше. Что касается влияния палатализации на звонкость, то здесь необходимо сказать следующее. В результате палатализации звонких противопоставление по звонкости и глухости постепенно заменяется противопоставлением по палатализованности и непалатализованности. Это создает почву для оглушения глухих, особенно в районах, расположенных в соседстве с районами типа г (*p*, *p'*). Развитие древнеармянских диалектных различий

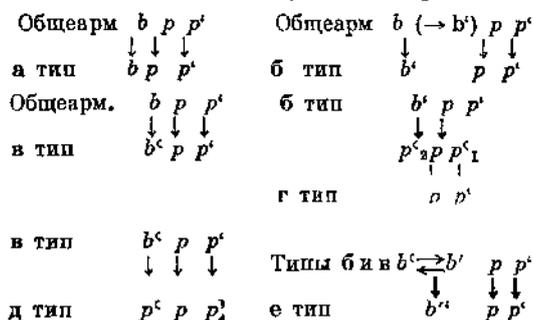
²⁷ Именно этим можно объяснить значительное единообразие языка древнеармянских письменных памятников. В V в. диалектные разновидности грабара занимали большую территорию.

²⁸ См.: Р. А ч а р я н, История армянского языка, ч. I, Ереван, 1940, стр. 119—122; ч. II, 1951, стр. 362—439 и Э. А г а я н, Древние диалектные различия в армянском языке, «Изв. [АН Арм. ССР]», Обществ. науки, № 5, 1958.

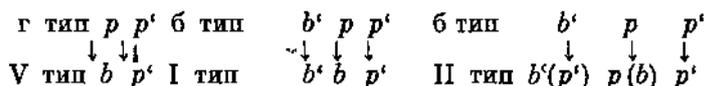
²⁹ Для краткости берем только один член ряда; под *b* надо подразумевать *b*, *d*, *g*, *j*, *γ*, под *p* — *p*, *t*, *k*, *s*, *š* и т. д. Обычно говорят, что в диалектах VII типа есть только глухие и глухие придыхательные, однако, как было указано, в действительности они различаются по мягкости и твердости.

³⁰ Не лишен интереса для объяснения происхождения звонких придыхательных тот факт, что в мушском, каринском и других диалектах (т. е. только в диалектах со звонкими придыхательными) существует звонкий *h*, причем он встречается и в начале слов, этимологически не имеющих придыхания.

схематически можно изобразить следующим образом:

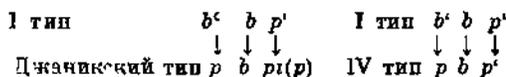
8. Дальнейшая дифференциация консонантизма (точнее — в области смычных и аффрикатов) связана в первую очередь с процессом озвончения глухих. Этот процесс, распространившийся с X в., но имевший основу, по-видимому, и раньше (ср. озвончение индоевропейских глухих после сонорных в грабаре), совершенно не затрагивает районы с палатализацией (с палатализованными звонкими и глухими). Он охватывает в той или иной степени области типа г (p, p') и б (b', p, p'), затем частично затрагивает и области типа а (b, p, p'). Озвончение глухих в районах с новыми придыхательными мы связываем с увеличением напряженности в произношении прежних звонких, что приводит к новому противопоставлению по напряженности и ненапряженности (сильные и слабые). Именно поэтому в районах, где звонкие придыхательные переходили в глухие придыхательные, процесс озвончения целиком охватывает глухие, и создается тип b, p' (V тип). В районах, где звонкость придыхательных сохранилась, но степень звонкости была неодинаковой и, следовательно, их напряженность была неодинаковой, озвончение глухих происходит по-разному: 1) в тех районах, которые граничат с районами типа b, p' (V) или население которых вышло из смежных районов, озвончение глухих происходит полностью и создается тип b', b, p' (I тип); 2) в районах, занимающих центральное положение между районами типа b, p' (V), b', b, p' (I) и b, p, p' (а), озвончение происходит частично, не затрагивая начальной позиции; оно охватывает позиции, в которых прежние звонкие придыхательные более напряжены и переходят в глухие придыхательные [II тип — $b^c (p^c), p(b), p'$] ³¹; 3) в районах, граничащих с районами b^c, p, p' (в тип) и p^c, p, p' (д тип), озвончения не происходит. Схематически это можно изобразить следующим образом:

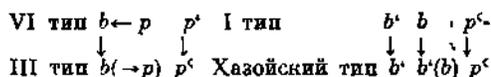
9. Противопоставление по напряженности и ненапряженности в некоторых случаях приводит к дальнейшему ослаблению придыхания аспирированных звонких с тенденцией к оглушению ³². На этой базе возникают джаникский и киликийский (IV) типы как результаты скрещения тенденций оглушения (усиления) первичных звонких и озвончения (ослабления) глухих.

³¹ Ср. *kerakur* > *keragur* «еда» и **hog'i* > *hok'i* «душа», *erkat'* > *ergal'* «железо» и **orb'* > *orpr'* «сирота», *arak* < *arag* «басня» и **ʔag'* > *ʔak'* «детекыш» в мушском диалекте (ср. также айрататский).

³² Ср. свидетельство Р. Ачаряна о том, что в джаникском говоре хемшинского диалекта простые глухие, соответствующие звонким придыхательным малайского говора, «занимают среднюю ступень между простыми глухими и звонкими придыхательными других диалектов» [Р. Ачарян, Исследование хемшинского диалекта, Ереван, 1947 (на арм. яз.) стр. 18].

III (b, p^c) тип возникает на базе VI, хазойский [$b^c (b), p^c$] — на базе I типов. О причинах возникновения этих типов сказать что-либо достоверное пока трудно. Можно предположить, например, что говорящие на диалектах III типа вышли из районов, граничащих с районами, в которых происходило озвончение глухих (на базе их ослабления). Можно предположить также, что возникновение хазойского типа является дальнейшей реализацией тенденции аспирации звонких (ср. наличие звонкого b). Но все это пока остается лишь предположением. Процесс возникновения указанных типов в схематическом можно изобразить следующим образом:

10. Описанные процессы частично перестали действовать, частично же действуют и до наших дней. Вместе с этими процессами происходят и другие изменения в консонантизме: появляются новые типы фонем, изменяются условия появления тех или иных позиционных вариантов, происходят новые процессы палатализации и спирализации и т. д. Особенно важно отметить появление в некоторых диалектах звонких простых вследствие тюркско-новоперсидских заимствований, ослабление придыхания в звонких придыхательных в некоторых диалектах и в говорах (в каринском, айратском) под влиянием литературного языка и т. д.

11. Нельзя судить о диалектных различиях только на основании консонантизма. Уже тот факт, что А. С. Гарибян выделяет только 7 типов диалектов по консонантизму, но перечисляет 57 диалектов, говорит об упрощенности его схем. Армянские диалекты характеризуются большим количеством изгloss, и лишь их разностороннее изучение может привести к правильным выводам.

В. З. ПАНФИЛОВ

ПРОБЛЕМА СЛОВА И «ИНКОРПОРИРОВАНИЕ»
В НИВХСКОМ ЯЗЫКЕ

При описании и анализе того языкового явления, которое обычно определяется как инкорпорирование (иначе: инкорпорация, иногда синтетизм, полисинтетизм), наглядно проявляется все еще далеко недостаточный уровень теоретической разработки вопроса о существенных признаках слова. С одной стороны, при этом утверждается, что инкорпорация есть способ выражения синтаксических отношений, а инкорпоративный комплекс есть словосочетание, с другой же стороны, одновременно говорится о том, что инкорпоративный комплекс представляет собой одно слово и является результатом слияния основ¹. Если исключить из определений инкорпорации те моменты, которые можно отнести за счет непоследовательности и неточности употребления терминов, то можно выделять следующие моменты, которыми рассматриваемое явление обычно характеризуется в советском языкознании:

1. Компонентами комплекса являются основы, а не слова.

2. Весь инкорпорированный комплекс в целом с формальной стороны представляет собой слово и в этом отношении тождествен сложному слову. Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, С. Н. Стебницкий вообще не усматривали никакого принципиального различия между инкорпорированием и словосложением типа *composita* в индоевропейских языках².

3. Каждый из компонентов комплекса сохраняет свое лексическое значение в его составе, аналогично членам свободного словосочетания.

4. Компоненты инкорпорированных комплексов находятся друг к другу в определенных синтаксических отношениях³, и каждый из них, согласно точке зрения ряда авторов, выступает как член предложения⁴.

Эта характеристика инкорпорирования представляется весьма противоречивой, в особенности с точки зрения субординации языковых явлений. В самом деле, если каждый из компонентов инкорпорированного комплекса сохраняет свое лексическое значение, если между ними есть

¹ См. об этом: БСЭ², т. 18, стр. 16 р; Е. А. Крейнович, Нивхский (гиляцкий) язык, сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М. — Л., 1934, стр. 183; его же, Фонетика нивхского (гиляцкого) языка, М. — Л., 1937, стр. 28; П. Я. Скорок, О постепенном развертывании и совершенствовании основ грамматического строя (на материале чукотского языка), «Труды Института языкознания [АН СССР]», М., 1954, т. 4, стр. 191, 193.

² В зарубежной литературе эта точка зрения в отношении индейских языков наиболее последовательно развивалась А. Л. Крёбером (см. A. L. Kroeber, *Incorporation as a linguistic process*, «American anthropologist», New series, vol. 13, № 4, 1911, стр. 580). Э. Сепир, полемизировавший с А. Л. Крёбером по этому вопросу, не отождествил полностью инкорпорирование в индейских языках и словосложения в индоевропейских (см. E. Sapir, *The problem of noun incorporation in American languages*, там же, vol. 13, № 2, стр. 251—260).

³ См. об этом, например: П. Я. Скорок, Инкорпорация в чукотском языке как способ выражения синтаксических отношений, ИАН ОЛЯ, 1947, вып. 6.

⁴ См. В. Г. Богораз, Луораветланский (чукотский) язык, сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, стр. 6; его же, Краткий очерк грамматики луораветланского языка, в кн.: В. Г. Богораз, Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь, М. — Л., 1937, стр. XIV; Е. А. Крейнович, Фонетика нивхского (гиляцкого) языка, стр. 27.

определенные синтаксические отношения и если, более того, каждый такой компонент является каким-либо членом предложения, то почему это основы, а не слова? Разве между основами могут быть синтаксические отношения и разве основа может выступать как член предложения? Методологически это определение инкорпорирования исходит из положения о равноправности всех признаков слова, т. е. из неразграничения признаков ведущих, определяющих сущность слова, и признаков второстепенных, подчиненных, необязательных для слова.

Действительно, как показывает анализ соответствующих высказываний сторонников данной точки зрения, их аргументы в пользу вышеприведенного определения инкорпорирования сводятся к следующему:

1) при инкорпорировании происходят различного рода фонетические явления — чередования начальных согласных последующих компонентов (например, в нивхском языке), изменение огласовки компонентов по гармонии гласных (например, в чукотском языке) и т. п., которые свидетельствуют о фонетическом единстве инкорпорированного комплекса и о нарушении фонетических границ его составляющих компонентов. По существу, из этого исходил, например, В. Гумбольдт, который ввел в языковедение понятие инкорпорирования и инкорпорирующих языков;

2) зависимые компоненты инкорпорированных комплексов выступают в иной (усеченной, по определению сторонников этой точки зрения) форме по сравнению с той, которую они имеют, выступая вне комплекса в той же синтаксической функции (напр. в чукотском) или же в других синтаксических функциях (по утверждению Е. А. Крейновича, в нивхском языке);

3) инкорпорированный комплекс в целом получает такое же морфологическое оформление, как и отдельное слово.

Являются ли эти признаки достаточными для того, чтобы считать так называемый инкорпорированный комплекс в нивхском языке не словосочетанием, а словом, и его компоненты соответственно — не словами, а основами? Очевидно, что в связи с этим вопросом, который выражает суть проблемы инкорпорирования также и в других языках, необходимо прежде остановиться на вопросе о признаках слова. Как известно, при определении понятия слова привлекаются (в разной комбинации) следующие признаки: семантический, синтаксический, морфологический и, наконец, фонетический. Ниже мы остановимся на каждом из этих признаков в отдельности в связи с анализом конкретных материалов нивхского языка.

Известно, что большинство языковедов по разным основаниям не считают возможным включать семантический признак в число признаков слова. Так, А. И. Смирницкий, признавая, что «цельнооформленность слова, естественно, сама по себе выражает известную смысловую цельность...»⁵, тем не менее не включал семантический признак в число признаков слова, поскольку он отождествлял его с идиоматичностью, которая не свойственна, как он указывал, многим сложным словам типа *седобородый* и *красноносый*⁶. Однако, по нашему мнению, едва ли есть основания для отождествления семантической цельности слова (сложного слова) с идиоматичностью. Идиоматичность — это явление этимологического порядка, и она

⁵ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»), сб. «Вопросы теории и история языка в свете трудов И. В. Сталина по языковедению», М., 1952, стр. 197.

⁶ См. там же, стр. 199. Сторонники этой точки зрения справедливо указывают, что понимаемая как идиоматичность семантическая цельность слова является характерной для фразеологических единиц, а не для сложных слов (см. О. С. Ахманова, К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц, «Труды Ин-та языковедения [АН СССР]», т. IV, 1954, стр. 51—52).

является лишь одним из возможных, но не обязательных проявлений семантической цельности слова (сложного слова).

Возражая против включения семантической цельности в число признаков слова, обычно имеют в виду то ее понимание, в соответствии с которым слово (сложное слово) передает одно понятие в отличие от словосочетания (свободного), выражающего по крайней мере два понятия.

При этом справедливо отмечают, что в составе предложения одно понятие может быть выражено не только посредством слова, но и свободного словосочетания, в особенности — словосочетания атрибутивного порядка. Нельзя не видеть, однако, что такое понимание семантической цельности слова (сложного слова) идет в русле логической грамматики, игнорирующей специфику семантической стороны языковых единиц, в силу чего и оказываются практически несостоятельными все попытки отграничить сложные слова от словосочетаний по семантическому признаку в вышеуказанном его понимании⁷. Хотя значения почти всех грамматических и лексико-грамматических разрядов слов⁸ формируются в связи с выражаемыми ими понятиями, тем не менее из этого совсем не следует, что если понятие выражается не словом, а словосочетанием, то образующие словосочетания слова не сохраняют своего значения. Семантическая же цельность слова (сложного слова), как бы оно ни казалось близким по своему значению к соответствующему свободному словосочетанию, заключается именно в том, что его компоненты теряют свои индивидуальные значения, в то время как члены свободного словосочетания, хотя бы и выражающего одно понятие, сохраняют свои индивидуальные лексические значения. Именно в силу этого каждый из членов свободного словосочетания, выражающего в целом одно понятие, в отличие от компонентов сложного слова, в потенции сохраняет способность выразить понятие. Эта потенция актуализируется, когда на каком-либо из членов свободного словосочетания делается логическое ударение⁹; в силу этого в структуре суждения, выраженного тем предложением, в которое входит данное словосочетание, этот член словосочетания становится логическим предикатом и, следовательно, выражает отдельное понятие, в то время как остальные члены свободного словосочетания и другие члены предложения будут выражать другое понятие — логического субъекта этого суждения. Такая логическая акцентуация может выражаться и морфологически, когда соответствующий член предложения присоединяет к себе особые форманты.

Нами уже отмечалось, что под названием словосложения (Л. Я. Штернберг) или полисинтетизма — инкорпорирования (Е. А. Крейнович) до недавнего времени объединялись принципиально различные по своей природе явления нивхского языка: процесс образования определительных и объектных словосочетаний, построенных на примыкании, и словосложение в собственном смысле слова; причиной такого объединения послужило то обстоятельство, что в своем образовании сложные слова следуют моделям названных выше словосочетаний¹⁰. Выделяя в настоящее время словосложение как особое явление¹¹, Е. А. Крейнович продолжает,

⁷ На этих же позициях отождествления понятия и значения слова остаются и некоторые из тех авторов, которые отмечают неудовлетворительность семантического критерия в вышеуказанном его понимании (см., например: И. И. Ревзин, Структуральная лингвистика, семантика и проблемы изучения слова, ВЯ, 1957, № 2, стр. 33).

⁸ Мы исключаем здесь такие разряды слов, как междометия и собственные имена, вопрос о которых в этом плане требует специального рассмотрения.

⁹ Л. Блумфилд, считая непосредственным и первоначальным фактом языка предложение, тем не менее признает, что деление предложения на части становится актуальным, когда говорящий фиксирует свое внимание на одной из этих частей [см. его статью «Sentence and word», «Transactions and proceedings of the American philological association», vol. XLV, Boston, 1914, стр. 71].

¹⁰ См. В. З. Панфилов, Сложные существительные в нивхском языке и их отличие от словосочетаний (К проблеме слова), ВЯ, 1958, № 1.

¹¹ Е. А. Крейнович, Об инкорпорировании в нивхском языке, ВЯ, 1958, № 6, стр. 24—25, 31—32.

однако, придерживаться той точки зрения, что «определение + определяемое», «прямое дополнение + сказуемое» сливаются в нивхском языке в одно слово, образуя инкорпорированный комплекс, или словокомплекс, и не могут рассматриваться как словосочетания¹², за исключением некоторых особых случаев. В связи с этим следует отметить прежде всего, что в семантическом плане так называемые инкорпорированные комплексы так же противопоставляются сложным словам, как и обычные словосочетания: сложные слова характеризуются единым нерасчлененным лексическим значением, в то время как каждый из компонентов «инкорпорированного комплекса» сохраняет свое лексическое значение и способность выражать отдельное понятие. В частности, логическое ударение может падать и на какой-либо из компонентов «инкорпорированного комплекса», в связи с чем он оформляется предикативным суффиксом *-та ~ -ра ~ -да*¹³. Приведем примеры: *Адъ мула лырктъ? Му надох к'аукра, тйрта лырктъ*¹⁴ «Это плывет лодка? Не лодка — плывет дерево»; *Хэвгун нымрла п'рыдь? Хэвгун нымрта п'рыдь* «Хэвгун пришел вчера? Вчера Хэвгун пришел»; *Хэвгун т'укила иг'дь? Хэвгун т'укира иг'дь* «Хэвгун убил осетра? Осетра Хэвгун убил»; *Чи тыфтог'ла видь? Ни тыфтохта видь* «Ты идешь домой? Домой я иду».

В приведенных вопросительных предложениях вопросительная частица *-ла* присоединяется соответственно к подлежащему, обстоятельству времени, прямому дополнению и косвенному дополнению, указывая тем самым, что является неизвестным для говорящего. В соответствующих утвердительных предложениях, являющихся ответами на эти вопросительные предложения, предикативный показатель *-та ~ -ра ~ -да* оформляет те члены предложения, которые передают логический предикат. В отличие от этого, ни на одном из компонентов сложного слова в отдельности логическое ударение сделано быть не может, так как ни один из них в отдельности не сохраняет своего лексического значения, и логический предикат, таким образом, может быть выражен только посредством сложного слова в целом.

Поскольку компоненты сложного слова не сохраняют своих лексических значений, сложное слово в целом в отличие от словосочетания имеет не только единое лексическое значение, но и характеризуется единством общеграмматического значения. В этом отношении особенно показательны те случаи, когда к разным частям речи относятся сложные слова, ведущие компоненты которых восходят к словам, принадлежащим к одной и той же части речи. Так, в нивхском языке среди сложных слов, ведущий (второй по местоположению) компонент которых восходит к глагольному слову, мы находим как глаголы типа: *тыг'дь* «войти в дом» < *тыф* «дом» + (*й*) *уг'дь* «спускаться, опускаться во что-либо», *рышылг'дь* «открывать дверь» < *рыш* «дверь» + (*й*) *ылг'дь* «открывать что-либо» и т. д., так и существительные типа: *азмыть* «мужчина» < *аз* (< *ар*) «самец» + *мудь* «становиться», *к'ылварадь* (название одной сопки) < *к'ыл* «ступа» + *варадь* «быть похожим, походить на что-либо», *н'ыкиг'ыл* (название одного из видов утки) < *н'ыки* «хвост» + *кыл(дь)* «быть длинным, быть длинным чем-либо», *загыльдь* «пологий спуск (подъем)» < *за(дь)* «взбираться» + *кылдь*.

Поэтому нет оснований считать, что оформление ведущего (последнего по местоположению) компонента «инкорпорированного комплекса», каж-

¹² Там же.

¹³ Предикативный суффикс *-та ~ -ра ~ -да* в своих различных фонетических вариантах является омонимичным соответственно: 1) с суффиксом *-та ~ -да* и суффиксом *-ра*, которые оформляют как сказуемые—однородные члены предложения, так и сказуемые связанных между собой предложений; первый из них является показателем 1-го лица единственного числа и всех лиц множественного числа, а второй—показателем 2-го и 3-го л. ед. числа; 2) с суффиксом *-ра*, оформляющим глагол, когда на данное действие обращается внимание слушающего как на нежелательное.

¹⁴ Здесь и далее приводятся примеры из амурского наречия нивхского языка (без указания на их принадлежность этому диалекту).

дый из компонентов которого сохраняет не только свое лексическое, но и общеграмматическое значение, есть вместе с тем оформление всего «инкорпорированного комплекса» в целом, аналогичное оформлению какой-либо сложной основы, поскольку это равнозначно утверждению, что «комплекс» имеет единое грамматическое и лексическое значение.

*

Семантическая расчлененность свободного словосочетания и самостоятельность его составляющих слов грамматически проявляются в наличии синтаксических связей как между словами — членами данного словосочетания, так и между этими последними и словами — членами других словосочетаний, в силу чего слово может быть членом двух или более словосочетаний. Способность перемещаться в предложении¹⁵ является лишь результатом этой синтаксической самостоятельности слова. «Инкорпорированный комплекс» в нивхском языке в этом плане ничем не отличается от словосочетаний обычного типа, а его компоненты — от слов: компоненты «инкорпорированного комплекса» не только находятся в определенных синтаксических отношениях друг к другу, но они — что еще более существенно для понимания природы этого явления и что до недавнего времени совсем не отмечалось — вступают в синтаксические связи со словами, находящимися вне «инкорпорированного комплекса»¹⁶.

По этому признаку «инкорпорированные комплексы» так же, как и обычные свободные словосочетания, противопоставляются сложным словам, в том числе и тем, которые следуют моделям «инкорпорированных комплексов». Компоненты сложного слова не имеют синтаксических связей между собой и ни один из них не может иметь синтаксических связей с другими словами в предложении; в синтаксическом плане все сложное слово функционирует как единое целое¹⁷.

Поскольку в настоящее время положение о синтаксических связях компонентов «инкорпорированного комплекса» со словами, находящимися вне его, не отрицается и сторонниками противоположной точки зрения¹⁸, в подтверждение этого положения мы сошлемся лишь на несколько случаев.

1. В этом плане особенно показательны причастные обороты, которые состоят из: а) причастия, выступающего в функции определения к какому-либо члену основного предложения, б) относящихся к причастию второстепенных членов и в) подлежащего причастного оборота. Такой причастный оборот в целом, выступая в функции того или иного члена предложения (подлежащего, прямого или косвенного дополнения, обстоятельства), сам имеет структуру предложения. Примеры: *hoj'on'an tyf kutliin wamanj hundy tjamra n'ityx t'avd'* «Тогда снаружи дома его старухой (буквально: его старуха — в абсолютном падеже) оставленное коромысло за ногу зацепило» [к причастию *hundy* как компоненту «инкорпорированного комплекса» *hundy tjamra* «оставленное коромысло» относятся находящиеся вне «комплекса» слова *wamanj* «его старуха» (подлежащее) и *tyf kutliin* «снаружи дома» (обстоятельство места)]¹⁹.

2. Определение имеет синтаксические связи со словами, находящимися вне комплекса, в тех случаях, когда оно относится к двум определяемым

¹⁵ Этот признак положен в основу определения слова пражской школой структуральной лингвистики, с точки зрения которой самостоятельное существование слова выявляется прежде всего в функциональном плане; ср. также соответствующее высказывание Л. Блумфилда об отличии слова от формантов (указ. соч., стр. 72).

¹⁶ См. об этом: В. З. П а н ф и л о в, К вопросу об инкорпорировании, ВЯ, 1954, № 6, стр. 22—24.

¹⁷ См. его же, Сложные существительные в нивхском языке..., стр. 111.

¹⁸ См., например, Е. А. К р е й н о в и ч, Об инкорпорировании в нивхском языке, стр. 27—28, 31—32.

¹⁹ Как можно видеть из этого примера, зависимый компонент «инкорпорированного комплекса» также может иметь при себе поясняющие его слова (иную точку зрения см.: Е. А. К р е й н о в и ч, Фонетика нивхского языка, стр. 29—31).

или когда оно в свою очередь получает наречное определение, а определяемое — в тех случаях, когда к нему относятся несколько однородных определений, из которых с определяемым «сливается» только ему непосредственно предшествующее определение. Примеры: *н'ан'ын' хаг'аско киг'о бодь* «охотничьи одежды и обувь взял» (*н'ан'ын'* — причастная форма глагола *н'ан'ын'дъ* «хотиться»); *ман'гур пила нивх* «очень (сильно) большой человек» (наречное определение *ман'гур* «очень (сильно)» относится к определению *пила* «большой» в составе «комплекса»); *чуз пила завод* «новый большой завод»; *вэрли вэула ду* «широкое глубокое озеро» и т. д. Весьма показательно при этом, что определение, находящееся вне «комплекса», имеет ту же форму, что и определение, состоящее в «комплексе».

3. Как прямое дополнение, так и сказуемое имеет синтаксические связи со словами, находящимися вне комплекса, в том случае, когда сказуемое поясняется двумя прямыми дополнениями [например: *тэско маг'о надь* «есть мясо и юколу» (-*ко* ~ -*г'о* ~ -*го* ~ -*хо* — соединительный суффикс, показатель связи однородных членов предложения)], а сказуемое, кроме того, в случаях: а) когда оно поясняется прямым и косвенным дополнением или обстоятельством (например: *кувы нух т'ыдъ* «нитку в иголку вдеть»); б) когда к нему относится прямое дополнение и дополнение в дат.-вин. падеже (например: *Ни канах мавр н'аг'игудьра* «Я заставил собаку идти за селезнем»). Поскольку же каждый из компонентов «инкорпорированного комплекса» в нивхском языке может иметь синтаксические связи со словами, находящимися вне комплекса, т. е. выступает в этой связи как член словосочетания, то и сам «инкорпорированный комплекс» является не чем иным, как словосочетанием, члены которого зачастую имеют между собой синтаксические связи такого же порядка, как и со словами, находящимися вне «комплекса».

*

Для тех языков, где модели словосложения следуют действующим моделям словосочетаний²⁰, разграничение таких словосочетаний и им соответствующих (по своим моделям) сложных слов представляет известные трудности, в особенности если зависимые члены этих словосочетаний сочетаются с ведущими компонентами по способу примыкания, т. е. не имея никаких других грамматических показателей этой зависимости, кроме порядка слов. По-видимому, именно это послужило основанием для утверждения, что в нивхском языке компоненты инкорпорированного комплекса якобы являются не словами, а основами, в виду чего и сочетания определения и определяемого, прямого дополнения и сказуемого не могут рассматриваться как словосочетания²¹. Однако нетрудно доказать, что это утверждение не соответствует действительности: если каждый из компонентов «инкорпорированного комплекса» (определение и определяемое, прямое дополнение и сказуемое) выступает как член своего собственного парадигматического ряда, то сложное слово в противоположность этому выступает членом парадигматического ряда целиком и притом таким образом, что принадлежность к тому или иному парадигматическому ряду не определяется характером ведущего (второго по местоположению) компонента этого сложного слова (ср. сложные глаголы, образованные из суще-

²⁰ Некоторые из сторонников теории инкорпорирования нарушают историческую перспективу, утверждая, что модели словосложения используются для выражения синтаксических отношений и что только впоследствии синтаксические отношения начинают выражаться сочетанием отдельных слов (см., например, L. Bloomfield, указ. соч., стр. 74). По мнению Е. А. Крейновича, в нивхском языке, не считая некоторых особых случаев, вообще нет словосочетаний типа «определение + определяемое», «прямое дополнение + сказуемое», а если они и возникают в настоящее время, то только как результат своего рода разложения «инкорпорированного комплекса» (см. его статью «Об инкорпорировании...», стр. 21—22, 28).

²¹ Е. А. Крейнович, «Об инкорпорировании в нивхском языке» стр. 33 и др.

ствительного + глагол, и сложные существительные, образованные из тех же компонентов). Обратимся к фактам языка.

1. Имя существительное в функции определения и прямого дополнения в составе «инкорпорированного комплекса» может быть оформлено суффиксом множественного числа, различного рода соединительными суффиксами и некоторыми другими грамматическими показателями; например: *Сидь ны нивг'гу уньс чиньдын'а?* «Что в посуду этих людей положим?» (*нивг'гу уньс* «посуду людей», *нивх* «человек», *-ку-гу-г'у-ху* — суффикс мн. числа); *Иф п'ог'лагу аньмадь* «Он на своих детей посмотрел» (прямое дополнение *п'ог'лагу* «своих детей» в форме мн. числа) и т. д.²²

2. Е. А. Крейнович утверждает далее, что определительные компоненты, выраженные указательными местоимениями и глаголами, являются не словами, а основами, «так как не имеют окончания -д', придающего им форму законченных слов»²³. Факты показывают, однако, что глаголы и указательные местоимения с суффиксом -д' и без него противопоставляются друг другу не как слово и его основа, а как разные формы слова. В подтверждение этому приведем следующий материал: а) и глаголы, и указательные местоимения выступают в функции определения в обеих этих формах, а не только без суффикса -д'; при этом, если без суффикса -д' они указывают на признак предмета, то, оформляясь суффиксом -д', они употребляются уже заместительно, вместо имени существительного. Примеры: *Ан' к'ыс каяр'а ньд' хак' воньдыра* «Кто счастья не имеет, того (человека) шапку возьмет» [ср.: *ны хак'* «эта (та) шапка»]; *мудь ны* «умершего вещи», [ср. *му нивх* «умерший человек» (*мудь* «умирать»)]; б) и глаголы, и указательные местоимения могут выступать в функции определения без суффикса -д' не только в «комплексе», но и вне его при наличии однородных определений (см. выше, стр. 54—55); в) глагол, не оформленный суффиксом -д', выступая в качестве определения, оформляется показателями времени, вида, залога и других глагольных категорий. Примеры: *ви нивх* «идущий (шедший) человек» (форма настоящего-прошедшего времени, которая имеет нулевой показатель), *вины нивх* «человек, который пойдет» (форма будущего времени), *вины нивх* «человек, намеревающийся (намеревавшийся) идти» (-ины — модальный суффикс намерения), *вины нивх* «идущий (в данный момент) человек» (-иву/-иги — суффикс вида длительного действия), *вины нивх* «(много раз) ходивший человек» (здесь удвоением передается вид многократного действия), *вины нивх* «любящий ходить человек» (-хы — суффикс вида обычности действия), *п'рыг'ыт нивх* «пришедший человек» (-г'ыт/-кыт — суффикс законченного действия) и т. д. Таким образом, глаголы в функции определения в составе «комплекса» имеют целую систему форм, характеризуюсь всеми основными глагольными категориями, что и позволяет рассматривать их как причастные формы глагола; г) не получая каких-либо показателей синтаксического словоизменения, в том числе и суффикса -д', глагол может выступать не только в функции определения, но и в некоторых особых случаях — в функции сказуемого. Примеры: *Чи ршаин инды хаазн'а?* «Ты где нашел одежду?» (сказуемое — глагол *индыд'ь* «увидеть что-либо, находить» в форме, совпадающей с основой); д) многочисленные случаи конверсии, когда существительные имеют ту же форму, что и глаголы, не оформленные аффиксами синтаксического словоизменения, также свидетельствуют о том, что в этих случаях мы имеем дело не с основой, а с формой глагола, характеризуемой нулевым показателем. Ср., например: *к'уну-д'ь* «быть светлым, прозрачным»,

²² Отмечая такого рода факты, Е. А. Крейнович тем не менее утверждает, что прямое дополнение и определение в составе «инкорпорированного комплекса» выражаются не словами, а основами существительных (Е. А. Крейнович, Об инкорпорировании в нивском языке, стр. 24, 27, 33 и др.).

²³ Там же, стр. 30.

к'уну «рассвет»; тыв(ла)-дь «быть холодным», тываа «холод»; ыль-дь «делать крышу, покрывать крышу», ыль «крыша» и т. д.²⁴

3. В усеченной форме выступают лишь соотносимые с личными местоимениями ед. числа и возвратно-определятельным местоимением *н'и* «себя, сам» показатели принадлежности и объекта действия (*ни* «я», *н'рыф* «мой дом», *н'задь* «меня бить»). Однако мы имеем здесь дело с грамматическими показателями принадлежности и объекта действия. Нет никаких оснований признавать это лишь в отношении местоименных показателей объекта *й-*, *и-*, *э-* (в составе ряда прямопереходных глаголов), которые этимологически связаны с личными местоимениями 3-го лица ед. числа, и отрицать формальный характер остальных показателей, в том числе и тех, которые указывают на принадлежность 3-го лица ед. числа и происходят от тех же личных местоимений 3-го лица ед. числа, что и показатели объекта *й-*, *и-*, *э-*²⁵ (ср. *й-ардь* «кормить кого-либо чем-либо», *й-ымык* «его мать»; *и-ндыдь* «увидеть кого-либо, что-либо», *и-вить* «его тело», *э-амудь* «любить кого-либо», *э-к'ах* «его копые»). В этой связи существенно также, что принадлежность может выражаться не только грамматически, но и лексически специальными притяжательными местоимениями, образованными от соответствующих личных при помощи суффикса *-эо* (например: *нэо ранри* = *н'ранри* «моя сестра», *чэо ранри* = *ч'ранри* «твоя сестра», *ээо ранри* = *и'ранри* «его сестра»).

4. Поскольку определение и прямое дополнение как компоненты «инкорпорированных комплексов» выражаются не основами, а словами, взятыми в той или иной форме, то уже из этого следует, что и ведущие (вторые по местоположению) компоненты соответствующих «комплексов», которые оформляются всеми аффиксами синтаксического словоизменения, свойственными соответствующей части речи, также выражаются словами, а не основами²⁶.

Итак, каждый из компонентов «инкорпорированных комплексов» в нивхском языке (определение и определяемое, прямое дополнение и сказуемое): а) сохраняет свое лексическое значение, б) имеет определенные синтаксические связи с другими компонентами и сохраняет способность иметь их со словами, находящимися вне комплекса, в) выступает как член своего собственного парадигматического ряда, т. е. как одна из форм слова. По этим признакам «инкорпорированные комплексы» противопоставляются сложным словам, в том числе и тем, которые образованы по соответствующим моделям. Вместе с тем эти признаки оказываются у них общими со свободными словосочетаниями.

«Инкорпорированные комплексы» и сложные слова в нивхском языке сближаются лишь в фонетическом плане: непосредственно примыкающие друг к другу определение и определяемое, прямое дополнение и сказуемое в потоке обычной, нормальной речи произносятся слитно, что находит свое выражение в чередовании начальных целевых и смычных согласных

²⁴ Наряду с этим встречаются и многочисленные случаи заместительного употребления (в определенных контекстах) глаголов в причастной форме, обычно осложненной суффиксом *-н'*; например: *к'ола(н')* «богач», *л'ернн'* «тот, кто будет играть».

²⁵ См. Е. А. Крейнович, Об инкорпорировании в нивхском языке, стр. 22—23, 30; ср. R. Jakobson, Notes on Gilyak, «The bull. of the Institute of history and philology [of the Academia sinica]», vol. XXIX, 1958, стр. 270; см. также А. Кговерг, указ. соч., стр. 581—582; Е. Sapir, указ. соч., стр. 251, где отмечается грамматический характер такого рода местоименных показателей.

²⁶ То обстоятельство, что прямопереходные глаголы, включающие в свой состав местоименные показатели объекта, теряют их при наличии прямого дополнения, а некоторые из них в этой форме оказываются омонимичными с другими глаголами, не может служить доказательством противного (см. Е. А. Крейнович, Об инкорпорировании в нивхском языке, стр. 23—25, 32). Нельзя считать словом только его назывную форму, а все остальные его формы и фонетические варианты — основами. Что же касается омонимии, то многие глаголы оказываются омонимичными и в назывной, «исходной» форме (см., например, *радь* «пить», *радь* «курить», *радь* «ставить ловушки», *радь* «светить» и т. п.).

в составе определяемых и сказуемых. Но должно быть ясно, что вопрос о сущности слова и его выделяемости в потоке речи как особой языковой единицы не может решаться с точки зрения фонетических признаков, представляющих собой языковое явление низшего по сравнению со словом порядка²⁷. Достаточно в этой связи сослаться на французский язык, где поток речи делится не на слова, а на ритмические группы²⁸, на явление *сандхи* в санскрите, явление мутации в кельтских языках и т. д., где в пределах словосочетаний также нарушаются фонетические границы слов. Не меняет дела и то, что чередования начальных согласных в нивхском языке, возникшие как чисто фонетическое явление, в настоящее время используются в грамматических целях²⁹. Вышеназванные явления в определенных грамматических условиях имеют место также и в других языках и используются в грамматических целях³⁰.

Основываясь на вышеизложенном, мы полагаем, что определение и определяемое, прямое дополнение и сказуемое образуют в нивхском языке не инкорпорированные комплексы, представляющие собой результат сложения основ в целях выражения синтаксических отношений, а словосочетания, построенные на примыкании³¹: зависимые члены этих словосочетаний не получают никаких других грамматических показателей, выражающих их отношение к ведущим членам словосочетаний, кроме порядка слов.

²⁷ P. Passy, *Les sons du français*, Paris, 1906, стр. 41—43.

²⁸ См. Л. В. Щерба, *Фонетика французского языка*, М., 1957, стр. 83—84.

²⁹ В частности, эти чередования используются для различения сложных слов и «инкорпорированных комплексов». Поскольку в нивхском языке в существительных в отличие от глаголов начальные щелевые не чередуются, сложные существительные с первым глагольным компонентом в своем составе также не чередуют свой начальный щелевой, отличаясь тем самым от аналогичных им по своим моделям «инкорпорированных комплексов». Ср.: *рычичиэ* «учитель», *ныиы' рычичиэ* «наш учитель» и *рыу һамар* «учащий старик», *ныиы' дыу һамар* «наш учащий старик». Иное объяснение см.: Е. А. Крейнович, *Фонетика нивхского (гиляцкого) языка*, стр. 60.

³⁰ См. об этом, например: Л. В. Щерба, *указ. соч.*, стр. 84 и сл.

³¹ Аналогичного мнения придерживается Р. Якобсон, который, отмечая, что в нивхском языке предложение делится на синтаксические секции (*syntactic sections*), характеризующиеся единством ударения, указывает далее, что они состоят из слов (R. Jakobson, *указ. соч.*, стр. 261—263).

**ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ***

В о п р о с № 11: «Какова была роль художественной литературы в развитии русского литературного языка со второй половины XVI в. до начала XVIII в.?»¹.

1. Процесс образования русской национальной художественной литературы тесно связан с развитием русского литературного языка. Литературные жанры древнерусской литературы, литературы эпохи великорусской народности до конца XVI — середины XVII вв. не опирались в своей речевой и стилистической структуре на внутреннее фонетическое, грамматическое и лексико-семантическое единство системы русского литературного языка.

2. Соотношения и взаимодействия двух типов древнерусского литературного языка — народно-литературного и книжно-славянского, несмотря на сложные процессы их смешения и взаимопроникновения, особенно широко и разнообразно развивавшиеся в древнерусской литературе XVI—XVII вв., не привели и не могли привести к созданию единой фонетической, грамматической (ни в сфере морфологии, ни в сфере синтаксиса) и особенно лексико-семантической системы общелитературного русского языка.

3. В направлении и развитии процессов взаимоотношений и взаимодействий двух типов древнерусского литературного языка сыграла большую роль письменно-деловая речь. Будучи связана с территориальными и социально-групповыми диалектами, с разными сферами профессиональной лексики и фразеологии, деловая речь оказывала, правда, в разной степени, воздействие на оба типа древнерусского литературного языка и сама подвергалась, особенно интенсивно с XVI в., «олитературиванию», обогащаясь разнообразными средствами выразительности и образности.

4. С середины XVI в., отчасти под влиянием античной традиции в ее средневековом воспроизведении, но главное под влиянием складывающейся новой русской системы литературных жанров и их стилей, начинается и нормативное, или нормализующее, учение о трех стилях русского литературного языка с прикреплением к каждому из них особой серии или группы литературных жанров.

5. Теория и практика трех стилей русского литературного языка ослабила, а в дальнейшем — к началу XVIII в. — и совсем ликвидировала противопоставление двух различных по структурным качествам типов древнерусского литературного языка и содействовала осознанию и оформлению единой структуры национального русского литературного языка с мотивированными отклонениями от нее в пределах каждого из трех стилей.

6. Каждый из трех стилей русского литературного языка охватывал строго ограниченную систему литературных жанров. Именно под влиянием системы т р е х стилей углубляется оценка «литературности» выражений

* Продолжение публикации ответов на анкету, помещенную в № 4 за 1959 г (стр. 50—51).

¹ В ответе на этот вопрос рассматривается хронологически более широкий период — до конца 30-х гг. XIX в.

конструкций. Начинает складываться дифференцированная система стилистических критериев, определяющих пригодность и выразительность применения тех или иных форм, слов и конструкций в рамках того или иного стиля. Понятие «литературности речи» не совпадает, но соотносится с понятиями «литературной художественности речи» и «народно-поэтической выразительности» речи.

7. Стили древнерусского фольклора, народно-поэтического творчества содействовали в XV — XVII вв. формированию норм единого русского литературного языка. Они способствовали также отграничению общелитературных форм слов и конструкций от диалектных. Важна их роль также в сближении и взаимодействии двух типов древнерусского литературного языка. Однако во всей своей сложности и многообразии, в своих исторических закономерностях процессы воздействия стилей народного поэтического творчества на формирование норм единого русского литературного языка являются почти вовсе не исследованными.

8. В интересной книге проф. Г. О. Винокура «Русский язык», которая получила широкое распространение и признание в Западной Европе (в переводах на французский и немецкий языки), была выдвинута ошибочная теория, что русская художественная литература эпохи классицизма, функционировавшая главным образом в жанрах высокого и простого стилей, мало участвовала в становлении и развитии русского национального литературного языка. По мнению Г. О. Винокура, процесс формирования системы русского национального литературного языка и его норм протекал преимущественно в границах среднего слога, основные функции которого лежали будто бы за пределами художественной литературы и были связаны главным образом с развитием стилей деловой и научной прозы. Однако в этой односторонней концепции не учитываются, с одной стороны, многочисленные элементы высокого и простого стилей, вошедшие в систему русского национального литературного языка, а с другой стороны, произвольно и неисторично суживаются функции среднего стиля в литературе и сфере его письменного употребления. Так, например, в объем понятия «литература» в XVIII в. входила историческая и мемуарная проза. Стихотворное лирическое творчество (элегия, эклога и т. п.) вращалось в орбите среднего слога. Нельзя также не учитывать большой роли той стилистической работы, которая протекала в сфере повестей и романов — как переводных, так и оригинальных. А это, в основном, была область среднего стиля. Кроме того, нуждается в специальном исследовании вопрос о той роли, которую сыграли переводы художественных и научно-популярных произведений, особенно гуманитарного цикла, в формировании системы русского национального литературного языка в XVIII в.

9. Система трех стилей, связанная с основами поэтики и стилистики русского классицизма, не должна рассматриваться статически. Необходимо внимательно исследовать динамику соотношений и взаимодействий всех трех стилей в их развитии. (Ср. смешение стилей — простого и среднего — в «Притчах» и комедиях Сумарокова; ср. взаимодействие простого и высокого стилей в «Ирои-комической поэме» и т. д.)

10. Особенно важно изучить объем, состав и функции простого слога в художественной литературе. В процессе формирования на этой базе социально-речевых стилей, определивших различия характеров социально-сословных и национальных, во второй половине XVIII в. выделились, с одной стороны, некоторая общая схема и система близкого к литературному языку «просторечия», а с другой — система нормированной, связанной с этикетом светского образованного общества литературно-разговорной формы общерусского (или русского национального) языка.

11. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова в своей регламентации норм общелитературного языка и отдельных его стилей, главным образом высокого и среднего, опиралась на разговорную речь, но больше всего на употребление форм слов и конструкций в системе художественной лите-

ратуры. Значение этой грамматики (а отчасти и «Риторики» Ломоносова) для дальнейшего движения русского национального литературного языка еще не может считаться окончательно определенным.

12. Гораздо меньшую роль в становлении и оформлении новой системы русского национального литературного языка сыграла ломоносовская теория трех стилей. Она лишь закрепляла то, что определилось в результате предшествующего развития стилей художественной литературы, и не указывала путей развития новой стилистической системы, соответствующей многообразию функционально-речевых стилей национального литературного языка. «Быстро развивавшийся литературный язык уходил от тех норм, которые применял в своих писаниях Ломоносов, а его последователи призывали к рабскому копированию ломоносовских норм, пренебрегая законными в его языке прогрессивными тенденциями развития»².

13. Необходимо планомерное исследование литературной деятельности тех писателей, которые, применяя разнообразные принципы смещения трех стилей в структуре одного и того же литературно-художественного произведения, тем самым ломали ломоносовскую систему и связанный с ней принцип единства слога на протяжении целого произведения. С этой точки зрения, чрезвычайно важной для всесторонней характеристики процессов формирования единой системы русского литературного языка и новой его стилистики, должны быть изучены сочинения Фонвизина, Новикова, Державина, Радищева, Крылова, Карамзина (особенно «Письма русского путешественника») и других писателей последней четверти XVIII в. и первых десятилетий XIX в.

14. В русской литературе с 30—40-х годов XVIII в. преобладали стихотворные жанры. До сих пор совсем не изучен вопрос о том, чем русская культура литературного слова обязана стиховой речи хотя бы в области фразеологии и синтаксиса. Между тем предложенная Карамзиным нормативная стилистика русского литературного языка во многом питалась достижениями стихотворной речи.

15. Разрабатываемая Карамзиным система стилистики художественной литературы страдала дворянским эстетизмом, тяготением к салонной речи и излишними ограничениями в отношении русского просторечия, следовательно, тенденцией к денационализации языка, стремлением сблизить формы русского языка с «общеευропейскими». Ср. обобщение В. А. Жуковского: «Все языки имеют между собою некоторое сходство в высоком и совершенно отличны один от другого в простом или, лучше сказать, в простонародном»³.

16. Борьба в первые два десятилетия XIX в. со стилистической системой Карамзина, оказавшей сильное воздействие на стили деловой, эпистолярной и даже научно-популярной прозы, шире раскрыла перед русским обществом сокровища живой народной речи, богатство ее изобразительных и экспрессивно-выразительных средств (басенное творчество Крылова, «Горе от ума» Грибоедова и мн. др.) и способствовала расширению и демократизации норм русского литературного языка.

17. Отойдя от карамзинской стилистической системы, Пушкин пришел к убеждению в целесообразности и широких возможностях сближения стихотворной речи с прозаической, а тем самым и с разговорной, со «странным просторечием». В его творчестве нашли гармоническое соответствие все составные «стихии» русского литературного языка (и книжно-славянское наследие, и разнообразные слои и источники живой народной речи, и необходимые заимствования, прежде всего «европеизмы»). Устранив путы, связывавшие движение русского литературного языка к национальной норме, Пушкин не оторвался от исторического наследия и от накопленного

² В. В. То м а ш е в с к и й, Вопросы языка в творчестве Пушкина, сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. I, М. — Л., 1956, стр. 129.

³ В. А. Ж у к о в с к и й, О басне и баснях Крылова, Соч., М., 1954, стр. 512.

веками народно-речевого опыта. Творчество Пушкина, как высшее воплощение норм национально-русского литературно-языкового выражения, является наиболее ярким доказательством того, что художественная литература — могучий двигатель развития языка. Стилистическая система Пушкина послужила базой дальнейшего развития русского национального литературного языка.]

В. В. Виноградов
(Москва)

В о п р о с № 11 -.

Русская литература на рубеже XVII—XVIII вв. представляет собою очень пеструю картину, характерную для переходного времени. Основной факт литературного движения в это время — расслоение литературы. В условиях формирования абсолютной монархии, подъема городских и крестьянских восстаний завершается процесс, начало которого относится еще к первой половине XVII в. Параллельно с литературой господствующих слоев населения, дворянства и верхов посада быстро растет литература демократическая, с каждым годом расширяясь в объеме и все больше привлекая к себе общественное внимание. Пути исторического развития и той и другой литературы были неодинаковы: внутренне враждебные одна другой, они развиваются на рубеже XVII—XVIII вв. каждая обособленно, в разных направлениях.

* * *

Заметное распространение в демократической литературе — и в этом ее своеобразии — уже с момента ее возникновения получила повествовательная проза в форме небольших по объему «повестей», «гисторий», «сказаний». Все они еще не имеют четких, устоявшихся жанровых очертаний и характеризуют тот период в истории демократической «беллетристики», когда она только складывалась, искала формы своего художественного воплощения, которые бы наиболее соответствовали вкусам и потребностям нового демократического читателя, приобщающегося к литературе. Теснейшая связь с народным устным творчеством, его жанрами, сюжетами, стилистикой — наиболее показательная особенность этих произведений. Отсюда и их двойственный характер: полуустнопозитический, полукнижный. Особую ветвь демократической литературы XVII—XVIII вв. составляет литература раскола — старообрядчества. Раскол породил большое количество посланий, полемических трактатов, агитационных воззваний, открытых писем, специально рассчитанных на распространение среди широких народных масс.

В истории русского литературного языка демократическая литература XVII—XVIII вв. оставила глубокий неизгладимый след. В выработанный предшествующим развитием книжный язык она влила две мощные струи: речь народно-поэтическую и живое разговорное просторечие — влила в объеме, древней Руси неведомом. Уже с XI — XII вв. в произведениях древнерусских авторов иногда проникали элементы и народно-поэтической и просторечной фразеологии. Но то, что тогда носило спорадический характер, теперь приобретает характер массовый и становится — в литературе демократической — явлением, формирующим самый профиль литературного языка эпохи.

Язык народного устно-поэтического творчества — язык особого типа, который нельзя ни сближать, ни тем более отождествлять с просторечием. Это — язык поэзии, язык искусства. Он противостоит просторечию как его надстройка, во многом резко нарушающая его общепринятые нормы. В процессе своего многовекового развития язык этот выработал несколько стилистических вариантов — в зависимости от художественного содержа-

¹ Указанный вопрос рассматривается здесь на материале литературы рубежа XVII—XVIII вв.

ния тех или иных произведений и связанных с этим содержанием поэтических жанров. Каждый вариант характеризуется своим отбором слов, своей фразеологией, своим ритмико-интонационным строем.

Все основные варианты народно-поэтической речи в XVII—XVIII вв. стали достоянием русского литературного языка; они вошли в его состав, и в результате постепенной ассимиляции с языком книжным породили прежде всего в литературе демократической свои особые стилистические системы.

Сравнительно рано, еще в первой половине XVII в., установилась система, обслуживающая преимущественно «высокие» жанры демократической прозы: повести на героические, «богатырские» темы, повести исторические и бытовые, окрашенные лирикой авторских раздумий о жизни и людях. Особенности этой системы: былинная или песенная по своему происхождению поэтическая фразеология, специфический речитативно-напевный строй речи. Несколько позже, судя по памятникам, утвердилась в литературе и другая система — нарративная, «сказовая», художественная структура которой коренится в фольклорной прозе.

К концу XVII в. приобретает популярность в литературе и еще одна стилистическая система, позже ставшая достоянием лубочной прозы, — шуточная, «смехотворная», в основном восходящая, видимо, к репертуару скоморошьях небылиц. Ее особенности: прибауточный склад речи, озорная переключка созвучных слов, поговорочные и пословичные выражения.

Просторечие по природе своей внелитературно. Это — язык повседневного бытового обихода. Факты свидетельствуют, что в рассматриваемую эпоху просторечие, из бытового обихода перенесенное в сферу литературы, прежде всего прочно осело в демократической повествовательной прозе, преимущественно сатирической и шуточной, где и приобрело значение стилистического способа, рассчитанного на юмористический эффект, на усиление «смехотворности» тех или иных соответствующих теме сюжетных ситуаций. И это, конечно, не случайно. На фоне традиционной книжной речи просторечие при известных условиях, видимо, воспринималось как нечто такое, что уже одним фактом неожиданного своего вторжения в книжную речь порождает смех.

Как известно, в XVII в. щедро внедряли просторечие в литературу также писатели — деятели старообрядческого движения. Объясняется этот факт рядом причин. Свою роль сыграли в данном случае и личные склонности авторов: в массе своей выходцы из социальных низов общества, они предпочитали писать так, как говорили и думали; и мотивы национально-патриотические: в системе воззрений деятелей старообрядческого движения борьба за национальные в их понимании устои русской жизни занимала весьма заметное место. Однако едва ли не решающее значение имели здесь соображения чисто делового порядка: в интересах пропаганды своих взглядов писатели-старообрядцы не могли не опираться на просторечие, понимая, что назначение свое их произведения выполнят только в том случае, если получат широчайшее распространение в народной массе, будут по изложению понятны и доступны даже самому простому, некнижному человеку.

Писатели-старообрядцы выработали свой особый тип письменного просторечия — «вяканье», как называл его протопоп Аввакум по контрасту с книжной речью. Своеобразие этого «вяканья» в том, что оно, даже местами заметно окрашенное книжными предложениями, тем не менее, в основном, неприкосновенно сохранило внелитературную природу своего устного источника — обиходного разговорного языка во всей первоначальной его непосредственности.

Наблюдения показывают, что под пером писателей-старообрядцев просторечие не приобрело характера стилистической системы определенного художественного назначения, не связывалось у них с какими-либо конкретными литературно-эстетическими задачами, а стихийно, независимо

от жанра или темы, прорывалось везде, где для этого был повод, свободно отражая любые повороты авторской мысли. Единственное исключение — сатирические и обличительные страницы в их писаниях; здесь, как кажется, просторечие применялось осознанно — с литературными целями, аналогичными тем, какие в XVII в. ставили себе, прибегая к просторечию, авторы сатирических и шуточных повестей. В основном же живописность «вяканья» Аввакума и его соратников — внелитературного происхождения; она коренится в самом языке. В истории русской литературы и ее языка «вяканье» писателей-старообрядцев — явление уникальное; очевидно, в силу указанного его свойства оно не создало традиции, не нашло последователей.

В XVIII и XIX вв. просторечие в разных вариантах не раз вторгалось в литературу — в прозу «сказовую» и особенно часто в прямую речь. Но под пером писателей XVIII—XIX вв. просторечие всегда, как правило, приобретало новое качество: принимало более конденсированный вид, сопровождалось нарочитым отбором слов и идиоматических слово-сочетаний, преследовало разные цели, в том числе и стилизаторские, — иначе говоря, просторечие, сделавшись достоянием литературы, становилось в ней произведением искусства.

Широкое развитие демократической литературы — не единственный крупный факт литературного движения рассматриваемой эпохи. На рубеже XVII—XVIII вв. заметные перемены происходят и в литературе господствующих слоев русского общества. Наиболее значительным событием здесь, на этом участке литературного движения, явилось утверждение так называемого «барокко». «Барокко» — общеевропейское литературное направление. Зародилось оно в Испании и Италии в конце XVI — начале XVII вв., затем распространилось едва ли не во всех европейских литературах, в том числе и в ряде славянских (польской, чешской, сербско-хорватской). В странах Восточной Европы оно ранее всего установилось на Украине — в том его варианте, который культивировался преимущественно в духовной школе, школьными теоретиками литературы, школьными поэтами и драматургами. В России следы этого литературного направления отчетливо обнаруживаются начиная с 60-х гг. XVII в. — прежде всего под пером осевших здесь по тем или иным причинам выходцев из Украины и Белоруссии, бывших воспитанников Киево-Могилянской коллегии.

В истории русского литературного языка «барокко» сыграло весьма значительную роль. Именно под прямым воздействием этого литературного направления вырабатывается в рассматриваемое время тот особый извод книжного, славянского, или, как его тогда называли, «славянского» языка, который русская литература XVII в. передала в наследство литературе XVIII в. Извод этот не следует безоговорочно отождествлять с книжным языком древней Руси: он имеет свои особенности, порожденные эпохой

«Славянский» язык в эти годы обнаруживает тенденцию к своеобразной изоляции, к выделению в особый, рафинированный язык, призванный обслуживать преимущественно «высокие» формы литературы: «парадную» эпистолярную прозу, прозу ораторскую, поэзию, драматургию. В данном качестве он становится предметом заботливой опеки со стороны некоторых писателей: его настойчиво пытаются оградить от всего того, что так или иначе могло бы уронить его достоинство, и прежде всего от вторжения просторечия. Сугубо книжный, рассчитанный на узкий круг знатоков и ценителей, он подчас наглухо замыкается в своей собственной системе, искусственно, теплолично взращенной.

Словарный состав этого «славянского» языка приобретает типично «барочную» макароническую пестроту. В нем нарочито культивируются

некоторые славянизмы, уже выходящие из употребления и в рядовой книжной речи давно замененные соответствующими русскими словами: *гонзати*, *бышествовати*, *чуждатися* (в значении «удивляться»), *непщевати*, *жухнати*, *выну*, *тоцно*, *тицво* и пр. В него входят слова греческие: *спира*, *пина*, *дидакал*, *аер*, *оризонт*, *илектор*, *земисферий* и др.; слова латинские (в начале XVIII в. количество их возрастает): *деспект*, *сакрамент*, *сукцессия*, *интеррециум* и пр. Состав его обильно пополняется и за счет книжной «мовы» тогдашних украинских и белорусских литераторов: *згода*, *умова*, *оздоба*, *офера*, *оборонца*, *дедич* и пр., причем некоторые из этих слов надолго оседают в нем, видимо, по той же причине, что и слова греческие и латинские, — в силу своей чужеродности, экзотичности.

«Орел Российский» Симеона Полоцкого свидетельствует, что уже в XVII в., не позже 1667 г., в тот вариант «славянского» языка, который специально обслуживал стихотворство, стали проникать, не вытесняя традиционных библеизмов, в качестве условно-поэтических и слова антично-мифологические (наследие Ренессанса в поэзии «барокко»): имена богов, героев, легендарных певцов и поэтов, а также некоторые другие слова того же ряда (*Шарнас*, *Геликон*, *Пегас*).

Широкое развитие в литературе «барокко» разного типа амплификаций порождает словотворчество. Возникают новые сложные и многосложные слова: *мудроделие*, *путешествие*, *благокрасотство*, *многомерство*, *купностоянство*, *рукохудожествовати*, *гордовысоковийствовати* и т. п. Изобретаются в большом количестве построенные по тому же принципу новые эпитеты — чисто декоративного назначения: *очюточный*, *сердцевселлящий*, *любопламенный*, *адопленный*, *богокованный*, *самообещанный*, *селовиновный*, *песнопеснивый*, *богодухновенноцветородный* и т. п.

Свойственный искусству «барокко» аллегоризм порождает целый поток метафор особого типа — логизированных, обнажающих свой иносказательный подтекст: *море мира*, *грехов бездна*, *мрежа смерти* и т. п. Из их числа свою типично «барочную» природу в особенности наглядно демонстрируют метафоры, основанные на отдаленных аналогиях, на совмещении несоместимого: *суша воздержания*, *ветер прелести мира*, *кривое злобы распутие*, *пречестнейшаго художества зодчество мыслей*.

Нарочитую затрудненность приобретает синтаксический строй «славянского» языка. Входят в обычай громоздкие периоды: одно предложение цепляется за другое, оба включаются в состав третьего, третье примыкает к комплексу четвертого и т. д.; многочисленные инверсии, притом часто самые неожиданные, еще более осложняют их и без того сложное витийственное плетение.

*

Наблюдения показывают, что на рубеже XVII—XVIII вв. единого русского литературного языка, в нашем понимании этого термина, еще не было. Налицо было сосуществование различных по своему происхождению языковых стилистических систем: каждая из них развивается на своем участке литературного движения, обособленно, избегая встреч и еще не обнаруживая активного стремления к взаимообогащению. И тем не менее в истории языка русской художественной литературы рассматриваемая эпоха — важный и значительный по своим последствиям этап. Именно на рубеже XVII—XVIII вв. прочным достоянием литературы становятся все те языковые пласты, на базе которых язык этот в будущем сформируется; именно в это время намечается задача, над разрешением которой немало поработали уже писатели XVIII в.: тщательный отбор из накопленного материала всего того, что позже под пером Пушкина и его продолжателей ляжет в основание нашего национального литературного языка.

И. П. Фремин
(Ленинград)

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. ВАЯН

СЛАВЯНСКОЕ НАЗВАНИЕ СЕЛЕЗЕНКИ

Это название и его соответствия в других индоевропейских языках были детально исследованы А. Мейе¹, который приводит основные факты, относящиеся к рассматриваемой проблеме. И все же исходный момент исследования уточнен пока недостаточно. Форма, которую следует принять для общеславянского языка, — не *selzena, ст.-слав. *слѣзена*, как это без дальнейших обсуждений признается этимологическими словарями, но *sblezena, на что указывает русск. *селезёнка*, укр. *селезінка*, подобно русск. *серебрó* из исходного *srebro*; что касается *selz-, то оно должно было бы в восточнославянской группе дать *soloz- с сочетанием -оло-, как в *молоть* из *melti и под. В заблуждение обычно вводит славянское написание *слѣзена*, которое встречается, например, у Иоанна Экзарха, в рукописи сербской редакции 1263 г., однако наряду с другими славянскими написаниями — *слез-* и *селез-*. Помимо русского, против исходного *selz- свидетельствует народно-разговорная сербскохорватская форма *slēžena* (*slēžina*). Диалектное *šlējina*, *slizena* и т. д., а также форма *slēžēna*, отмеченная Шлетершником для словенского языка, показывают, что это слово претерпело изменения в своем исходе на -ina, а также в своей начальной части, которую народная этимология связывает со *слѣзъ* «мальва, алтей», сербско-хорв. *слѣз*, словен. *slēž*; болг. *слѣзка*, *слѣзенка* соединяют в себе одновременно оба эти слова. Современное польск. *śledziona* вместо *ślężiona*, возможно, явилось результатом аналогического сближения с *śledz* «сельдь».

Отметим, что эти формы имеют в славянских языках ряд расхождений; значительные колебания наблюдаются и по диалектам. Мейе показывает, насколько различаются эти формы в индоевропейских языках; ср. греч. *σλήζω*, лат. *liēn*, санскр. *plīhān-*, авест. *spərəzan-* и т. д. Расхождение оказывается особенно сильным в пределах балто-славянской группы; ср. слав. *sblezena и литов. *blūžnis*, др.-прус. *blusne*; оно настолько сильно, что Траутман² даже склоняется к мысли о двух никак не соотносенных между собою словах. Тем не менее Мейе замечает, что эти столь несхожие формы все же сохраняют родственные отношения, подобно, например, названиям языка (ср. слав. *jęзыкъ, лат. *lingua* и т. д.). Надо попытаться привести их, хотя бы приблизительно, к некоторому исходному единству и выяснить причины расхождений.

Однако здесь имеется одно соображение общего характера. Селезенка — это маленький внутренний орган, который далеко не столь важен, как сердце и печень. И следует удивляться отнюдь не тому, что его название сохраняется в весьма различных формах; удивительно то, что оно вообще дошло до нас от индоевропейского периода. Когда печень, благородный орган, по которому гадали предсказатели, низводится до ранга потрохов, относящихся к области бойни и кухни, она превращается в вульг. лат. *fīcātum*, греч. *σμητόν*, русск. *печень*, болг. *дроб*, сербско-хорв. *шгерица*. Селезенка же, навряд ли съедобная, выиграла от того обсто-

¹ A. Meillet, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, pt. I, Paris, 1902, стр. 169—172.

² R. Trautmann, *Baltisch-slavisches Wörterbuch*, Göttingen, 1923, стр. 256.

яательства, что хорошенько не было известно, для чего она может служить; это позволило отнести за ее счет скрытые особенности жизни организма. Из-за нее при беге задыхаются животные; чтобы этого избежать, ее удаляют у собак. Именно с ней, и при этом она смешивается с желчным пузырем, связывается угнетенное состояние духа.

Следует, однако, найти и причины расхождений, среди которых имеется одна наиболее существенная: сохраняемое слово трудно было сохранить без изменений. В индоевропейском оно представляло собою тему мужского рода на *-en-* сложной структуры, и иранские языки (ср. авест. *spərəzan-*) дают наилучшее представление о его первоначальной форме — **sp̥l̥h^hen-*, **sp̥l̥g^hn-*. Судя по санскритскому *plihān-* с его долгим *ī*, оно имело еще более сложный вид — что-нибудь вроде **sp̥l̥hg^hen-*, если иметь в виду хеттское *h*. Подобное слово должно было упроститься в индоевропейских языках. Можно ограничиться сравнением иранской и балто-славянской групп, поскольку результаты балтийских и славянских изменений весьма различны и выходят за пределы обычных изменений.

Соответствием авест. *spərəzan-* было в балто-славянском **sp̥l̥žen-*, чередующееся с **sp̥l̥žn-*. Мне с полным основанием мог сказать, что такая группа, как **sp̥l̥ž-*, должна была сохраниться в славянском без перехода в **sl̥ž-*. Однако он, исходя из ст.-слав. *slъž-*, предполагал здесь группу **spelž-* и не думал о более сложной группе **sp̥l̥žn-*. Но ведь упростилась и чередовалась в двух различных видах именно эта группа.

В балтийских языках представлено литов. *blužnis* из **bulžn-*, **bl̥žn-*, как в *bruzdūs* «подвижный» наряду с *burzdūs*, слав. **brъzъ* «быстрый». Славянская форма **sylezena* указывает на упрощение **sp̥l̥-* в **sl̥-*, откуда **syl-*. Однако для объяснения **sylez-* следует предположить другую ступень чередования гласного — **sp̥lež-* при контаминации с *sylž-*. Следует ли здесь восстанавливать флексию, которая, если считать сокращенной ступенью **sp̥l̥žn-*, должна была быть представлена полной ступенью **sp̥ležn-* вместо или наряду с **sp̥l̥žen-*? Проще видеть в **sp̥lež-* тему производного слова типа **zeimā* «зима», слав. *zima*, наряду с лат. *hiems*, авест. *zyā* (род. пад. *zimō*), которая заменила основное слово, сохранив, однако, в своем составе его начало.

В балтийских языках литов. *blužnis* представляет собою старую тему муж. рода на *-en-*, перешедшую в жен. род. на *-nis* и *-nė* в древнепрусском. Конечная часть славянского **sylezena* с его вариантами др.-чеш. *slezeno*, **sylezenь*, которые, впрочем, малодоказательны, является копейной частью производного слова. Возможно, здесь следует усматривать субстантивированное прилагательное на *-enь* типа *зелень* и аналогичное сму, если селезенка смешивалась с желчным пузырем. В русском языке трудно отделить название селезенки от названия самца утки *селезень*, которое имеется и в сербскохорватских диалектах, где оно означает самца дикой утки: *slezen*, *slezenjak*, жен. род. *slezenka*, *slezinka*³. В окраске головы дикой утки имеется яркий зеленый цвет, который скорее может напоминать цвет желчного пузыря, чем цвет синева-красной селезенки.

Не все ясно в отношении истории слав. **sylezena*. Однако сравнение с авестийским дает возможность сблизить ее с балт. лит. *blužnis* и показать, что это одно и то же слово. Очевидно, его вариации имеют скорее морфологическую, нежели социальную причину, и наряду со словами «благородными» и «народными» имеются слова легкопроизносимые и труднопроизносимые. Если ст.-слав. *жръньви* «ручная мельница», русск. *жёрнов*, стало почти неузнаваемым в сербско-хорв. *ždŕmŕji*, причина этого кроется в недопустимости группы *žrv-*.

Перевела с французского
О. А. Лаптева

³ См. «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», dio XV, Zagreb, 1956, стр. 495—497, а также M. Hirtz, Rječnik narodnih zoologičkih naziva, knj. II, Zagreb, 1938—1947, стр. 442—443.

А. И. МОЛОТКОВ

ЕСТЬ ЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАТЕГОРИЯ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ?

Вопрос о том, есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных, напрашивается сам собой, поскольку русская грамматика не называет такой категории, а современные толковые словари русского языка, начиная со словаря под ред. проф. Д. Н. Ушакова, дают при некоторых словах, хотя и очень непоследовательно, помету «неизм. прил.». Это слова типа *ампир, апаш, апплике, беж, бемоль, бордо, брутто, буфф, валансьен, волан, галифе, гала, гротеск, гольф, демисезон, декольте, дезабилье, дизел, ин-кварти, ин-октаво, ин-фолио, клеш, комильфо, коми, люкс, майонез, максимум, минимум, маренго, массака, мокко, мажор, минор, модерн, моль, микст, неглиже, нетто, пикколо, плаке, пике, плиссе, пик, перманент, реглан, рондо, сомон, соте, трико, томат, фантази* и нек. др.

Впервые на так называемые «несклоняемые прилагательные» в русском языке обратил внимание акад. А. А. Шахматов, который, выделяя эту группу слов в современном литературном языке, указывал на приметы подобных слов также в древнерусском и церковнославянском языках. В числе таких слов Шахматов различал случаи типа *особь статья* и случаи употребления заимствованных слов для обозначения цветов типа *платье бордо*¹.

Пестрота грамматических помет при словах рассматриваемого типа, («неизм. прил.», «в знач. неизм. прил.», просто «неизм.» или «нескл.» и т. п.) сочтается в современных словарях с непоследовательностью их категориальной характеристики. В одних случаях совсем обходится вопрос об отнесении некоторых из этих слов к той или иной части речи, в других — они относятся к разным частям речи. Так, например, слово *брутто* словарем Ушакова отнесено в разряд слов с пометой — «в знач. неизм. прил.», «Словарем современного русского литературного языка» — к «нескл.», «в знач. прил. и нареч.», а четырехтомным «Словарем русского языка» — к «неизм. прил.» и «нареч.». Словарь С. И. Ожегова при слове *беж* дает помету «неизм. прил.» и оставляет без всякой пометы слово *аллегри*, а слова *рондо, волан, галифе, гротеск, декольте, клеш, минимум*, имеющие помету «неизм. прил.» в других словарях, здесь рассматриваются как существительные. Примеров аналогичного разнобоя в лексико-грамматической характеристике таких слов очень много.

Отнесение перечисленных слов к категории «неизменяемых прилагательных» обычно основывается на том, что они, выступая в словосочетаниях с существительными в синтаксической функции постпозитивного определения, не имеют форм изменения, присущих русским прилагательным; лексически некоторые из них близки к прилагательным, обознача-

¹ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 490—491 и 295—296. См. также: В. В. Виноградов, Русский язык, М. — Л., 1947, стр. 259; Е. И. Мельников, Неизменяемые прилагательные в русском языке, «Slavia», г. XXIII, seš. 4, 1954. Автору последней работы приходится поставить в упрек то, что он полностью полагается на весьма непоследовательную грамматическую характеристику слов этой категории, даваемую словарями.

ющим названиям цветов (*беж, бордо, хаки* и т. п.). В отличие от обычных прилагательных они не имеют свойственных им грамматических категорий. Некоторым из этих слов, которые по значению соотносимы с качественными прилагательными, чуждо образование степеней сравнения, а также разграничение кратких и полных форм.

Являются ли названные признаки достаточными для выделения самостоятельной грамматической категории слов?

Отсутствие форм словоизменения у рассматриваемых слов само по себе не может быть признаком, определяющим в русской грамматике часть речи; неизменяемыми в русском языке являются слова, относящиеся к разным частям речи, например — к несклоняемым существительным (*барокко, кенгуру, индиго, колибри, драже, харакири* и др.). Не может также быть категориальным признаком синтаксическая функция постпозитивного определения, поскольку в русском языке в этой функции может выступать и существительное, в том числе и несклоняемое; ср. *цвета какао*. Эти две особенности в большой мере объединяют перечисленные слова с категорией несклоняемых имен существительных. К тому же ни несклоняемое существительное, ни неизменяемое «прилагательное» никогда не бывают в предложении препозитивными определениями к определяемому слову. В самом деле, вряд ли грамматически словосочетание *цвет бордо* чем-нибудь отличается от словосочетания *цвет индиго*, а *птичка колибри* от *группа дюшес* или *борсда буланже*.

Неубедительны также ссылки на то, что явление неизменяемости прилагательных в русском языке исторически обусловлено и характерно для древнерусского и старославянского. Речь при этом идет о немногочисленных словах типа *испльнь, свободь, различь, соугоубь, судобь*², *прѣпрость*, которые, выпадая из системы кратких и полных форм прилагательных, видимо, были связаны в своем возникновении с процессом адвербиализации прилагательных и занимали по своему значению и употреблению промежуточное положение между прилагательными и наречиями³. Слова, относимые в современном языке к «неизменяемым прилагательным», ни по своему составу, ни по характеру употребления не имеют ничего общего с этими единичными формами старых несогласованных прилагательных (или наречий). Ни о какой исторической преемственности или традиции в развитии такой категории для русского языка говорить нельзя.

Время появления «неизменяемых прилагательных» в русском языке почти датировано: вполне достоверно здесь можно говорить о XIX и XX вв. Слова эти по происхождению являются заимствованиями из других языков, по преимуществу из французского и итальянского. Иноязычный облик этих слов, хотя они воспринимаются и употребляются в соответствии с нормами и законами русского языка, сохраняется.

Таким образом, «неизменяемые прилагательные» не соотносятся с категорией прилагательных в русском языке. Сами по себе они не обозначают признака предмета, его качества, свойства, отношения к другому предмету и т. п.; их формально-грамматические признаки — неизменяемость и синтаксическая функция постпозитивного определения — не являются особенностями прилагательных. По своей лексико-грамматической характеристике они ближе всего соприкасаются с теми именами существительными, которые не имеют форм склонения и которые могут употребляться в предложении в синтаксической функции постпозитивного определения.

² Ср.: А. В а й я н, Руководство по старославянскому языку, М., 1952, стр. 156—157 (см. также стр. 239); Н. В а н - В е й к, История старославянского языка, М., 1957, стр. 279.

³ См. А. L e s k i e n, Grammatik der althbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache, 2-е und 3-е Aufl., Heidelberg, 1919, стр. 126; Ch r. S. S t a n g, Slavische indeklinable Adjektiva auf -ъ, «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», bd. XI, Oslo, 1939; ср. также: Ф. Б у с л а е в,¹ Историческая грамматика русского языка. Синтаксис, 3-е изд., М., 1869, стр. 214—216.

При ближайшем рассмотрении слов с пометой «неизм. прил.» и т. п. выясняется, что они, несмотря на кажущуюся однотипность, неоднородны и сравнительно легко группируются, с одной стороны, по лексико-семантическому признаку, с другой — по степени сближения или отождествления с несклоняемыми существительными.

Первую группу слов составляют слова, которые могут употребляться в современном русском языке и как склоняемые, и как несклоняемые существительные или только как несклоняемые существительные.

1. Следующие слова известны как склоняемые существительные (муж. рода): *ажур, ампир, апаш, бемоль, волан, гольф, дизель, кабул, клеши, люкс, мажор, майонез, минор, модерн, перманент, реглан*. В положении постпозитивного определения к другому существительному эти слова не имеют форм словоизменения, ср.: *чулки ажур, стиль гротеск, стиль модерн, в стиле ампир, рубашка апаш, ре бемоль, до дизель, рукава волан, брюки гольф, пальто демисезон, соус кабул, соус майонез, юбка клеши, каюта люкс, гамма соль мажор, соната фа минор, завивка перманент, пальто реглан*. Эти слова стоят как бы на грани перехода от несклоняемых существительных к склоняемым; ср. равную возможность словосочетаний типа *в стиле ампир* и *в стиле (русского) ампира*.

Несклоняемые существительные сохраняют еще живую связь с источником заимствования. Существование их поддерживается, с одной стороны, распространенным узкопрофессиональным употреблением слов, представляющих условные номенклатурные сокращения и связанных с «жанром» прейскуранта (ср., например, *пальто демисезон* при обычном в литературной речи *демисезонное пальто*). Эти слова (типа *пальто демисезон, пальто деми* и т. п.), будучи явлением своеобразного профессионального жаргона, не имеют отчетливого лексико-грамматического оформления. С другой стороны, существование их поддерживается обычным в литературном языке употреблением приложения, выраженного собственным именем (типа *пиво «Вена», завод «Светлана», часы «Победа», чернила «Красный художник», лыжные крепления «Ротте Фелло»* и т. п.).

Неизменяемые слова иностранного происхождения, обозначающие названия марок, сортов, штампов материала или продукта, этикеток на упаковке, посуде и т. п., на фоне этой модели также воспринимаются и употребляются как неизменяемые приложения. Так, слово *реглан*⁴ как определение к другому слову употребляется в современном литературном языке как существительное; ср.: «...лежал на топчане, укрывшись с головой желтоватым пальто фасона „реглан“» (Беляев, Старая крепость). Его производное *полуреглан* в функции постпозитивного определения также является существительным (*в этом году такие пальто шьют с рукавом полуреглан*). Отметим, что у некоторых существительных этой группы возможны производные прилагательные (например, *ажур — ажурный, демисезон — демисезонный, мажор — мажорный, минор — минорный*), сам факт наличия которых в языке исключает необходимость в какой-то иной, необычайной для русского языка категории «несклоняемых» прилагательных.

2. В известной степени несклоняемость рассматриваемых слов в функции определения поддерживается наличием в современном русском языке некоторого количества существительных иноязычного происхождения, которые известны только в несклоняемой форме (*аллегри, антука, брутто, валансен, галифе, дезабилье, декольте, мокко, неглиже, нетто, нике, плиссе, рондо, соте, трико*). Части из них соответствуют однокоренные прилагательные, образованные по русским словообразовательным моделям (*плиссированная юбка, декольтированное платье* и под.). Слова этой

⁴ Укрепившаяся в наших словарях этимология этого слова — от французского *réglant* (причастная форма от глагола *régler*) — ошибочна. Слово *реглан* происходит от собственного имени *Raglan* (см. «Larousse classique illustré», Paris, 1953, стр. 628).

группы в функции постпозитивного определения также следует рассматривать как существительные. Так, слова *брутто* и *нетто*, восходящие к итальянским прилагательным *brutto*, *netto*, в современном русском языке обозначают названия самого веса, а не качественную характеристику его. Ср.: «Зная калорийность этих усвояемых веществ, мы определим и ценность его [пищевого продукта] в этом отношении, т. е. узнаем, как говорят, калорийность нетто» (Родионов, Технология мяса); «Показателем использования мощности паровоза являются результаты его работы, выраженные в тонно-километрах брутто» (Блаженков, На стальных магистралях); «Полезная грузоподъемность судна нетто 70—85 регистровых тонн...» (Жилинский, Промысел морского зверя в Белом море и Ледовитом океане). Слова *брутто* и *нетто* соотносятся по значению не только между собою, но и со словом *тара*. Общеизвестная маркировка: *брутто*, *нетто*, *тара* означает: *вес с тарой*, *вес без тары* и *вес тары*. Отсюда возможны и совершенно обычны в русском языке выражения: *какое нетто, какое брутто?*, *цена брутто, цена нетто, цена тары* и подобные, в которых грамматическая принадлежность этих слов к разряду существительных очевидна. Что касается выражений *вес брутто* и *вес нетто*, то в них заключена известная смысловая тавтология. Они осознаются в русском языке как «вес груза с тарой» и «вес груза без тары»⁵. К числу слов этой же группы относятся в русском языке неизменяемые слова, служащие для обозначения языка или названия народа, говорящего на этом языке: *коми, банту, урду, хинди* т. п.

Вторую группу слов составляют слова, которые вне сочетания с определенным словом не употребляются. Они известны в русском языке только как постпозитивные определения к другому слову, причем одни из них сохраняют значение самостоятельного слова (*часы апалике, посуда плаке, рубашка фантази* и подобные), другие же стоят на грани перехода в зависимую постпозитивную часть (или частицу) определяемого слова (*соната а моль, театр-буфф, флейта пикколо* и под.). Ограниченность употребления их только специальными сочетаниями не усиливает определенности лексико-грамматической характеристики их. *Рубашка фантази* вряд ли чем-либо в этом смысле отличается от *рубашки апалиш*. Характерный пример устойчивости таких сочетаний — выражение *часы лик*. В таких сочетаниях проявляется тенденция к устойчивости, лексической слитности и нерасчлененности подобных сочетаний, в результате которой второе слово может стать постпозитивной частицей.

В третью группу объединяются слова типа *бордо, беж, хаки, электрик, терракот, маренго, сомон, массака*, обозначающие различные смешанные цвета с оттенками, для названия которых соответствующих русских прилагательных не существует. И в разговорной практике, и в литературе стало обычным их предпочтение русским прилагательным типа *темно-красный, светло-коричневый, коричневатозеленый, голубовато-синий, красновато-коричневый* и т. д., которые, как правило, не эквивалентны им по значению, в том числе по категориальному⁶. При обычной в лексикографической практике оценке этих слов как неизменяемых прилагательных не учитывается должным образом история слова

⁵ Впервые на правильную лексико-грамматическую характеристику слова *брутто* указано в словаре под ред. Я. К. Грота, где мы читаем: «брутто, *нескл.*, ср. (ит., собств. *дикий, сырой*). Торг. 1. Вес товара с укупоркой, 2. Валовой доход без вычета издержек» (т. I, СПб., 1891, стр. 276). Ошибку толковых словарей русского языка, казавшихся за последние десятилетия, в которых слова *нетто* и *брутто* отнесены к неизменяемым «прилагательным», исправляет «Орфографический словарь русского языка» 1958 г., в котором слова *брутто* (стр. 81) и *нетто* (стр. 551) имеют помету «нескл., с.» — несклоняемое существительное ср. рода.

⁶ «Эти слова нельзя уподоблять словам с омонимией всех форм (вроде *метр.* . .); они употребляются в специфических синтаксических построениях, почему формы, известные у обычных прилагательных или существительных, не имеют к ним отноше-

и соотношение его с другими словами в грамматическом строе русского языка.

При сравнении русских слов *бордо*, *беж*, *хаки*, *электрик*, *терракот*, *сомон*, *фрез* и подобных с соответствующими словами того языка, из которого они заимствованы, выясняется, что семантического соотношения здесь не существует: в иностранном слове, как правило, отсутствует значение названия цвета. Такие слова, как *bordeaux*, *fraise*, *électrique*, во французском языке не означают специально цвета, из них первые два являются существительными. Итал. *terracotta* также является существительным. Даже для прилагательного *beige*, от которого могла бы быть заимствована грамматическая характеристика русского слова *беж*, мы не находим ни в истории французского языка, ни в современном литературном употреблении специального значения названия цвета. С XIII в. слово *beige* известно в словосочетании *laine beige* со значением «натуральная шерсть, шерсть, которая имеет свой естественный цвет»⁷. «Lagousse» указывает еще значение «цвета этой материи» (стр. 74)⁸.

Если обратиться к истории слов *беж*, *бордо*, *хаки*, *терракот* и подобным в их соотношении с другими словами русского языка, обозначающими различные названия цвета или оттенка цвета, то выясняется, что при наличии огромного количества слов-прилагательных для обозначения названий цвета в русском языке заимствованные одиночные слова, подобные названным, не обнаруживали тенденции к образованию особой лексико-грамматической категории неизменяемых прилагательных.

Даже в самую интенсивную эпоху расширения и пополнения класса русских прилагательных, обозначающих цветовые качества (XVIII—XIX вв.)⁹, образование таких прилагательных от иностранных корней шло, как и обычно, по русским словообразовательным типам. Заимствованные слова получали при этом грамматические особенности русских прилагательных: изменение по падежам, числам, родам, предпозиция к определяемому существительному и др. Подобно прилагательным *палевый*, *оранжевый*, *розовый*, *лиловый*, *фиолетовый*, *кремовый*, *пунцовый* и другим, образованным от французских корней, от слов *бордо*, *беж*, *фрез*, *терракот* возникли широко употребляемые сейчас русские прилагательные *бордовый*, *бежевый*, *фрезовой*, *терракотовый*. Те же слова, которые сохранились в неизменном виде (*беж*, *бордо*, *хаки* и т. п. в сочетаниях *цвета бордо*, *туфли беж* и т. п.), получили некоторые лексико-грамматические особенности в зависимости от того, в какой тип сочетания они входят. Если в словосочетании *туфли беж* слово *беж* означает название определенного цвета и является грамматическим атрибутом к слову *туфли*, то в словосочетании *цвет беж* такого соотношения между его членами не существует, и слово *беж* не является обозначением качества слова *цвет*.

Дело здесь в том, что в русском языке обозначение цветовых названий может выражаться не только прилагательными. До сих пор в русском языке очень распространен способ выражения цветовых названий путем сочетаний слова *цвет* с названием предмета, по сходству с цветом которого выражается название того или иного цвета. Выражение цветовых названий такими словосочетаниями обычно используется тогда, когда нельзя или трудно найти для обозначения цвета соответствующее прила-

ния; ср. на московском метро — совершенно так же, как на московском поезде (откуда ясно, что метро здесь — предложный падеж единственного числа); но костюм (цвета) маренго — в отличие от костюм черного цвета или черный костюм» (А. И. Смирницкий, Лексическое и грамматическое в слове, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 34, примеч. 1).

⁷ См., например, E. Littré, Dictionnaire de la langue française, Paris, 1873, t. I, стр. 325.

⁸ Ср. также: O. Bloch et W. von Wartbourg, Dictionnaire étymologique de la langue française, Paris, 1932, t. I, стр. 76.

⁹ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 184.

гательное. Чаще всего это касается сложных, смешанных названий цветов, которые не укладываются в известные русские названия. Правда, возникающая при этом лексико-грамматическая синонимика двух способов выражения названий цветов в русском языке (*цвет молока* и *молочный цвет*, *цвет неба* и *небесный цвет*, *цвет бордо* и *бордовый цвет* и т. д.) отмечается не для всех названий оттенков цвета. Непременным условием ее является наличие относительного прилагательного и соотносительного с ним по значению существительного, по сходству с цветом которого выражается название цвета. На этой основе строится каламбур у Достоевского: «Так этот галстук аделаидина цвета? — спросил я, строго посмотрев на молодого лакея. — Аделаидина-с, — отвечал он с невозмутимой деликатностью. — А аграфенина цвета нет?» (Достоевский, Село Степанчиково и его обитатели).

Слова типа *бордо*, *беж*, *терракот* и др., попадая в русский язык, легко вступали в сочетание со словом *цвет* (как в родительном, так и в именительном падежах). При этом возникала известная семантическая общность формы этих словосочетаний и словосочетаний типа *рукав реглан*, *соус кабул*, *бородка буланже* и под.

Употребительность словосочетаний типа *туфли беж* неодинакова. Сочетания со словами *бордо*, *беж*, *хаки*, *терракот*, *электрик* более часты, сочетания со словом *фрез* — очень редки. Однако даже в широко употребительных словосочетаниях с цветом *беж*, например *туфли беж*, значенные слова *беж* ближе не к «бежевый», а к «бежевого цвета» или «цвета беж». Слова этой группы для современного русского языка уже не связаны с представлением о каком-либо предмете — в них закрепилось специальное значение названия цвета.

Из сказанного можно сделать вывод, что так называемые «неизменяемые прилагательные» в русском языке правильнее рассматривать не в плане формирования новой грамматической категории языка, а в плане лексических заимствований, как один из способов усвоения русским языком иноязычных слов¹⁰.

¹⁰ Этот вывод распространяется, по-видимому, и на лексико-грамматическую характеристику подобных слов в других славянских языках, в частности в польском и чешском, в которых отмечаются почти те же самые по составу «неизменяемые прилагательные» иноязычного происхождения, что и в русском [в чешском: *běž*, *bordó*, *fajn*, *gala*, *kaput*, *khaki*, *netto* и др.; в польском: *azur*, *borodo*, *buffo*, *beige*, *fraise*, *indygo* и др.]. Исследователи категорий прилагательных этих языков отмечают, что перечисленные слова выпадают из системы форм и категорий собственно прилагательных, хотя в отдельных случаях и обнаруживают тенденцию к переходу в изменяемые прилагательные, получая оформление по их словообразовательным моделям (в чешском: *běžový*, *krémový*, *fajnový* и пр.; в польском: *beżowy* и пр.) [см. A. Siczkowski, *Struktura słowotwórcza przymiotników czeskich i polskich*, Wrocław, 1957, стр. 21—22 (примеч.)].

Б. М. ЗАДОРЖНЫЙ

**ПЕРВИЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНСТРУКЦИИ
«ПРИЧАСТИЕ II + ГЛАГОЛ ИМЕТЬ» В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ
ЯЗЫКАХ**

Несмотря на работы ряда выдающихся ученых (О. Бехагеля, Г. Пауля и др.), многие вопросы, касающиеся происхождения конструкции «причастие II + глагол *иметь*», ее первоначального грамматического значения и путей развития, остаются до сих пор неясными и спорными.

Нам представляется, что изучение генезиса и истории данной конструкции пошло неверным путем по той причине, что исследователи не сочли нужным глубже присмотреться к семантике германского служебного глагола *haben* и не приняли во внимание, что значение «обладать» противоречит многим конкретным примерам из древнегерманских языковых памятников. Между тем, если *ich habe gefunden* и допускает интерпретацию «*ich habe etwas als 'Gefundenes*», то аналогичная интерпретация *ich habe verloren* сводит эту теорию на нет. Априорные утверждения, что образования типа *ich habe verloren, er hat ihn erschlagen* возникли путем аналогии с такими конструкциями, как *ich habe gefunden, ich habe bekommen*, не выдерживают критики. Сочетания типа *ich habe es verloren* встречаются в древнегерманских текстах, за исключением древненемецких, начиная с самых ранних эпох, и — что гораздо важнее — памятники, в которых встречаются такие сочетания, относятся к той эпохе, когда они представляли собой более или менее свободные предикативные конструкции и не являлись грамматическими (морфологизированными) глагольными формами. Как же могла действовать грамматическая аналогия там, где не было грамматической формы, т. е. в условиях сохранения лексического значения глагола *haben*? Более того, глагол *haben* (подобно глаголу *werden*) вступает в синтаксические сочетания не только с переходными, но и со многими непереходными причастиями. Совершенно ясно, что здесь также значение «обладать» никак не подходит.

Что же касается аналогии как возможного фактора, который мог стимулировать возникновение конструкций с непереходным причастием, то здесь еще более значительная трудность, чем в случае переходных глаголов. Во-первых, лексическое значение глагола *haben* «обладать» должно было бы сделать невозможными конструкции типа *ich habe geschlafen* просто потому, что их значение было бы абсурдным. Во-вторых, *haben* в значении «обладать» как переходный глагол требует после себя объекта, который опять-таки невозможен в конструкции *ich habe geschlafen*. Наконец, необходимо учесть теорию Бехагеля — Пауля, согласно которой с глаголом *haben* могли сочетаться только так называемые «имперфективные» причастия, которые, как известно, не употреблялись атрибутивно. Если учесть, что атрибутивная функция (в широком понимании) была первичной для причастия II, мы должны будем прийти вместе с Бехагелем к единственно возможному выводу: в древнегерманском вообще не могли первоначально существовать «имперфективные» непереходные причастия II.

Таким образом, первым звеном в цепи действий аналогии было бы образование самого причастия II от непереходных «имперфективных» гла-

голов. Следующим звеном было бы употребление этих новых причастий в конструкциях с *haben* при условии потери данным глаголом его первичного лексического значения «обладать». Правда, Бехагель объединяет оба звена в одном акте и вместе с тем не без основания относит, очевидно, само возникновение «Perfektumschreibung» к ранним, хотя и не определенным точнее эпохам истории языка (что, в свою очередь, противоречит взглядам Пауля, Брикмана, Шрёдера и других относительно позднего возникновения данной конструкции, в частности в немецком языке)¹. Вместе с тем взгляд на раннее возникновение конструкции *haben* + причастие II, в том числе и от непереходных, да и еще «имперфективных» глаголов, полностью исключает для глагола *haben* значение «обладать». Как бы то ни было, представляется совершенно неправдоподобным, что именно аналогия была единственным фактором при возникновении и закреплении конструкции типа *ich habe geschlafen*, как это утверждает Г. Пауль.

Прежде чем приступить к решению проблемы генезиса конструкций с *haben*, необходимо поставить вопрос о первоначальном значении этого глагола. Как указывает Г. Пауль, глагол *haben* означал первоначально «держатъ» (конкретно), а в сочетании с причастием II выражал совершенное действие. Разберемся теперь в этих вопросах более детально.

Глагол «иметь» (гот. *haban*, др.-в.-нем. *habēn*, др.-сакс. *hebbēan*, др.-англ. *habban*, др.-исл. *hafa*) является общегерманским словом, которое было первоначально дуративной формой глагола *heben* (гот. *haffjan*, др.-в.-нем. *heffen*, др.-сакс. *hebbian*, др.-англ. *hebban*, др.-исл. *hefja*). Последний глагол первоначально имел, очевидно, значение «хватать». Это подтверждается, например, сопоставлением его с латинским соответствием *capio*, а также сравнением гот. *hafts* «прикрепленный» (ср. также др.-исл. *haptr*, др.-англ. *hæfti*, др.-сакс., др.-в.-нем. *haft* «пленный») с лат. *captus*². Значение «держатъ» как *durativum* к «хватать» действительно должно было быть первоначальным для данного глагола, как это и констатирует Пауль, причем в семантике этого глагола совмещались формально неотдифференцированные разные видовые оттенки: инхоативность, терминативность и т. п., что вообще характерно для древнегерманского глагола. В данном значении *haban* засвидетельствован в следующих готских оборотах: *fairhvū habands* — греч. *χορηγόταρ* (Е., VI, 12)³; *ei skip habaiþ*

¹ Это противоречие можно устранить следующим способом: сама конструкция «haben + причастие II» возникает очень рано, возможно, еще в эпоху западногерманской языковой общности. Впоследствии данная конструкция продолжает употребляться в нидерландских языках; в древнегерманских диалектах ее значение убывает, однако и здесь она не исчезает полностью. В дальнейшем латинское (романское, англо-саксонское) влияние стимулирует вторичное возрождение и дальнейшее развитие конструкции в немецком языке.

² Ср. F. Kluge, *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, 17-e Aufl. unter Mithilfe von A. Schirmer, bearb. von W. Mitzka, Berlin, 1957. Издатели последнего издания этого словаря совершенно справедливо отказываются от неверной позиции Клуге, пытавшегося сопоставить германскую основу *habai* с латинским глаголом *habere*.

³ В статье нами приняты следующие сокращения. 1. Памятники готского языка: Matth. — евангелие от Матфея, Mc. — от Марка, Luc. — от Луки; R — послание к римлянам, Tim. — послание к Тимофею (1-е и 2-е), Ph — послание к филиппиянам, E — послание к ефессянам (готские примеры приводятся по изданию: «Die gotische Bibel», hrsg. von W. Streitberg, Heidelberg, 1908). 2. Памятники древневерхнегерманского языка: Tat. — Tatian, см. «Der althochdeutsche Tatian», hrsg. von E. Sievers, Paderborn, 1892; Murb. Hymn. — Murbacher Hymnen, в кн.: W. Braune, *Althochdeutsches Lesebuch*, Halle (Saale), 1949, стр. 26—30; O. — Otfrid, см. «Otfrids Evangelienbuch», hrsg. von P. Piper, Paderborn — Freiburg, 1884; Boeth — Boethius, *De consolatione philosophiae*, в кн.: «Die Schriften Notkers», hrsg. von P. Piper, Freiburg, 1883; Muspilli, в кн.: W. Braune, *Althochdeutsches Lesebuch*, стр. 74—76. 3. Памятники древнесаксонского языка: Hel. — Heliand, Gen — Genesis, в кн.: O. Behagel, *Heliand und Genesis*, Halle, 1903. 4. Памятники

wesi (пассивная конструкция, которая исключает медальное по природе значение «иметь»), греч. *ἔνα πλοῖάριον προσκαρτερῆ* (Mc., III, 9); с ингрессивным значением: *gafahana haban* — греч. *ζωγγεῖν* (2 Tim., II, 26); *ei Xristau du gawaurkja habau* — греч. *ἔνα Χριστὸν κερδῆσω* (Ph., III, 8) (ср. у Лютера: *auf dass ich Christum gewinne*). Четко выраженное дуративное значение имеет глагол *haban* в следующих примерах: *frauja, sai, sa skatts feins panei habaida galagidana in janin* (Luc., XIX, 20)⁴; *gatandida habandane swesa miBwissein* — греч. *κακουστησιαμένων τὴν ἰδίαν συνείδησιν* (1 Tim., IV, 2)⁵; *was habands faihu manag* — греч. *ἦν γὰρ ἔλων κτήματα πολλά* (Mc., X, 22); *af witoda... in frammei gahabaidai wesum* — греч. *ἐν ᾧ κατειχόμεθα* (R., VII, 6)⁶.

Значение «держат» засвидетельствовано также в памятниках других германских языков, например в англо-саксонских: *habbaþ éowre linda* (Finnsb., 11) «держите свои щиты»; *eord-grap hafad waldend wyrhtian forweorene geleorene* (Ruin., 6) «the grasp of the earth holds mighty builders, who have been perished and gone»⁷; *he hafad in hondum heofon and eorðan* (Gu., 619) «он держит в руках небо и землю»; *hæfde hine be honda* (B., 814) «hielt ihn fest»⁸; рядом с *haldan*: *héold mec and hæfde Hreðel cyning* (B., 2340) «держал меня»; *hafa nu ond geheald hūsa sēlest* (B., 659) «держи (и охраняй) лучший из дворцов»; *hafa þe wunden gold* (Gen., 2128) «behalt es»⁹. Кроме того, ср. сложные слова с *hæbbende*: *bord-hæbbende* (B., 2895); *lind-hæbbende* (B., 245, 1402); *darod-hæbbende* (Ju., 68); *rand-hæbbende* (B., 861); *searo-hæbbende* (An., 1470, 1530; B., 237).

В древнеанглийских памятниках засвидетельствованы также пассивные конструкции с причастием II от *habban*, например (в абстрактном значении):... *ofer ðá éa Jordanen, ðær þær wæron gehæfde hâte badu* (Aelfr. Hom., 2,77) «... по реке Иордан, где имелись теплицы».

Из древнесаксонского языка можно привести следующие примеры: *habdun ina far iro heron ia far hebencuning* (Hel., 3905) «считали его своим господином и небесным царем»; ингрессивное значение засвидетельствовано в: *habdun mid iro geloþon te imo fasto gefangen, habdun im ferhten hugi, uurdun is thegnos te thiū* (Hel., 1237—1239) «прильнули к нему своей верой, стали благочестивыми (буквально: «получили благочестивый образ мыслей»), стали его воинами».

Наконец, древнемецкие примеры: *uuir dar pihabet uuarum pantirun*,

древнеанглийского языка: В — Beowulf, hrsg. von M. Heyne, Paderborn — Münster, 1888; Finnsb. — Der Ueberfall in Finnsburg, там же; Gu. — Gublac, hrsg. von Grein und Wülker, Leipzig, 1897; Gen. — Genesis, в кн.: F. Holthausen, Die ältere Genesis, Heidelberg, 1914 и Fr. Klaeber, The later Genesis, Heidelberg, 1913; Bed — Bede, Historia ecclesiastica, в кн.: T. Miller, The old English version of Bede's Ecclesiastical history of the English people [The Early English Texts Society (EETS), №№ 95, 96, 110, 111], [London], 1890—1891; CP. — Cura pastoralis, в кн.: H. Sweet, King Alfred's version of Gregory's Pastoral Care (EETS, №№ 45, 50), 1871—1872; Or. — Orosius, в кн.: H. Sweet, King Alfred's Orosius (EETS, № 79), 1883; Ju. — Juliana, в кн.: W. Strunk, Juliana, Boston, 1904; An. — Andreas, в кн.: G. P. Krapp, Andreas and the fates of the apostles, Boston, 1906; Ags. Chron. — «The Anglo-Saxon chronicles, ed. by B. Thorpe, London, 1861; B. of M. — «The battle of Maldon», ed. by W. J. Sedgefield, Boston, 1904; Aelfr. Hom. — «The homilies of Aelfric», ed. by B. Thorpe, London, 1844—1846; Ruin — см. «Bibl. der angelsächsischen Poesie», Cassel, 1881—1883; Wulf. — Wulfstan, Sermo Lupi ad Anglos, в кн.: H. Sweet, An Anglo-Saxon reader, Oxford, 1922.

⁴ К сожалению, доказательная сила данного примера несколько снижается в связи с тем, что здесь *haban* переводит греч. *ἔχειν*: *κόρις, ἰδοὺ ἡ μὲν σοὺ, ἦν εἶπον ἀποκειμένην* (вульгата: *habui repositam*) *ἐν σοῦδαρίῳ*. Характерно, что в сходном месте у Отфрида употреблен глагол *haltan*: *hialt uns dreso þar giborgan* (IV, 35, 42).

⁵ Ср. перевод Лютера: «durch die, so in Gleisnerei Lügenredner sind und Brandmal in ihrem Gewissen haben».

⁶ Лютер переводит: «vom Gesetz... das uns gefangen hielt».

⁷ См. R. K. Gordon, Anglo-Saxon poetry, London, 1937, стр. 92.

⁸ См. C. W. M. Grein, Sprachschatz der angelsächsischen Dichter, Heidelberg, 1912, стр. 287.

⁹ Там же, стр. 288.

lipuntane uuzanzheiti — лат. *qui tenebamur vinculis, ligati conscientia* (Murb. Hymn., XXIV, 6)¹⁰; *er ingang therera werolti firsperrit... habēti* (O., II, 4, 8) «он держал [бы] закрытым вход в мир», *sie habētun nan in hanton herzen zwivalontun* (O., V, 11, 32) «они держали его в руках, но сомневались в сердце». Подобно вышеприведенному готскому примеру (*was habands*), дуративное значение выражено в следующем примере: *...mit sélbomo gēiste, then... Helias was habenti* (O., I, 4, 39—40) «с тем же духом, которым обладал Илия». У Отфрида употреблен один раз глагол *haltan* в конструкции с причастием II вместо *haben*: *hialt uns dreso thar giborgan* (O., IV, 35, 42) «держал там сохраненный для нас клад». Наконец, пример из Ноткера: *ūnde in dār mit kūollīchēn ēron lāngo hābeta* (Boeth., Prol. 18) «и его там (= у себя) долго держал со всяческими почестями».

Из конкретного значения «держать» развиваются впоследствии и выступают наряду с первоначальным два новых: 1) значение «иметь, обладать» (с различными оттенками), которое возникает из ингрессивного и дуративного значения «держать» («схватить» > «начать держать» > «продолжать держать» > «иметь») и 2) более абстрактное значение «находиться в состоянии после выполнения какого-то действия». Здесь *haben* имеет в большинстве случаев терминативное, иногда и ингрессивное значение. Такое значение сохраняет глагол *hafa* в древнеисландском языке: *hafa giold* «Busse [empfangen] haben»; *hafa erfidi* «Beschwerden hinter sich haben (das heisst in den Knochen fühlen)»; *hafa ørindi* «einen Auftrag erledigt haben»; *hefir snót af mér svarna eīða* «das Weib hat Eide von mir geschworen bekommen»¹¹. Как раз в этом значении глагол *haben* был как бы предрасположен для употребления его в сочетании с причастием II других глаголов. Именно этим обусловлено высказывание Пауля о «результативном» значении глагола *haben*, которое он делает, руководствуясь своим языковым чутьем («Sprachgefühl»), хотя это и противоречит его мнению о том, что *ih habēn iz funtan* обозначало первоначально «ich habe es als Gefundenes».

Для данных сочетаний, как и вообще для германских конструкций, состоящих из причастий и служебных глаголов, характерно то, что они первоначально не выражали акциональности и характеризовали субъект статично. Только вследствие более или менее длительного развития некоторые конструкции такого рода и в первую очередь именно сочетания с *haben* начинают выражать действие как таковое.

*

Данная конструкция очень распространена в ингвеонских и скандинавских памятниках. Приведем примеры из древнеанглийского и древнесаксонского языков: др.-англ. — *þā hie dā þæt geweorc furþum ongunnen hæfdon, and þærtó gewicod hæfdon, þá...* (Ags. Chron., 896) «когда они эту крепость начали (строить) и там начали жить»¹²; др.-сакс.: *Uela, that thū nū Eva habas... uþilo gimarakot uncaro selbaro sīð!* (Gen., 1—2) «Горе! Ты, Ева, плохо определила нашу судьбу»; ср. древнеанглийский перевод: *Hwæt þū Eve hæfst yfele gemearcod uncer sylfra sīð* (Gen., 791—792).

В готских памятниках данная конструкция вовсе не засвидетельствована, за исключением цитированной нами выше калькированной формы *habaida galagidana*; этот факт объясняется, очевидно, тем, что

¹⁰ Здесь, как и в приведенных готском и англо-саксонских примерах (*ei skip habaþ wesi, wæron gehæfde hate badu*), наличие пассивной конструкции исключает значение «обладать».

¹¹ См. G. N e s k e l, Edda, Bd. II: Kommentierendes Glossar, Heidelberg, 1927, стр. 71. Здесь говорится о том, что *hafa* «часто употребляется с перфективным значением».

¹² Обращаем внимание на ингрессивное значение сочетания *gewicod hæfdon*.

данный язык развивал другие средства выражения «перфекта» (причем именно акционального!)¹³.

В древневерхненемецком языке конструкция «причастие II + глагол *иметь*» появляется значительно позже, чем в других западногерманских языках (в IX в.), и в большинстве случаев не производит впечатления развившейся органически формы.

Примеры из Тапиана: *sēla habēs managiu quot gisaztiu in managiu jār* — лат. *anima, habes multa bona posita in annos plurimos* (Tat., 105, 2); *thia habēta gihaltana in sueizduohhe* — лат. *quam habui repositam in sudario* (Tat., 151, 7)¹⁴.

Вопреки латинскому оригиналу, данная конструкция засвидетельствована два раза: *thaz iogiuuelih thie thar gisihit uuib si zi geronne iu habēt sia forlegana in sinemo herzen* — лат. *quoniam omnis qui viderit mulierem ad concupiscendum eam, iam moechatus est eam in corde suo* (Tat., 28, 1); *senu nu andero fimui ubar thaz habēn gistriunit* — лат., *ecce alia quinque superlucratus sum* (Tat., 149, 4). Несмотря на то, что эти случаи представляют собой «скромное начало» («ein bescheidener Ansatz», по словам Шрёдера), некоторые из них — и в первую очередь те, которые не переводят дословно латинского оригинала, — очень напоминают примеры из других германских языков. В IX в. встречаются также случаи с пропущенным объектом. Один из самых ранних примеров находится в Muspilli: *denne der paldet der gipuzazit habēt* (99) «der ist frohen Mutes der gebüsst hat». Примеры из Отфрида: *lāz iz sus thuruhgān, sō wir eigun nu gisprochan* (I, 25, 11); *nu gene al eigun sus gidān* (III, 18, 36). Ср. еще О., I, 5, 39 (57); III, 3, 3; III, 13, 23; V, 7, 60. Остается упомянуть, что совершенно аналогичные конструкции (*hafa* + причастие II) мы встречаем в большом количестве и в древних скандинавских текстах¹⁵.

Кроме того, *haben* образует сочетание и с причастием II от непереходных глаголов. И в этом отношении древнеанглийский язык впереди других германских языков. По Бекагелю, в древнесаксонском языке (Гелланд) из непереходных глаголов сочетаются с *hebbian* только четыре глагола: *fāhan* [в значении «sich wenden», например: *habdun te imo gefangen* (Hel., 1237); *faruirkian* «sich versündigen» (*hebbiu mi so foruwerkot*, Hel., 5012), *gangan* (*habdun gegangan te them gardon*, Hel., 5794), *libbian* (*habda gelibd*, Hel., 465)¹⁶. В древневерхненемецком языке конструкции такого рода появляются лишь с X в., но в древнеанглийском языке они засвидетельствованы с самых древних времен. Приведем некоторые примеры из Беовульфа: *od fæt...wundenstefna gewaden hæfde* (219—220) «пока корабль не переплыл море»; *hæfde þá forsiðod sunu Ecgþeowes...* (1551) «тогда погиб бы сын Эгтеова»; *syððan mergen cōm and wē tō symbles geseten hæfdon* (2104—2105) «когда пришло утро и мы сели к пирушке»; *siððan hie tōgædere gegān hæfdon* (2631) «когда они оба встретились в бою»; *hafað þæs geworden wine*

¹³ Специфика готского языка в данном отношении проявляется при сопоставлении параллельного места готского и древневерхненемецкого языков: др.-в.-нем. *thaz iogiuuelih thie thar gisihit uuib si zi geronne, iu habet sia forlegana in sinemo herzen* — лат. *quoniam omnis qui viderit mulierem ad concupiscendum eam, iam moechatus est eam in corde suo* (Tat., 28, 1); гот. *fatei hvazuh saei saihviþ qinon du luston izos, ju gahorinoda izai in hairtin seinamma* — греч. *ἴθι ἐμοχεύσεν ἀδύην* (Matth., V, 28).

¹⁴ Ср. аналогичное место на готском языке (*fanei habaida galagidana*). Надо сказать, что *haben* сохраняет здесь (особенно во втором примере) конкретное значение «держат».

¹⁵ См. М. И. Стеблин-Каменский, История скандинавских языков, М., 1953, стр. 228—230.

¹⁶ См. O. Behaghel, Die Syntax des Heliand, Leipzig, 1897, стр. 187. Г. Пауль сомневается в достоверности и полноте данных Бекагеля (см. H. Paul, Die Umschreibung des Perfekts im Deutschen mit *haben* und *sein*, «Abhandl. der bayrischen Akademie der Wissenschaften», Philosoph.-hist. Klasse, Bd. XXII, München, 1905, стр. 166).

Scyldinga... þæt... (2026) «так показалось другу Скильднгов...» и т. д., всего 6 случаев.

Наряду с описанными случаями встречаются и такие, где *haben* действительно имеет значение «иметь», «обладать» (или более древнее: «иметь при себе, держать»). Приведем несколько древнеанглийских примеров: *Onð hine áscode hwæðer hé ðá álysendlecan rúne cýðe onð þá stafas mid him áwritene hæfde* — лат. *interrogare coepit...an forte litteras salutaris apud se haberet* (Bed., 328, 7); *Se læce bið micles tó beald and tó scomléas de gæð æfter ððra monna húsum læcnigende onð hæð on his ágnum nebbe opene wunde unlácnode* (CP, 61, 4) «это бесстыдный врач, который ходит лечить по домам других людей, а сам имеет на лице открытую неизлеченную рану».

Необходимо, однако, подчеркнуть, что случаи такого рода встречаются в древнеанглийском языке очень редко (имеется всего 6 случаев), не говоря уже о других древнегерманских языках, где конструкции с *haben* вообще развиты слабее. Так, О. Эрдман констатирует, что в произведении Отфрида глагол *haben* в сочетании с причастием II один только раз обозначает «иметь, обладать»: *gihaltan thar zi habanne* (III, 7, 54) «*um es wohlbehalten zu haben (besitzen)*»¹⁷. Неужели можно допустить, что именно такие редко употребляемые и, так сказать, «непопулярные» конструкции дали начало германскому перфекту? Конечно, нет.

Употребление в интересующих нас сочетаниях глагола *haben* в значении «держат», а позже и «иметь, обладать» делает возможным употребление вместо *haben* его синонимов, в первую очередь — глагола *eigan*. Это, как известно, произошло в древневерхненемецком и скандинавских языках. Приведем для иллюстрации классический пример из Отфрида: *sie eigun mir ginomanan liabon druhtin minan* (V, 7, 29)¹⁸. Можно предполагать, что и смешение нефлексивных форм причастия II с флексивными в данных сочетаниях обусловлено тем же фактором.

В связи с указанной проблемой мы считаем возможным выдвинуть (предварительно) следующую гипотезу. Первоначально согласование между дополнением и формой причастия II (и в связи с этим необходимость употребления флексивной формы причастия) было характерно только для случаев, когда *haben* (или *eigan*) выступал как полноценный глагол со значением «держат» или «иметь»; ср., например: ... *deo arlasctiu eigun leotkar* — лат. *quae extinctas habent lampadas* (Murb. Нунд., 1,9). Данным конструкциям присуща полисубъектность (к одному субъекту относится личная форма глагола, ко второму — действие, выражаемое причастием), причем крайним случаем полисубъектности является наличие одного и того же лица в качестве субъекта к обоим действиям. Этот последний факт приводит к возникновению пограничных случаев, когда одним и тем же оборотом выражается как факт обладания чем-то (чем-то), так и действие, совершенное тем же субъектом на том же объекте.

Приведем пример: *inti quidu mineru sêlu: sêla, habês managiū quot gisaztiu in managiū iâr* — лат. *habes multa bona posita in annos plurimos* (Tat., 105, 2). Следует обратить внимание на наличие обстоятельства *in managiū iâr*, благодаря которому действие, выраженное в предложении, как бы выдвигается на первый план. Подчеркивание действия происходит и другими путями. Так, в следующем примере из Беовульфа

¹⁷ О. Ердманн, *Untersuchungen über die Syntax der Sprache Otfrids*, Bd. I, Halle, 1874, стр. 228.

¹⁸ О том, что при замене глагола *haben* глаголом *eigan* могли действовать и стилистические факторы (например, вариация, аллитерация), свидетельствует древнеанглийский пример: ... *ne frélas ne móton habban þæt hí ágon on ágenan huílan mid earfeðan gewinnen* (Wulf., стр. 81) «... крепостные не могут назвать своим то, что они заработали тяжелым трудом в свободное время». Ср. аналогичный случай у Ноткера (Boëth., I, 26): *uuáz tu in fróno gúotes ketân eigist, tês hábest tú lúzzel geságet* — лат. *et tu guidem uera dixisti de tuis meritis in commune bonum, sed pauca pro multitudine gestorum tibi*.

данную функцию выполняет определительное предложение: *hæfde se góða Géata léoda cempan gecorone, þára þe hé cénoste findan mihte* (205—207) «имел доблестный [т. е. Беовульф] избранных из среды гаутских людей (или: избрал) дружинников, (а именно) самых храбрых, которых он только мог найти». Отсюда попадает склоняемая форма причастия в случаи, где *haben* не имело значения «обладать»: *ac hi hæfdon þá heora stemn gesetenne ond hiora mete genotudne* (Ags. Chr., 894) «и они свой срок отслужили и исчерпали запасы продовольствия»; *ða ic ðá ðone wáh ðurhdýreludne hæfde ... , ðá ...* (CP., 21, 5) «когда я пробил стену, тогда...». Еще пример из древнесаксонской Книги Бытия: *thes ni habda he þniga genuurhte te thi* (46) «он же ничего дурного не сделал тебе».

Именно фактом смешения двух разных конструкций [1) моносубъектной, выражающей состояние субъекта после выполнения действия и характеризующейся первоначально отсутствием согласования между объектом и причастием, и 2) полисубъектной, выражающей принадлежность кому-то объекта, подвергавшегося действию, и характеризующейся наличием согласования] и объясняется отсутствие каких-либо правил применения флективной и нефлективной формы причастия в засвидетельствованных конструкциях. Впоследствии, после ряда колебаний, согласование было устранено и, таким образом, восстановлено первоначальное состояние¹⁹.

*

Подведем итоги. Из всех западногерманских языков конструкции с *haben* наиболее полно представлены в древнеанглийском. Здесь получили они самое всестороннее развитие. На втором месте находится древнесаксонский язык, на третьем — древне немецкий, в котором данные конструкции засвидетельствованы позже и, возможно, обусловлены иноязычным (латинским, романским) влиянием. Однако, по нашему мнению, и в немецком языке существовали зародыши данной конструкции, сохранившиеся от дописьменной эпохи. Об этом свидетельствуют хотя бы приведенные нами из Тацiana примеры с *haben*, которые не передают дословно латинского оригинала.

Глагол *haben*, который в сочетании с причастием II становится служебным, а впоследствии вспомогательным, имел в данной конструкции с самого начала довольно абстрактное значение совершенности действия (*ih habén* «я нахожусь в состоянии после совершения известного действия»), которое развилось из ингрессивного и терминативного оттенка конкретного значения «держатъ». Впоследствии глагол *haben* в данной конструкции мог в отдельных случаях приобретать значение «иметь»; этим объясняется введение в конструкцию глагола др.-в.-нем. *eigan*, др.-исл. *eiga*. Однако эти случаи по своей природе не могли дать начала германскому аналитическому перфекту.

Глагол *haben* входил в сочетания не только с переходными причастиями II (с наличием или пропущенным объектом), но и с непереходными — как «перфективными», так и «имперфективными». Здесь приходится констатировать, что теория Беагеля — Пауля, согласно которой *haben* объединяется первично только, якобы, с такими непереходными глаголами, которые имеют «имперфективное» значение, не может нас удовлетворить. Уже поправка Керна (относительно перфективных мутативных и немутативных глаголов) заставляет нас осторожно отнестись к выводам Беагеля. Еще более пошатнули эту теорию исследования славянских

¹⁹ О том, что в древнесаксонском языке даже предикативное прилагательное может иногда выступать в несогласованной форме, см.: F. H o l t h a u s e n, *Altsächsisches Elementarbuch*, Heidelberg, 1899, стр. 201. В таком языке, как современный немецкий, согласование, как известно, не применяется даже тогда, когда *haben* сохраняет свое значение «держатъ», «иметь»: *Er hatte den Hut in den Nacken geschoben*.

германистов — Вера, Моурка, Тринки и Мировича, направленные против взглядов В. Штрейтберга в вопросе глагольного вида в германских языках. В последнее время германисты, в том числе и немецкие исследователи, полностью отказались от взглядов Штрейтберга²⁰. Остается только добавить, что, вопреки утверждению Г. Пауля о том, что тезис Бехагеля касается почти всех древних германских языков²¹, Г. Кауфман установил следующий факт: в древнеанглийском языке *habban* объединяется исключительно с «перфективными» глаголами²². Вместе с тем этот факт поддерживает нашу гипотезу о первичном грамматическом значении обсуждаемой конструкции.

Остается сказать несколько слов о синтаксической роли причастия II в конструкциях с *haben*. В случае применения переходного причастия можно было бы рассматривать его как род предикативного атрибута. Значительно труднее представляется вопрос относительно непереходных причастий. Вначале необходимо указать на то, что, по нашему мнению, противопоставление по линии залога не стояло в центре семантики древнегерманского причастия II²³; этим объясняется довольно частое явление транзитивации непереходных причастий. Кроме того, в древние времена германское причастие имело гораздо большую силу предикации, чем в настоящее время. В старых текстах сохраняются следы предикативного употребления этой формы (точно так же, как и причастия I). Стоит вспомнить хотя бы абсолютные причастные конструкции. Не исключена возможность того, что в древние времена зарождалась категория супина, который, как известно, потом вторично возник и развился в скандинавских языках. Характерной особенностью германского супина было бы устранение согласования. Однако данный вопрос требует специального исследования.

*

Возникает, наконец, вопрос о функциональном и семантическом размежевании конструкций с *haben* и форм простого претерита, которые, как известно, также могли выражать совершенное действие. Нам кажется, что разница состоит в том, что в то время как простой претерит не обладает никакими добавочными, побочными значениями, является формой стилистически нейтральной, конструкция с *haben* характеризуется «психологической ударяемостью» в связи со своим медиальным или рефлексивным (в широком понимании слова) значением. Дело в том, что в огромном большинстве случаев и особенно в англо-саксонских текстах она выражает действие, в выполнении которого субъект особенно заинтересован. Вот почему, как правило, подлежащим конструкции является действующее лицо. Очень характерно то, что в эпосе «Беовульф» данная конструкция появляется в форме настоящего времени почти исключительно в прямой речи персонажей или автора, т. е. в случаях, где подлежащим является *ic* «я» или *þú* «ты». Это же справедливо и по отношению к поэме про битву под Мальдоном (993)²⁴.

Вот несколько примеров: др.-англ. — *þú þé self hafast dædum gefremed* (В., 954—955) «ты прославил себя подвигами»; *hæbbe ic mærað fela ongunnen on geogode* (В., 408—409) «много подвигов совершил я в молодости»; *hwæt þu Aelfwine, hafast ealle gemanode þegenas to þearfe* (В. of

²⁰ См., например: P. O. Schröder, Die Gliederung des gotischen Passivs, PBB, Bd. 79, Hf. 1, Halle (Saale), 1957, стр. 15—23.

²¹ Н. Paul, указ. соч., стр. 166, сноска.

²² Н. Kaufmann, Die Entwicklung des umschriebenen Perfektums im Altenglischen und Frühmittelenglischen, Breslau, 1934, стр. 35—36.

²³ Ср., например: H. Rupp, Zum Passiv im Althochdeutschen, PBB, Bd. 78, Hf. 1, Halle (Saale), 1956.

²⁴ Ср. G. Caro, Das englische Perfectum und Praeteritum, «Anglia», Bd. XXI N. F. — Bd. IX, 1898—1899.

М., 231—232) «ты, Эльфвин, призвал всех воинов выполнить свой долг»; *ús Godric hæfð... ealle beswicene* (В. of M., 237—238) «всех нас Годрик обманул»; др.-сакс. — *uuit hebbiat unk giduan mathigna god uureðan* (Gen., 23—24) «мы рассердили на себя всемогущего бога»; др.-в.-нем. (Отфрид)— *in thir haben ih mir funtan thegan einfaltan* (II, 7, 55) «в тебе я нашел себе верного слугу»; *ih haben iz funtan in mir* (I, 18, 28) «я нашел это в себе»; *haben ih gimeinit, in muate bicleibit, thaz...* (I, 5, 39) «я твердо решил», *sie eigin mir ginomanan liabon druhtin minan* (V, 7, 29) «они забрали у меня любимого господина».

Однако и другие примеры свидетельствуют о медиальности данной конструкции: *hæfde sé gōða Géata léoda cempa gecorone* (В., 205—206) «избрал [себе] воинов из племени гаутов»; *nū scealc hafað ...dæd gefræmede* (В., 940—941) «вот молодой герой совершил подвиг». Подобные случаи можно легко найти и в памятниках других древних германских языков.

Эта «психологическая ударяемость», заинтересованность в данном действии делает конструкцию с *haben* стилистически нагруженной, яркой. Она служит средством вариации формы прошлого претерита (см., например, древнесаксонскую Книгу Бытия, стр. 43—48) или выступает (подобно форме перфекта в современном немецком языке) в так называемой заключительной функции. Очень ярким примером такого употребления конструкции с *haben* являются строфы 2248—2267 из «Беовульфа». Конструкция с *habban* находится в самом конце отрывка, как бы замыкая его: *Bealocwealm hafað fela feorh-cynna feorr onsended!* «Боевая смерть забрала много поколений!» Интересно, что аналогичная мысль высказана в начале указанного абзаца из «Беовульфа» формой простого претерита, так что и здесь налицо своеобразная вариация: *gūð-dæað fornam, feorh-bealo fræcne fýra gehwylcne léoda minra.*

В. А. МОСКОВИЧ

СИСТЕМА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Методы структурального исследования языка сделали возможным системное описание фонетики и грамматики, открыли новые перспективы в изучении проблемы системности в лексике. Однако в вопросе раскрытия закономерностей лексической системы сделано еще очень мало. Оставляя открытой проблему о системности всей лексики, попытаемся на материале лексико-семантической группы слов английского языка, обозначающих цвета спектра, показать наличие системы в этой части лексики.

Считают, что число цветовых оттенков, различаемых глазом, приближается к 7 тыс. Количество соответствующих цветообозначений намного меньше. В одном из наиболее полных цветовых атласов¹ для 7 тыс. образцов цвета приводится всего 4 тыс. названий. Подавляющая масса этих 4 тыс. цветообозначений — *termini tecnici*, многие из них с точки зрения неспециалиста весьма неопределенны (например, *Nanking blue*). Недаром Й. Пакльт эпиграфом своего капитального труда по цветообозначениям² избрал высказывание Б. Персо: «Le domaine des couleurs est l'un de ceux où le langage est le plus riche et le moins précis».

Спектр непрерывен, но языковые обозначения придают ему дискретность, разную в разных языках. В зависимости от конкретно-исторической обстановки, от географических условий спектр делится по-разному от языка к языку. В одном языке существуют два слова для обозначения синего и зеленого цветов (например, англ. *blue-green*), в другом оба цвета обозначаются одним словом (например, япон. *awo* «синий, зеленый»), в третьем нет слова ни для одного из этих цветов (например, в одном из африканских языков — киньборском). Разбивка спектра цветов зависит от практической необходимости для говорящих на том или ином языке одни цвета спектра обозначать более, другие — менее точно, а остальные оставлять вообще необозначенными. Так, в языках ряда скотоводческих племен, относящихся к группе банту, отсутствуют отдельные слова для обозначения некоторых основных цветов, но зато у них, по данным Магнуса³, есть тридцать два слова для того, чтобы указать цвет рогатого скота. Отсутствие слов для обозначения тех или иных цветов в языке ни в коей мере не говорит о том, что носители данного языка соответствующих цветов не различают. Дискуссия по этому поводу ведется с середины XIX в., литература вопроса насчитывает многие сотни названий⁴, и в настоящее время вряд ли существуют сомнения в том, что отсутствие обозначения цвета в языке не влияет на различение этого цвета говорящими на данном языке.

В работах по цветообозначениям последние нигде не рассматриваются в их совокупности как система лексических единиц. Отдельные цветообозначения сравниваются с отдельными частями спектра в отрыве друг от

¹ См. M a e r z, R e a - P a u l, A dictionary of color, 2-nd ed., New York, 1950.

² J. P a c k l t, Farbenbestimmung in der Biologie, Jena, 1958.

³ H. M a g n u s, Untersuchungen über den Farbensinn der Naturvölker, Jena, 1880.

⁴ Обзор литературы см. в кн.: S. S k a r d, The use of color in literature, «Proceedings of the American philological society», vol. 90, № 3, New York, 1946.

друга; отсюда неизбежная фрагментарность изложения: обычно количество разделов в специальных работах соответствует количеству рассматриваемых цветообозначений. Стремясь устранить этот атомизм исследования, мы усматриваем системность цветообозначений в соотношении всех цветообозначений со спектром в целом, а не отдельных цветообозначений с отдельными частями спектра. Система данной лексико-семантической группы — в том или ином делении спектра языком. Г. Глисон во «Введении в дескриптивную лингвистику» приводит для английского языка следующую систему цветообозначений с наиболее общими значения

	Длина волны (мм)	Видимые цвета	Дополнительные цвета
<i>Purple</i>	400—435	<i>фиолетовый</i>	<i>желто-зеленый</i>
<i>Blue</i>	435—480	<i>синий</i>	<i>желтый</i>
	480—490	<i>зеленовато-синий</i>	<i>оранжевый</i>
<i>Green</i>	490—500	<i>синевато-зеленый</i>	<i>красный</i>
	500—580	<i>зеленый</i>	<i>пурпурный</i>
<i>Yellow</i>	560—580	<i>желто-зеленый</i>	<i>фиолетовый</i>
	580—595	<i>желтый</i>	<i>синий</i>
<i>Orange</i>	595—610	<i>оранжевый</i>	<i>зеленовато-синий</i>
<i>Red</i>	610—750	<i>красный</i>	<i>синевато-зеленый</i>

Перечисленные выше цветообозначения, покрывающие весь спектр, можно назвать основной системой цветообозначений. Остальные цветообозначения английского языка, не входящие в основную систему, образуют свои подсистемы, детализирующие и уточняющие схему основных цветообозначений. Слово из основной системы и слова из подсистем, относящиеся к одному и тому же участку спектра, образуют синонимический ряд с доминантой в основной системе. Для участка спектра 595—750 мм, например, ряд названий в английском языке представляется в таком виде: доминанта ряда — слово основной системы *red*, подсистема 1-й степени — *scarlet, orange, crimson, rose*; подсистема 2-й степени — *vermilion, wine red, cherry, coral, copperred* и др. Графически этот ряд можно представить так:

Red (595—750 мм)

<i>orange</i>	<i>rose</i>	<i>pink</i>	<i>scarlet</i>	<i>vermilion</i>	<i>bloodred</i>	<i>wine red</i>	<i>cherry</i>	<i>crimson</i>	<i>coral</i>	<i>copperred</i>
---------------	-------------	-------------	----------------	------------------	-----------------	-----------------	---------------	----------------	--------------	------------------

Поскольку спектр представляет собой непрерывную гамму цветов, сфера значения каждого слова из основной системы цветообозначений незаметно переходит в сферу соседнего и, таким образом, синонимический ряд названий для одного участка спектра оказывается связанным с рядом синонимов для прилегающего участка. Например, слово *orange* связывает сферы *red* и *yellow*; *yellowish-green* — сферы *yellow* и *green*. Все цветообозначения представляются уже не беспорядочной массой слов, а членами единой системы названий цветов с четко определенным местом и границами для каждого члена системы. Кроме семантической классификации цветообозначений, необходимо выделить и формальные критерии причисления цветообозначений к основной системе или же к подсистемам 1-й и 2-й степени. Эти критерии, по нашему мнению, следующие: 1) частота употребления цветообозначения; 2) отсутствие или наличие внутренней формы (древность цветообозначения, специфика употребления родственного слова); 3) односоставность или сложный характер

корня; 4) стилистическая характеристика; 5) сочетаемость слова в контексте.

1. Статистический критерий является определяющим при отнесении цветообозначения к основной системе. В основную систему входят цветообозначения, встречающиеся в тексте наиболее часто по сравнению с другими. Х. С. Итон⁶ расположила 6474 слова в порядке убывающей частотности. Оказалось, что такие наименования цветов английского языка, как *yellow, green, blue, red*, находятся в числе первой и второй тысяч этих слов. Синонимы этих цветообозначений занимают в списке Итон места от третьей до седьмой тысячи. *Blue, green, yellow, red* находятся в списке 850 слов «Basic English», остальные цветообозначения, рассматриваемые нами, там отсутствуют. Эти 4 цветообозначения на основании статистического критерия можно считать членами основной системы цветообозначений. Нами были проведены подсчеты относительной частотности этих цветообозначений основной системы по сравнению с частотностью остальных цветообозначений на материале четырех произведений художественной литературы современных авторов (P. Cheyneu, *Poison ivy*; M. Wilson, *Live with lightning*; K. Mansfield, *Selected stories*; M. Kennedy, *The constant nymph*). В расчете на 100 страниц текста частота цветообозначений оказалась следующей:

Название произведений	Цветообозначения	Red	Blue	Green	Yellow	Остальные цветообозначения
	Poison ivy	2,3	2	2	1	0,3
	Live with lightning	6	6	3,4	1,3	1
	Selected stories	3,3	5	4	4	3,3
	The constant nymph	3,6	3,6	1,7	1,5	5,5
	Среднее арифметич.	3,8	4,1	2,8	1,9	2,5
	Квадратич. рассеяние	1,9	2,5	0,8	1,4	4,1

Слова основной системы встречаются на 100 страниц текста в среднем чаще, чем остальные цветообозначения. Интересная закономерность обнаруживается при вычислении квадратического рассеяния (дисперсии) встречаемости цветообозначений на 100 страниц текста вокруг средних арифметических величин. Квадратическое рассеяние для цветообозначений основной системы *red, blue, green, yellow* — небольшая величина, а для остальных цветообозначений (т. е. для цветообозначений подсистем 1-й и 2-й степени) она значительно больше. В теории вероятностей дисперсия играет роль меры рассеяния значений случайной величины вокруг среднего арифметического и рассчитывается по формуле

$$S = \frac{(M_1 - M)^2 + (M_2 - M)^2 + (M_3 - M)^2}{n}$$

Статистический критерий является решающим при выделении основной системы и подсистем 1-й и 2-й степени цветообозначений. Квадратическое рассеяние для слов основной системы равно в среднем 1,6, для

⁶ H. S. Eaton, *Semantic frequency list for English, French, German and Spanish*, Chicago, 1940.

цветообозначений подсистем оно намного больше 4,1. Частотность цветообозначений *orange* и *purple* настолько низка по сравнению с четырьмя словами основной системы, что включение их в основную систему (как это сделано в книге Глисона) оказывается неправомерным. Мы включаем эти слова в подсистему 1-й степени как синоними слов основной системы, уступающие им в частотности употребления. К этой же системе можно отнести *pink*, *scarlet*, *azure*, *gold* и др. Наименования цветов, которые мы относим к подсистеме 2-й степени, встречаются очень редко (*primrose*, *jade-green*, *maroon coloured* и др.).

В приложении к системе цветообозначений полностью себя оправдывает формула лингвистической статистики о соотношении между числом значений слова (s) и его частотой (f): $\frac{s}{\sqrt{f}} \approx \text{const}$ (т. е. чем чаще употребляется слово, тем больше у него значений, и наоборот)⁶. Слова подсистем цветообозначений 1-й и 2-й степени, встречающиеся реже, обычно однозначны, например *orange*, *primrose*, *pink*; часто встречающиеся слова основной системы многозначны. Так, например, согласно «The concise Oxford dictionary», *blue* имеет 4 значения, *green* — 6 значений, *red* — 3 значения, *yellow* — 2 значения⁷. Каждым из этих значений слова основной системы цветообозначений оказываются связанными со словами других лексико-семантических групп. Например, *red* в значении «революционный» связывает лексико-семантическую группу цветообозначений с другой лексико-семантической группой (*revolutionary* — *communist* — *bolshevik* и др.), *yellow* в одном из своих значений — с группой *jealous*, *envious*, *suspicious* и др. Резких границ между «семантическими полями», как полагает Трир, нет; слово может из одного «поля» переходить в другое, и наоборот. Лексическая система языка напоминает не тропическую мозаику с «полями»-кирпичиками, отделенными друг от друга, а сеть, в которой каждая секция составляет часть соседней и незаметно переходит в нее.

2. Отсутствие или наличие внутренней формы помогает решить вопрос о принадлежности цветообозначения к основной системе. Слова основной системы *blue*, *yellow*, *green*, *red* характеризуются отсутствием внутренней формы — ее можно выяснить только путем специального этимологического исследования. Обычно цветообозначения возникают на основе сравнения; цвет называется по предмету, имеющему данную окраску. И если для слов основной системы основу этих сравнений не может установить неспециалист, то для большинства цветообозначений подсистем 1-й и 2-й степени ее легко определит любой неподготовленный человек. Любой англичанин скажет, что оранжевый цвет *orange* назван так по цвету апельсина (*orange*). Сравнивая цветообозначения *mauve*, *pink*, *lavender* с названием цветов (растений) *mauve*, *pink*, *lavender*, он сообразит, что цветообозначения эти связаны с названием цветов. Ясна внутренняя форма таких слов, как *copperred*, *sky-coloured* и т. п. Цветообозначения *aniline* и *indigo* связаны с названиями красителей.

Слова основной системы цветообозначений *red*, *blue*, *green*, *yellow* — древние, исконные слова английского языка. Слова подсистем 1-й и 2-й степени вошли в английский язык в сравнительно недавнее время (*azure* — около 1374 г., *crimson* — в XIV в., *scarlet* — в начале XIII в.). И хотя внутренняя форма таких слов, как *azure*, *crimson*, *scarlet*, в силу объективных процессов, происходивших в ходе исторического развития языка, неясна для говорящих на современном английском языке, мы не относим их к основной системе, так как они вошли в английский язык в сравнительно недавнее время.

⁶ См. И. И. Ревзин, [рец. на кн.:] «Słownik polszczyzny XVI wieku», ВЯ, 1959, № 5, стр. 121.

⁷ Эти данные подтверждаются специальным исследованием, проведенным автором

3. Односоставность или сложный характер корня. Согласно одной из формул лингвистической статистики, если обозначить количество фонем в слове через k , а через r его номер в списке убывающей частности, то $\frac{k}{\log r} \approx \text{const}$ (т. е. чем чаще употребляется слово, тем оно короче, и наоборот)⁸. Слова основной системы цветообозначений, как наиболее часто встречающиеся, должны быть короче, чем цветообозначения подсистем 1-й и 2-й степени, встречающиеся реже. Однако приведенная формула, имеющая силу для большого количества слов, оказывается неприменимой в данном случае. Слово из основной системы *yellow* оказывается длиннее таких слов из подсистем 1-й и 2-й степени, как *pink*, *mauve* и др. Слова основной системы и большинство цветообозначений из подсистем 1-й и 2-й степени — однокорневые слова, часть слов подсистемы 2-й степени — двухкорневые, например *copperred*, *honey-dew*, *sky-coloured*.

4. Стилистическая характеристика. Подавляющее большинство цветообозначений стилистически нейтральны. Все слова основной системы, большинство слов подсистемы 1-й степени и часть слов подсистемы 2-й степени (*azure*) относятся к поэтической лексике; такие слова из подсистемы 2-й степени, как *tangerine*, *endive*, *Pompeian red*, *Siberian squirrel* и др., — к специальной терминологии. Они встречаются только в специальной литературе по колористике, различным областям техники, связанным с цветами, и в рекламных объявлениях.

5. Сочетаемость слова в контексте. Обычно цветообозначения в принципе свободно сочетаются с любыми словами в контексте, однако некоторые слова из подсистем обладают ограниченной сочетаемостью, например *ruddy*.

В заключение необходимо подчеркнуть, что понятия подсистем 1-й и 2-й степени, вводимые в данной работе, представляются нам необходимыми для описания системы цветообозначений. К подсистеме 1-й степени мы относим слова, которые по сравнению со словами основной системы отличаются более узким значением, меньшей частотностью, более ясной внутренней формой. К подсистеме 2-й степени — слова с наиболее узким значением, наименьшей частотностью, ясной внутренней формой, двухкорневые слова и словосочетания, относящиеся большей частью к технической терминологии

⁸ См. И. В. Ревзин, указ. соч., стр. 121.

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И. И. РЕВЗИН

О НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЯХ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ТЕОРЕТИКО-МНОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА

§ 1. В настоящее время в связи с развитием математической и прикладной лингвистики языковеды проявляют все больший интерес к так называемой «теоретико-множественной концепции языка». Эта концепция, созданная ученицей проф. А. А. Ляпунова О. С. Кулагиной¹, представляет собой попытку построить систему лингвистических понятий в точных терминах математической теории множеств. Но именно это обстоятельство затрудняет ознакомление лингвистов с указанной теорией в том виде, как она изложена самой О. С. Кулагиной². К сожалению, более понятное для лингвистов и в то же время вполне строгое изложение этой теории В. А. Успенским появилось в издании, ставшем библиографической редкостью сразу же после напечатания³. При составлении настоящей статьи автор во многом опирался на мысли указанной работы В. А. Успенского, а также на очень удачное популярное изложение работы О. С. Кулагиной в чешском журнале «Slovo a slovesnost»⁴.

§ 2. Прежде всего остановимся на понятии «множество», которое нам понадобится в дальнейшем. Оно принадлежит к исходным понятиям, которым нельзя дать определения. В подобных ситуациях на ряде примеров объясняют, что понимают под данным исходным понятием.

Все звуки речи представляют собой некоторое множество объектов. Все слова данного языка тоже представляют собой некоторое множество объектов, некоторую совокупность. Числа 1, 2, 3, 4, 5 или 2, 4, 6, 8, 10 или 1, 4, 7, 10 представляют собой три разных множества. Для того чтобы обозначить тот факт, что множество M состоит из каких-то элементов e , употребляется запись: $M = \{e\}$. В нашем примере с числами:

$$M_1 = \{1, 2, 3, 4, 5\};$$

$$M_2 = \{2, 4, 6, 8, 10\};$$

$$M_3 = \{1, 4, 7, 10\}.$$

Скобки как бы символизируют акт объединения группы объектов в некую совокупность.

Рассматриваются также множества, состоящие только из одного элемента, например $M_4 = \{1\}$. Считается также, что множество может не содержать ни одного элемента. Это так называемое пустое множество. В дальнейшем пустое множество условно обозначается нулем.

¹ Имена А. А. Ляпунова и О. С. Кулагиной знакомы всем, кто следил за развитием машинного перевода в СССР (см., например, ВЯ, 1956, № 5).

² О. С. Кулагина, Об одном способе определения грамматических понятий на базе теории множеств, сб. «Проблемы кибернетики», вып. 1, М., 1958.

³ В. А. Успенский, К определению части речи в теоретико-множественной системе языка, «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», № 5, М., 1957.

⁴ A. Jaurisová, M. Jauris, Užití teorie množin v jazykovědě, SaS, р. XXI, č. 1, 1960.

Говорят, что множество A является подмножеством множества B (это обозначается при помощи $A \subseteq B$), если каждый элемент, входящий в множество A , входит и в множество B . В наших примерах $M_4 = \{1\}$ есть подмножество множеств $M_1 = \{1, 2, 3, 4, 5\}$ и $M_3 = \{1, 4, 7, 10\}$. Т.-е. $M_4 \subseteq M_1$ и $M_4 \subseteq M_3$.

Под суммой двух множеств A и B (обозначается $A \cup B$) понимается множество, состоящее из всех элементов, которые принадлежат хотя бы одному из множеств A или B . Суммой множеств M_1 и M_3 будет множество, состоящее из элементов 1, 2, 3, 4, 5, 7 и 10. Каждый из этих элементов принадлежит хотя бы одному из множеств M_1 или M_3 . Пересечением двух множеств A и B (обозначается $A \cap B$) называется множество элементов, которые одновременно принадлежат обоим множествам A и B . Возьмем, например, пересечение множеств M_3 и M_2 . По определению, это должно быть множество, состоящее из всех тех элементов, которые одновременно входят в множество M_3 и множество M_2 . Легко видеть, что $M_3 \cap M_2 = \{4\}$.

§ 3. Перейдем после этих предварительных замечаний к изложению некоторых основных положений концепции О. С. Кулагиной. Прежде всего следует выяснить, что нам непосредственно дано в письменном тексте, когда мы приступаем к формальному анализу. Пусть у нас имеется следующая последовательность символов: *Раздался звонок, я вошел в аудиторию, студенты не было*. Отвлечемся от того, что каждое слово состоит из последовательности букв. Тогда первичными элементами будут слова, т. е. последовательности букв, разделенные пробелами. Эти слова можно как-то занумеровать. Кроме того, нам даны какие-то фразы, причем считается, что мы можем отделить одну фразу от другой знаками препинания. Например, нам даны фразы: [*Раздался*] ^{x_1} [*звонок*] ^{x_2} ; [*Я*] ^{x_3} [*вошел*] ^{x_4} [*в*] ^{x_5} [*аудиторию*] ^{x_6} ; [*Студенты*] ^{x_7} [*не*] ^{x_8} [*было*] ^{x_9} .

Сразу же видно, что фразы эти разные, их можно разделить на две принципиально разные группы. Первые две представляют собой осмысленные фразы (в русском языке); обозначим их $A_1 = x_1 x_2$ и $A_2 = x_3 x_4 x_5 x_6$. Третья «фраза» $A_3 = x_7 x_8 x_9$ не представляет собой осмысленной фразы, а является бессмысленным, или, вернее, недопустимым в русском языке набором слов. Можно с достаточной степенью объективности путем опроса ряда лиц, владеющих русским языком, установить, какие фразы имеют смысл, а какие нет.

Изложим теперь эту ситуацию в более формальных терминах, с которыми мы познакомились ранее. Нам задано какое-то множество $\Xi = \{x\}$. Всякую упорядоченную последовательность элементов x мы будем называть фразой, например: $A_1 = x_1 x_2 \dots x_n$. Все множество фраз делится на два подмножества: множество отмеченных фраз и множество неотмеченных фраз. В нашей интерпретации отмеченные фразы — это те, которые имеют грамматический смысл или допустимы в данном языке; неотмеченные — те, которые не имеют грамматического смысла или недопустимы в данном языке. Но мы будем считать, что множество отмеченных фраз дано нам заранее. Можно условиться, что имеется некий «оракул», к которому мы всегда можем обратиться и который в случае сомнения дает нам однозначный ответ на вопрос, является ли фраза отмеченной или нет.

Введем теперь понятие эквивалентности двух слов (в дальнейшем элементами нашего множества являются слова как словоформы, т. е. слова в том виде, в каком они выступают в речи). Мы будем говорить, что слово x эквивалентно слову y (записывается $y \sim x$), если: 1) для любой отмеченной фразы вида $A_1 x A_2$ фраза $A_1 y A_2$ также является отмеченной и 2) для любой отмеченной фразы $B_1 y B_2$ фраза $B_1 x B_2$ также является отмеченной (A_1, A_2, B_1 и B_2 — произвольные фразы, которые могут быть и

пустыми). Введенная эквивалентность обладает следующими логическими свойствами: 1) рефлексивность: $x \sim x$; 2) симметричность: если $x \sim y$, то $y \sim x$; 3) транзитивность: если $x \sim y$ и $y \sim z$, то $x \sim z$.

Существует теорема, согласно которой эквивалентность, обладающая тремя указанными свойствами, разбивает все множество на ряд непересекающихся подмножеств, так что два эквивалентных элемента попадают в один класс, а два неэквивалентных — в разные классы. Классы эквивалентных слов мы будем называть *семействами*. Примеры семейств:

S_1 : *столу, окну, человеку* . . .
 S_2 : *хохотал, прыгал, бежал*
 S_3 : *хорошо, плохо, сомнительно*
 S_4 : *когда, где, как*

Посмотрим на простом примере, как получается семейство S_1 . Возьмем фразы: 1) *Я подошел к окну* и 2) *Прямоугольник, равный окну, очень красив*. В фразе 1 слово *окну* окружено двумя фразами — *я подошел к* и *пустой фразой*. В таком же окружении могут встретиться и *столу, человеку* и т. п. В фразе 2 слово *окну* окружено фразами *прямоугольник, равный* и *очень красив*. И снова мы можем встретить в таком окружении слова: *столу, человеку* и т. п.

На этом примере мы видим, во-первых, что термин «фраза» употреблен в более широком значении, чем это обычно принято в лингвистике, и, во-вторых, что с точки зрения рассматриваемой концепции требуется лишь грамматическая правильность фраз и поэтому фраза *Прямоугольник, равный человеку, очень красив* считается вполне допустимой.

§ 4. В теоретико-множественной концепции языка делается попытка получить формальный аналог понятия части речи. Для этих целей понятия отмеченной фразы и выведенного с его помощью понятия «семейство» оказывается недостаточно. Как мы помним, «отмеченность» фразы определялась неким «оракулом». Будем считать также, что наш «оракул» обладает следующей способностью: для любого слова, какое бы мы ни назвали (если это слово входит в данный язык), «оракул» может назвать полную систему форм данного слова, или, иначе говоря, парадигму форм данного слова, например для слова *стол*: *стол, стола, столу, столом, столе, столы, столов, столам* и т. д., или для слова *карактицей*: *карактица, каракатице* и т. п.

Выражаясь более формально, мы можем сказать, что для каждого слова x нам задано множество $\Gamma(x)$, при этом мы будем говорить, что $\Gamma(x)$ есть окрестность x .

Итак, мы познакомились с двумя способами представить все множество слов в виде системы непересекающихся подмножеств, а именно — с разбиением на семейства и на окрестности. Это частные случаи представления всего множества в виде суммы непересекающихся подмножеств. От критерия, по которому выделяются подмножества, мы в данном случае отвлекаемся. Всякое представление множества Ξ в виде суммы взаимно непересекающихся подмножеств B_i называется B -разбиением множества Ξ .

Частным случаем B -разбиения является так называемое *единичное разбиение*, при котором каждый класс состоит из одного слова. Мы будем называть такое разбиение E -разбиением.

Введем теперь понятие B -структуры фразы A . Возьмем какую-то фразу $A = x_1 x_2 \dots x_n$. Последовательность подмножеств $B(x_1) B(x_2) \dots B(x_n)$, т. е. подмножеств, в которые входят слова x_i при данном разбиении B , называется B -структурой фразы A и обозначается $B(A)$. Возьмем для примера одну и ту же фразу: $A = \text{раздался звонок}$ и посмотрим, каковы структуры этой фразы при разных разбиениях.

1. При E -разбиении структура имеет вид $E(A) = \{\text{раздался}\} \{\text{звонок}\}$.

2. При S -разбиении структура имеет вид:

$$S(A) = \left\{ \begin{array}{l} \text{раздался} \\ \text{раззвонил} \\ \text{уехал} \\ \text{шел} \\ \text{плакал} \\ \dots \end{array} \right\} \left\{ \begin{array}{l} \text{звонок} \\ \text{нож} \\ \text{клуб} \\ \text{трамвай} \\ \dots \end{array} \right\}$$

3. Наконец, при разбиении на окрестности мы получаем Γ -структуру

$$\Gamma(A) = \left\{ \begin{array}{l} \text{раздаться} \\ \text{раздалось} \\ \text{раздались} \\ \text{раздаются} \\ \dots \end{array} \right\} \left\{ \begin{array}{l} \text{звонок} \\ \text{звонок} \\ \text{звонками} \\ \text{звонки} \\ \dots \end{array} \right\}$$

Исходные фразы были отмеченными и неотмеченными, причем понятие отмеченной фразы не определялось. Дадим теперь определение отмеченной B -структуры. Мы будем считать B -структуру отмеченной, если имеется хотя бы одна отмеченная фраза, которая имеет данную B -структуру.

Мы будем говорить, что множество B_i (где B_i — некоторое подмножество Ξ при данном разбиении B) B -эквивалентно множеству B_j , если: 1) для любой отмеченной структуры вида $B(A_1) B_i(A_2)$ структура $B(A_1) B_j B(A_2)$ отмечена и 2) для любой отмеченной структуры $B(D_1) B_i B(D_2)$ структура $B(D_1) B_j B(D_2)$ отмечена. Если мы сравним это определение с определением эквивалентности в § 3, то увидим, что там мы имели дело просто с частным случаем B -эквивалентности, а именно — с E -эквивалентностью, т. е. B -эквивалентностью при E -разбиении.

B -эквивалентность, как легко проверить, обладает свойствами рефлексивности, симметрии и транзитивности. Тем самым, при данном разбиении B все множество Ξ разбивается на ряд непересекающихся подмножеств, так что любые два эквивалентных подмножества B_i и B_j попадают в одно множество, а любые два неэквивалентных подмножества B_i и B_j — в разные множества. Это новое разбиение множества Ξ на непересекающиеся классы, порожденное разбиением B , называется производным от разбиения B и обозначается B^* . Итак, B^* — это такое разбиение множества Ξ , при котором в каждый класс B_i^* попадают все эквивалентные между собой элементы разбиения B и только они.

Поскольку B^* -разбиение есть частный случай B -разбиения (как произвольного разбиения на непересекающиеся классы), можно было бы считать, что подобным же образом возможно перейти от B^* к B^{**} и т. д. Однако здесь надо иметь в виду следующую замечательную теорему, доказанную О. С. Кулагиной: «Производное разбиение B^{**} от производного разбиения B^* совпадает с разбиением B^* , т. е. $B^{**} = B^*$ для любого класса B ».

Теорема Кулагиной имеет глубокий лингвистический смысл. Мы ввели понятие B -разбиения и B -эквивалентности. Однако, если исходить из круга понятий, введенных в § 3, а именно: слово и отмеченная фраза, то нам в сущности задано только одно B -разбиение — разбиение на единичные слова (E -разбиение). Исходя из этого разбиения, мы получили понятие эквивалентности слов (как мы уже указывали, это есть частный случай B -эквивалентности). Отсюда мы получили в сущности производное от E -разбиения, а именно — разбиение на семейства (S -разбиение). Казалось бы, что теперь можно ввести понятие S -эквивалентности и получить новое B -разбиение и т. д. Теорема показывает, что это невозможно. Между тем разбиение на семейства — лишь простейшее из тех разбиений, с которыми мы имеем дело в языке, а E -эквивалентность — лишь простейшая из таких эквивалентностей. Для того чтобы формализовать другие более сложные эквивалентности, заданных в § 3 понятий недостаточно. Нужно ввести еще хотя бы одно разбиение, заданное извне. Таким разбиением и является разбиение на окрестности. Теперь вводятся в рассмотрение новые B -эквивалентности и новые производные разбиения.

Разбиение на типы, или T -разбиение, определяется как производное от G -разбиения: $G^* = T$. Это довольно близкое приближение к «части речи». В самом деле, возьмем такие окрестности: 1) все формы прилагательного *большой*, *-ая*, *-ие* и т. п. и 2) все формы прилагательного *сильный*, *-ая*, *-ые* и т. п. Ясно, что эти две окрестности эквивалентны между собой; поэтому они объединяются в тип, куда входят как все формы слова *сильный*, так и все формы слова *большой*, да и всех других прилагательных русского языка. Таким образом, тип T (*большой*) очень близок к определенной части речи — прилагательному. Если все прилагательные объединены в один тип, а также объединены глаголы прошедшего времени разных родов (но в другом типе), то легко объединяются и все существительные.

Оказалось, однако, что с формальной точки зрения здесь не все просто, а именно — из принадлежности двух слов к одному семейству, как показал В. А. Успенский, логически вовсе не следует принадлежность их к одному типу, в то время как в реальных языках два эквивалентных слова обязательно принадлежат к одной и той же части речи. Поэтому вводится ряд новых определений.

§ 5. Назовем язык правильным, если любые два слова, принадлежащие к одному семейству, принадлежат и к одному типу. Назовем два слова x и y R -эквивалентными, если существует цепочка слов x_1, x_2, \dots, x_n , так что: 1) при любом i слова x_i и x_{i+1} принадлежат либо одной и той же окрестности, либо одному и тому же семейству: 2) $x_1 = x, x_n = y$.

Множество Ξ распадается (как легко проверить) на подмножества R -эквивалентных слов, которые мы будем называть **р а з д е л а м и**. Примером слов, принадлежащих к одному разделу, являются *столом* и *стул*. Между *столом* (x) и *стул* (y) можно построить такую цепочку:

(одно семейство) (одна окрестность)
 стул ————— стол ————— столом

В. А. Успенский доказал, что для «правильных» языков (а все знакомые нам языки правильны в смысле наших определений) верны следующие утверждения: 1) $R(x) \subseteq T(x)$, 2) $T(x) = R^*(x)$.

В русском языке раздел, содержащий существительное, совпадает с типом, поскольку все существительные одного падежа во множественном числе образуют одно семейство. Отсюда существительные разных родов, например *стул* и *лампа*, можно соединить цепочкой:

G S G
 стул — стулья — лампы — лампы

Если бы во всех языках дело обстояло так, то не имело бы смысла вводить два разных понятия «раздел» и «тип» и устанавливать связь между ними. Но, например, во французском языке раздел уже типа. Существительные разных родов входят в один тип, но в разные разделы, поскольку нет члена цепочки, объединяющего два слова во множественном числе в одно семейство. Действительно, в сочетаниях *les belles filles* и *les beaux frères* нельзя поменять местами слова *filles* и *frères*, т. е. они не эквивалентны. Эти примеры показывают, что язык может обладать различной степенью сложности.

В связи с указанными фактами вводится следующее определение. Язык называется **однородным** (у В. А. Успенского — **согласованным**): если из условия $G(x) \cap S(y) \neq 0$ следует $G(y) \cap S(x) \neq 0$, т. е. из наличия слова z , входящего в одно семейство с y и в одну окрестность с x , следует наличие слова w , так что w входит в одну окрестность с y и в одно семейство с x . Русский язык неоднороден, так как:

$G(\text{стул}) \cap S(\text{лампы}) = \text{стулья}$ (слово *стулья* входит в окрестность слова *стул* и в одно семейство со словом *лампы*);

S (стул) \cap Γ (лампы) = 0 (нет слова, входящего в окрестность слова лампы, которое входило бы в семейство, содержащее слово стул, т. е. отсутствует некоторое слово лампы, которое было бы эквивалентно слову стул).

Французский язык, по-видимому, однороден (по крайней мере, в отношении существительных), ибо здесь, например, Γ (frère) \cap S (filles) = 0 и S (frère) \cap Γ (filles) = 0.

Понятие однородности языка может быть использовано как типологический критерий, так как можно наметить разные степени неоднородности языка. Возьмем, например, чешский язык. Он тоже неоднороден, как показывает следующий пример: *stůl* «стол» и *tužky* «карандаши»: Γ (stůl) \cap S (tužky) = stoly. В то же время Γ (tužky) \cap S (stůl) = 0.

Тем не менее положение в чешском существенно отличается от положения в русском языке. Если, например, для чешского исключить из рассмотрения все предметные (неодушевленные) существительные мужского рода (как *stůl* в нашем примере), то в своей остальной части чешский язык будет однороден; ср.

в ед. числе		во мн. числе
<i>nový žák</i>	«новый ученик»	— <i>noví žáci</i>
<i>nová tužka</i>	«новый карандаш»	— <i>nové tužky</i>
<i>nové pero</i>	«новое перо»	— <i>nová pera</i>

Здесь (в оставшейся части чешского языка) существительные разных родов и во мн. числе входят в разные семейства. Неоднородность обуславливалась тем обстоятельством, что для форм мужского рода типа *stůl* соответствующая форма мн. числа эквивалентна формам жен. рода.

В польском языке имеются, казалось бы, аналогичные явления; ср.:

	в ед. числе		во мн. числе
Одно семейство	<i>sumienny robotnik</i>	«добросовестный работник»	<i>sumienni robotnicy</i>
	<i>wysoki dąb</i>	«высокий дуб»	<i>wysokie dęby</i>
	<i>głęboka rzeka</i>	«глубокая река»	<i>głębokie rzeki</i>
			Одно семейство

Однако эту неоднородность устранить гораздо труднее, чем в чешском, так как во мн. числе различаются всего два рода.

С другой стороны, очень легко устраняется неоднородность в румынском языке. Для этого нужно исключить из рассмотрения лишь слова так называемого «среднего рода»⁵, а именно слова, которые в ед. числе входят в одно семейство со словами мужского рода, а во мн. числе — в одно семейство со словами женского рода.

Интересно, что с типологической точки зрения, в румынском языке сравнимы с польским именно слова «среднего рода», а не так называемого «личного рода», с которыми их обычно сравнивают⁶. Степень устранения неоднородности и может служить полезным типологическим критерием.

§ 6. Требование «однородности» языка впервые было выдвинуто О. С. Кулагиной, хотя у нее не получило специального названия. Дело в том, что О. С. Кулагина ввела понятие «простого языка», в котором кроме выполнения требования однородности должно выполняться следующее требование: $\Gamma(x) \cap S(x) = x$.

Интересен лингвистический смысл этого требования. Он состоит в том, что в простом языке в парадигму слова не могут входить эквивалентные между собой словоформы. Это требование, по-видимому, выполняется в русском языке для большинства существительных, хотя наличие

⁵ См. J. P ä t r u ț, Sur le genre «neutre» en roumain, «Mélanges linguistiques publiés à l'occasion du VIII Congrès international des linguistes à Oslo», Bucarest, 1957, стр. 299—302.

⁶ Ср. И. К. К и ц и м и я, Личный род в польском и румынском языках, «Revue de linguistique», t. V, № 1, 1960.

параллельных форм типа *профессора* и *профессоры* нарушает требование простоты.

Подобные случаи можно считать, однако, случаями у с т р а н и м о й не простоты. С принципиально неустранимой непростотой мы встречаемся при анализе финно-угорских языков, например эстонского. Так, в эстонском языке формы комитатива (*Kaasaütlev*) входят в одно семейство с формами абессива (*Ilmaütlev*); т. е., например, не нарушая грамматической правильности фразы, можно заменить комитатив *roõmuga* на абессив *roõmuta*, и наоборот. Ср.: *Suure roõmuga tulen sinna* «С большой радостью приду туда»; *Suure roõmuta tulen sinna* «Без большой радости приду туда». Аналогичное положение с так называемыми внутренними и внешними падежами. Так, инессив *majas* «в доме» входит в одно семейство с адессивом *majal*, элатив *majast* «из дому» — в одно семейство с аблативом *majalt*, а иллатив *majja* «в дом» — в одно семейство с аллативом *majale* «к дому». Случаи неустранимой непростоты интересны тем, что они создают непреодолимую преграду для строго дистрибутивного анализа, т. е. дистрибутивный анализ предполагает простоту языка.

С типологической точки зрения, положение в падежной системе финно-угорских языков можно в какой-то мере сравнить с эквивалентностью разных глагольных форм русского языка, например *стучал*, *стучнул*, а также *стучит*, *стучал* и, очевидно, *стучал бы* (если считать это одной словоформой) относятся к парадигме *стучать*. Между тем эти формы представляются эквивалентными: ср. *Вчера он стучит ко мне* — *praesens historicum*; *Вчера он стучал ко мне*; *Вчера он стучал бы ко мне*.

Из этих примеров, видно, что *стучит* можно заменить на *стучал* и обратно. Интересно вспомнить в этой связи, что А. М. Пешковский считал видовые формы (типа: *колянул* — *колот*) несинтаксическими и одновременно склонялся к отнесению форм времени и склонения в число «несинтаксических»⁷.

Правда, в русском языке существует изменение глагола в прошедшем времени по родам, что мешает объединению *стучал* и *стучала* в одном семействе (на формы вида это, разумеется, не распространяется). Но, например, в немецком языке *sagte* и *sagt*, *sprache*, *sprach* и *spricht* входят в одно семейство и одну парадигму, т. е., что немецкий язык не является простым.

§ 7. Для тех читателей, которые захотят обратиться к первоисточнику (а именно — к работам самой О. С. Кулагиной), необходимо отметить, что в них логика изложения несколько иная, да и некоторые основные понятия выбраны иначе. В частности, вместо разбиения на разделы рассматривается разбиение на к л а с с ы, причем класс определяется так: x входит в $K(y)$, если выполняется одно из двух условий: 1) $\Gamma(x) \cap S(y) \neq \emptyset$, или 2) $\Gamma(y) \cap S(x) \neq \emptyset$.

Раздел шире и, по-видимому, удобнее для лингвистической интерпретации, чем класс. Так, например, в рассмотренном нами примере слова *стул* и *лампа* принадлежат к одному разделу, но легко видеть, что:

$$\left. \begin{aligned} \Gamma(\text{лампа}) \cap S(\text{стул}) &= \emptyset \\ \Gamma(\text{стул}) \cap S(\text{лампа}) &= \emptyset \end{aligned} \right\} \text{разные классы}$$

В то время, как, например:

$$\left. \begin{aligned} \Gamma(\text{лампы}) \cap S(\text{стул}) &= \emptyset, \text{ но} \\ \Gamma(\text{стул}) \cap S(\text{лампы}) &= \text{стулья} \end{aligned} \right\} \text{один класс}$$

Разделы никогда не пересекаются, в то время как классы пересекаются, если язык не является «простым».

Поскольку, однако, при дальнейшем построении теоретико-множественной модели языка (в частности, при моделировании основных понятий перевода) О. С. Кулагина рассматривает лишь простой язык, то понятие «класса» оказывается вполне удобным инструментом анализа.

⁷ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1936, стр. 60.

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

К ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ ПЕРВОГО ПАМЯТНИКА ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

(«Carta Caruana», 960 г.)

В текущем году исполняется тысяча лет со времени появления первого памятника итальянского языка. Период «от латыни к итальянскому» охватывает много столетий. Постепенные качественные преобразования обиходной латыни привели в Италии к формированию языка нового типа, одного из звеньев романской языковой системы. Однако этот язык, уже реально существующий как нечто новое по отношению к латыни, оставался длительное время бесписьменным языком. Правда, в латинских документах и художественных произведениях сказывается заметное влияние нового языка — его общих тенденций, а также его местных особенностей¹. Но это только косвенные, хотя и очень ценные свидетельства о новом языке. Различные факторы общественной жизни Италии (в том числе особая устойчивость латинских традиций) препятствовали возникновению итальянской письменности, мешали народному языку обрести свою письменную форму.

Лишь во второй половине X в., более чем на сто лет позже знаменитых «Страсбургских клятв», появляется первый несомненно итальянский памятник, ознаменовавший конец «латентного» периода развития нового языка и признания его де-факто. Обстоятельства возникновения этого памятника таковы. Монастырь Монтекассино, основанный в 529 г. недалеко от Неаполя Бенедиктом Нурсийским и являвшийся оплотом католицизма на юге Италии, стал в течение веков крупным земельным собственником². Отстаивая одно из своих владений, монастырь в 960 г. имел судебное дело с неким светским землевладельцем по имени Родельгермо из Аквино (монастырь и его земли находились в ту пору на территории лангобардских княжеств, остатков герцогства Беневентского). Спор об этом земельном участке был рассмотрен в г. Капуе судьей Арекизи, который вынес решение в пользу аббатства. Судебный акт («Carta Caruana», или «Placito Caruano») был составлен, как и полагалось, по-латыни, однако показания свидетелей, подтверждавших принадлежность земли монастырю, были записаны в их подлинной форме, т. е. на итальянском языке.

Повторяющаяся в устах свидетелей формула гласит: «Sao ko kelle terre, per kelle fini que ki contene, trenta anni le possette parte sancti Benedicti» («Я знаю, что этими землями в тех границах, которые здесь указаны, тридцать лет владела сторона св. Бенедикта» (т. е. монастырь Монтекассино, исторически являвшийся главной резиденцией бенедиктинского ордена)). Эта уже итальянская фраза и представляет собой наиболее ранний документ собственно итальянской письменности.

«Капуанскую грамоту» 960 г. впервые опубликовал в 1734 г. Эразмо Гаттола (1662—1734) — бенедиктинец, хранитель архива Монтекассино, автор «Истории Монтекассиноского монастыря»³. В своем труде «Приложения к „Истории Монтекассиноского монастыря“» Э. Гаттола не только воспроизвел текст этого документа, но и отметил содержащиеся в нем «*valbutientis Italicae linguae verba*» («слова на лепечущем итальянском языке») ⁴. Любопытно, что если сам памятник возник в связи с земельным спором между церковным и светским собственниками, то опубликование его спустя семь с половиной столетий также было связано с проблемой земельной собственности. Как свидетельствует более поздний историк Монтекассино Л. Тости, Э. Гаттола предпринял свой труд в немалой мере для того, чтобы обосновать и подтвердить феодальные права

¹ Среди новейших работ, содержащих интересные наблюдения по этому вопросу на итальянском материале, следует назвать: U. Westerbergh, *Chronicon Salmatanum*, Stockholm, 1956 (стр. 185—331 — историко-литературный и лингвистический комментарий к тексту); F. N. Politzer, R. L. Politzer, *Romanese trends in 7-th and 8-th century Latin documents*, Chapel Hill, 1953.

² Об экономической деятельности бенедиктинских монастырей см.: Дж. Луццатто, *Экономическая история Италии. Античность и Средние века*, М., 1954 стр. 209—210 (перевод с итал. яз.).

³ E. Gattola, *Historia abbatae Cassinensis*, Venezia, 1733.

⁴ E. Gattola, *Ad Historiam abbatae Cassinensis Accessiones*, Venezia, 1734, стр. 68—70.

аббатства, противодействовать посягательствам на церковное землевладение⁵. В своей истории Монтекассино Л. Тости также воспроизвел текст судебного акта 960 г.⁶ Впоследствии он был опубликован и в трудах Ч. Калтү — видного историка и общественного деятеля эпохи Рисорджименто.

Капуанский памятник не одинок в истории итальянской письменности наиболее ранних времен. При сходных обстоятельствах возникли другие подобные документы, относящиеся к 963 г. Два из них связаны с женским монастырем Санта Мария в Чентла, являвшимся филиалом того же Монтекассинского монастыря. Обжаловав действия слуг светского феодала, вторгшихся в пределы земель монастыря св. Марии и забравших урожай, настоятель монастырской церкви с помощью свидетелей доказывает принадлежность этих земель церкви, и судья г. Теано, где рассматривался спор, решает дело в пользу «стороны св. Марии». Судебный акт («Carta di Teano», 963 г.), составленный по-латыни, содержит свидетельские показания опять-таки в оригинальной форме, т. е. на итальянском языке. Формула свидетельства, повторяющаяся в тексте этого акта, такова: «Sao cco kelle terre, per kelle fini que tebe mostrai, trenta anni le posselte parte sancte Marie» «Я знаю, что этими землями в тех границах, которые я тебе показал, тридцать лет владела сторона св. Марии». Этот хронологически более поздний документ был впервые опубликован в 1733 г., на один год раньше «Капуанской грамоты», в упомянутой «Истории Монтекассинского монастыря» Э. Гаттола. Почти сто пятьдесят лет спустя его вновь напечатал австрийский историк Ю. Фиккер⁷.

Значительно позже стал известен сходный документ 963 г., в котором тот же настоятель, выступая в пользу того же монастыря, но по другому делу, сам произносит слова аналогичного содержания: «Kella terra, per kelle fini qi bobbe mostrai, sancte Marie è, et trenta anni la posset parte sancte Marie» «Эта земля в тех границах, которые я вам здесь показал, принадлежит св. Марии, и тридцать лет ею владела сторона св. Марии». Слова эти, записанные на «volgare» в латинском тексте акта, впервые были воспроизведены в 1896 г. в небольшой статье Ф. Д'Овидио, который познакомился с содержанием еще не изданного тогда документа («Carta di Teano», также 963 г.) в архиве монастыря Монтекассино⁸.

Еще один документ 963 г. имеет отношение к другому филиалу Монтекассино — монастырю Сан-Сальваторе в Кокороццо. Настоятель этого монастыря обвиняет светского землевладельца в том, что он незаконно распоряжается участками земли около г. Сесса (или Сесса). С помощью документов аббат доказывает, что некий Пергоальдо два из этих участков продал лично ему, аббату, а еще один соседний участок пожертвовал монастырю. Остается доказать, что сам Пергоальдо был прежде законным владельцем данных земельных участков. Это делается с помощью свидетелей, которые один за другим утверждают: «Sao cco kelle terre, per kelle fini que tebe monstroi, Pergoaldi foro, que ki contene, et trenta anni le possette» «Я знаю, что эти земли в тех границах, которые я тебе показал, были землями Пергоальдо, которые здесь указаны, и он владел ими тридцать лет». Судья г. Сесса решает спор в пользу аббата и монастыря. Как и в трех других процессах, судебный акт («Carta di Sessa», 963 г.) был составлен по-латыни, а свидетельские показания, внесенные в текст акта, записаны были на «volgare». Подобно двум прежде названным документам, «Carta di Sessa» впервые была опубликована в трудах Э. Гаттола (в 1733 г. в «Истории Монтекассинского монастыря», о которой говорилось выше), но затем находилась в забвении вплоть до 1906 г., когда о ней написал американский филолог Дж. Шоу⁹. Таковы наиболее ранние памятники итальянской письменности, первый из которых отделен от наших дней периодом в тысячу лет.

Как памятники истории языка документы 960 и 963 гг. были изданы в специальных собраниях ранних итальянских текстов Э. Моначи, П. Сави-Лопес и М. Бартоли, Ф. Уголини, В. фон Вартбурга и др.¹⁰

⁵ L. Tosti, Storia della badia di Montecassino, t. I—III, Napoli, 1842—1843; о деятельности Э. Гаттола см. t. III, стр. 314—316; см. также: L. Tosti, La biblioteca dei codici manoscritti di Montecassino, Napoli, 1874, стр. 87—89.

⁶ L. Tosti, Storia..., t. I, стр. 220—223.

⁷ J. Ficker, Forschungen zur Reichs- und Rechtsgeschichte Italiens, Bd. IV, Innsbruck, 1874, стр. 31—33 (документ 25).

⁸ F. D'ovidio, Di una interessante forma di pronome in un antico testo volgare inedito, ZfrowPh, Bd. XX, 1896, стр. 523—525.

⁹ J. Shaw, Another early monument of the Italian language, «Modern language notes», vol. XXI, № 4, 1906, стр. 105—110. По поводу некоторых различий в тексте формулы, повторяющейся в данном акте, см.: S. Dehenedetti, Postille a testi antichi romani; «Studi medievali», Nuova serie, vol. I, fasc. 1, Torino, 1928, стр. 141—143. Все эти документы, извлеченные из архива Монтекассино, возникли на территории Кампании, поэтому содержащиеся в них формулы показаний называют иногда также кампанскими формулами (formole campane).

¹⁰ См.: E. Monaci, Crestomazia italiana dei primi secoli, Città di Castello, 1889—1912, стр. 1—3 («Carta Capuana», полный текст) и стр. 523 («Carta di Teano»); P. Savi-Lopez, M. Bartoli, Altitalienische Chrestomathie, Strassburg, 1903, стр. 3 («Carta Capuana» и обе «Carte di Teano»); F. Ugolini, Testi antichi italiani, ristampa della 1 ed., Torino, 1944, стр. 129—131; табл. III и IV — факсимиле всех

Капуанский документ 960 г. и его «сателлиты» представляют значительный исторический интерес — прежде всего, конечно, потому, что это первые памятники, или, точнее, первые среди известных ранних памятников итальянского языка. Заметим попутно, что самое понятие «первого памятника» применительно к истории целого ряда языков следует считать относительным. Если говорить об Италии, то очень вероятно, что и несколько ранее 960 г. делались попытки писать на «volgare», продиктованные конкретными нуждами общественной практики. Однако всевластие латыни подавляло и заглушало эти ростки нового, и «памятниками» они не стали, т. е. история не оставила о них достоверных сведений. Несмотря на такую относительность, дата первого памятника является, несомненно, очень важной вехой истории языка.

Появление документальных записей на «volgare» означало, что в развитии итальянского языка начинался качественно новый период — период, когда на этом языке уже не только говорят, но и пишут. Акт, составленный судьей и нотариусами «pro hocordandum in prepetuum ea omnia», т. е. для увековечения судебного решения, объективно зафиксировал для истории начало этого периода¹¹.

Существенно то, что в Капуанской грамоте и других аналогичных документах фразы на итальянском языке даны в нарочитом противопоставлении латинскому тексту. Памятники эти, таким образом, могут рассматриваться не только как свидетельство самобытности итальянского языка по отношению к латыни, но и как свидетельство осознания этой самобытности современниками.

Антитеза латыни и итальянского в той конкретной форме, в какой мы ее здесь встречаем (т. е. «прямая речь» свидетелей записана по-итальянски в обрамлении латинского протокольного текста), имеет для нас и еще один смысл: она является, с одной стороны, убедительным свидетельством уже сложившегося «функционального» билингвизма в средневековом итальянском обществе этой эпохи (письменный язык — латынь, устный язык — итальянский, в его различных местных формах) и вместе с тем первым признаком преодоления этого билингвизма в пользу нового языка (записанные по-итальянски слова образуют существенную часть документов).

Памятники 960 и 963 гг. заслуживают внимания не только потому, что ими открывается новый период развития итальянского языка. Их собственно лингвистические особенности таковы, что они, несмотря на свою краткость, дают ценные сведения о состоянии итальянского языка на юге Италии во второй половине X в. Не имея цели дать здесь подробный историко-грамматический комментарий, отметим лишь некоторые языковые особенности этих ранних текстов. Большой интерес представляют, в частности, содержащиеся здесь формы личных местоимений *tebe* и *hobe* (т. е. *vobe*, «бетаизмы»), иллюстрирующие один из ранних моментов развития от латинских *tibi* и *vobis* к соответствующим итальянским местоименным формам. Очень любопытны также различные синтаксические черты памятников, имеющих вид развитых сложноподчиненных или сложносочиненных предложений. Обращает на себя внимание замечательный факт, до сих пор нигде не отмеченный, — наличие в двух случаях характерной итальянской конструкции, именуемой «ripresa dell'oggetto» («повторение дополнения»), т. е. подчеркивание

четырёх документов (1-е изд. — там же, 1942 г.); W. von Wartburg, *Raccolta di testi antichi italiani*, Bern, 1946, стр. 7 («Carta Capuana» и «Carta di Sessa»). Имеется также отдельное издание всех четырех грамот: M. Inguanez, *I placiti cassinesi del sec. X con periodi in volgare*, «Miscellanea Cassinese», 5, Montecassino, 1929 (и более поздние издания — публикация осталась недоступной). См. также M. P. e i. *The Italian language*, New York, 1941, стр. 178—179. В настоящей статье итальянский текст памятников воспроизведен по книге Ф. Уголини (1944 г.).

Нельзя обойти молчанием более чем странное преподнесение этих памятников в книге П. Барджеллини по истории итальянской литературы. Автор сделал своеобразный «монтаж» из трех документов (оставляя в стороне один — «Carta di Sessa»). Он изображает дело так, будто на суде в Капуе в 960 г. все три свидетеля произносили разные формулы: один ту, что содержится в Капуанском акте, а двое других — фразы, записанные в двух документах из Теано 963 г. (sic!). Помимо этой очевидной несообразности, здесь есть целый ряд других искажений: свидетель Teodemundo именуется Teodorico, вместо местоимения *vobe* (*hobe*) читаем *habe* и т. д. [см. P. B. argelli ni, *Pian dei giullari*, *Panorama storico della letteratura italiana*, vol. I, Firenze, 1951, стр. 23—24].

¹¹ «Страсбургские клятвы» (842 г.) в сравнении с итальянскими документами являются не только более ранними, но и гораздо более импозантными, — особенно в социально-политическом плане, что справедливо отметил А. Грамши (клятвы, повторяемые войнами Карла и Людовика, — свидетельство того, что «народ принимает активное участие в истории»; итальянские документы X в. — «клятвы частных лиц, свидетельствующие о праве собственности монастырей на определенные земли»). Однако такое своеобразие отнюдь не лишает итальянские памятники языка их определенного исторического значения. Как писал А. Грамши, «возникновение народного языка означает разрыв с античностью». Продолжая его слова, можно сказать, что появление письменности на народном языке означало оформление этого разрыва (которое также носило не моментальный, а длительный характер); см.: A. Gramsci, *Opere*, vol. IV, Torino, 1949, стр. 20 и сл.; русск. перевод: А. Грамши, Избр. произв., т. 3, М., 1959, стр. 281 и сл.

дополнения с помощью инверсии и употребления «плеонастического» объектного местоимения («... kelle terre...le possette parte sancti Benedicti», «...kelle terre...le possette parte sancte Marie») ¹³. Специального рассмотрения заслуживают реликты латинского генитива в сочетаниях *parte sancti Benedicti*, *parte sancte Marie*, являющихся, с одной стороны, очевидными и легко объяснимыми латинизмами (наименования церковного учреждения и притом еще юридического лица), а с другой стороны, приближающихся к типу романских беспредложных конструкций, скрепленных смысловым единством ¹³; следы латинского генитива обнаруживаются и в сочетаниях *sancte Marie è*, *Pergoaldi foro*, где еще наличествует в собственных именах genitivus possessivus при итальянском глаголе *essere*.

Ряд особенностей «Капуанской грамоты» и других аналогичных текстов объясняется южноитальянским происхождением этих документов.

Что касается латинской части грамот 960 и 963 гг., то она также дает материал для интересных наблюдений. Известное явление «бетаизма», отмеченное в *bobè < vobis*, прослеживается и в латинском тексте памятников [*bicesimo primo anno, iudex cibitatis caruane, venerabilis; abbotatorem suum* («Carta Capuana»), где это явление распространяется на геминированный согласный, возникший путем ассимиляции, и т. п.] ¹⁴. Отчасти итальянский облик имеют топонимы. Многократно употребляемое здесь местоимение *ipse* выступает по существу в функции артикля ¹⁵. Таким образом, латинская часть грамот, как и другие латинские документы этой поры (ср. выше, стр. 95), отражает воздействие народного языка, присутствующего здесь дважды — *in persona* и между строк латинского протокола. Латинский и итальянский тексты памятников не могут быть, следовательно, абсолютно противопоставлены друг другу. Наоборот, их следует и в лингвистическом плане рассматривать во взаимосвязи — как две стороны исторически обусловленного единого целого, представляющего собой объективный факт истории итальянского языка ¹⁶.

«Carta Capuana» и памятники 963 г. — это не только документы истории языка, но и документы истории права. Являясь наглядной иллюстрацией земельных споров между церковными и светскими феодалами, они содержат ряд моментов, характеризующих тогдашние правовые нормы и особенности судопроизводства. Среди всех этих юридических особенностей нас опять-таки более всего интересует форма свидетельских показаний.

Как утверждали историки права, к свидетельским показаниям в эпоху раннего средневековья предъявлялись своеобразные и очень суровые требования. Г. Бруннер резюмирует их словами из французского «Романа о Розе» (XIII в.): «*parole une fois volée ne peut plus estre gardee*» ¹⁷. В показаниях свидетелей не допускалось ни малейшей поправки или оговорки, никакого изменения однажды произнесенных слов.

Следствием этого ригоризма (и всего другого, что характеризует феодальный суд — классовое и сословное неравенство и т. д.) было то, что показания свидетелей обычно представляли собой не столько естественное повествование, изложение в свободной форме тех или иных фактов, сколько произнесение заранее подготовленной формулы, строго регламентированное разными условностями речевого.

Бросающееся в глаза сходство итальянских фраз всех четырех памятников говорит как раз о том, что это не спонтанные показания свидетелей, а стереотипные формулы, выработанные в судебной практике ¹⁸. Эти итальянские фразы обнаруживают недву-

¹³ Об этом явлении в современном итальянском языке писали, в частности: Р. Меригги, *La ripresa dell'oggetto in italiano*, «Volkstum und Kultur der Romanen», Bd. XI, Hamburg, 1938, стр. 1—30; С. Госсен, *Studien zur syntaktischen und stilistischen Hervorhebung im modernen Italienisch*, «Veröffentlichungen des Instituts für Romanische Sprachwissenschaft [der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin]», № 12, 1954, стр. 92 и сл.

¹⁴ См. в этой связи: Г. Паскуали, *In casa i Frescobaldi*, «Lingua Nostra», vol. 1, fasc. 1, Firenze, 1939, стр. 8—10, а также ряд других статей в этом журнале, (1939—1940 гг.), явившихся откликом на выступление Дж. Паскуали.

¹⁵ Ср. G. Rohlf, *Historische Grammatik der italienischen Sprache und ihrer Mundarten*, Bd. I, Bern, 1949, стр. 282—283.

¹⁶ См.: Р. Рапна, *I più antichi periodi risolutamente volgari nel dominio italiano*, «Romania», t. XX, 1891, стр. 385—402.

¹⁷ Помимо ранее названных статей, специально посвященных документам 960 и 963 гг. и особенностям их языка, необходимо указать также следующие: А. Серулли, *Intorno a due antichissimi documenti di lingua italiana*, I — *La carta di Sessa Aurunca del 963*, II — *La seconda carta di Teano del 963*, «Studi medievali», vol. III, Torino, 1908—1911, стр. 117—126; М. Бартоли, *Sao ko kelle terre...*, «Lingua Nostra», vol. VI, fasc. 1, 1944—1945, стр. 1—6 (автор стремился показать наличие некоторых межобластных признаков в языке первого памятника); С. Пеллегрини, *Ancora Sao ko kelle terre*, «Lingua Nostra», vol. VIII, fasc. 2, 1947, стр. 33—35; А. Кастеллани, *Sao è un interregionalismo?* «Lingua Nostra», vol. XVII, fasc. 1, 1956, стр. 3—4 (автор отстаивает местное происхождение формы *sao*).

¹⁷ Н. Бруннер, *Forschungen zur Geschichte des deutschen und französischen Rechtes*, Stuttgart, 1894, стр. 277; см. также стр. 88 и сл. (о свидетельских показаниях, в том числе по лангобардскому праву).

¹⁸ Ср. В. Террачини, *L'«aureo Trecento» e lo spirito della lingua italiana*, *Giornale storico della letteratura italiana*, vol. CXXXIV, fasc. 1, Torino, 1957, стр. 4—5.

смысленное сходство с аналогичными латинскими формулами, которые в составе сходных судебных актов приводит Л. Муратори в своем собрании источников по истории Италии¹⁹.

Сказанное как будто бы несколько снижает ценность памятников, обедняет их в глазах историка. Однако в действительности то, что сейчас о них говорилось, составляет скорее их преимущество, чем недостаток. В самом деле, новизна этих документов в том и состоит, что показания свидетелей были зафиксированы в них не на латинском языке, как это делалось ранее, а по-итальянски, т. е. на том языке, на котором говорили истец и ответчик, свидетели и судьи, и прочие смертные. Возможности еще бесписьменного народного языка были использованы для построения этих элементарных, но вполне законченных юридических формул, от точного смысла которых, как можно полагать, зависел исход дела.

Каковы же были причины, побудившие капуанского судью Ареквизи и его коллег в Теано и Сесса Ауронка записывать свидетельские показания не по-латыни, а по-итальянски? Главной, наиболее общей причиной, объясняющей самую возможность такой записи, является, естественно, все возрастающая роль «volgare» — реального, живого языка итальянского общества. Непосредственная, ближайшая причина заключается, вероятно, в самом характере процессов, где речь шла о владении землей, т. е. о том, что составляло предмет сугубой материальной заинтересованности. Показания, записанные по-итальянски, выглядели убедительнее, правдоподобнее, имели вид подлинных, буквально точных свидетельств.

Было ли употребление «volgare» для записи свидетельских показаний определенной процессуальной особенностью, элементом судопроизводства в тех или иных землях Италии X в. (и последующих столетий), при каких именно условиях — на эти интересные и сложные вопросы трудно дать пока ответ. Очевидно, они относятся к тому кругу проблем, где были бы полезны совместные усилия филологов и историков права. Так или иначе, замечателен тот факт, что народный язык впервые обнаружил себя в письменной форме как раз в той области, где господство латыни, казалось, было безраздельным, — в юстиции.

Дата появления «Капуанской грамоты» и других сходных памятников в известной мере может считаться «случайной» (судебные процессы, отраженные в данных актах, могли состояться раньше или позже или даже вовсе не состояться и т. д.). Однако в этой случайности проявилась необходимая — назревшая общественная необходимость писать на «volgare», невозможность далее игнорировать объективно существующий живой язык.

*

Тысячелетний путь развития итальянской письменности отмечен созданием на итальянском языке многих замечательных художественных произведений и научных трудов, ставших ценным достоянием мировой культуры. Обозревая на исходе тысячелетия этот путь, мы видим в самом начале его краткие формулы монтекассинских свидетелей, в которых запечатлен «in perpetuum» исторически важный момент развития итальянского языка, а также итальянского общества — первый шаг народного языка в сфере письменного употребления. Понадобились еще целые столетия, чтобы итальянский язык, пройдя долгий период «первых памятников», стал языком развитой письменности и литературы и одержал в борьбе с латынью решающую победу.

А. А. Касаткин

¹⁹ L. Muratori, *Rerum Italicarum scriptores*, t. I, pt. II, Milano, 1725, стр. 423 и сл. («Scio, quia illae terrae per illos fines et mensuras, quas Paldefrit Comiti monstravimus, per triginta annos possedit pars Sancti Vincentii», 954 г.) и т. п.

КОНСУЛЬТАЦИИ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПО НЕПОСРЕДСТВЕННО-СОСТАВЛЯЮЩИМ

Одной из своеобразных черт языкознания XX в. является введение новых приемов анализа языкового материала, обусловленных изучением языка как системы. Новые методы, например анализ по непосредственно-составляющим (по НС), начали разрабатываться в Америке на материале америкейских языков.

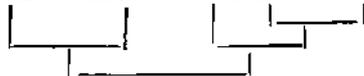
Анализ по НС основан на понимании языка как системы — явления многообразного, характеризующегося наличием различных уровней (ярусов), которые определяются не только по взаимоотношению компонентов в пределах каждого из них, но и по их связи между собой. Описание уровней языковой системы связано с использованием субституции (замещения) в качестве основного приема, обеспечивающего дистрибутивный анализ. В работах Л. Блумфилда, Э. Харриса, Ч. Хоккета, Е. Найда, Р. Уэллса и других замещение становится всеобщим приемом идентификации языковых единиц на любом уровне — от фонем до законченных высказываний. Использование этого приема на высших уровнях приводит к выводу о том, что в замещении могут участвовать единицы, отличающиеся и по строению, и по семантике, но сходные по функционированию. Так, например, сочетание *Tom and Dick* может замещаться словом *they*, представляя собой р а с п р о с т р а н е н и е (expansion) слова *they*.

Анализ по НС тесно связан с теорией модели (pattern) в языке, на которой он в известной степени основан, так как рассечение отрезка на составляющие его части определяется соответствием модели на данном уровне и в данном классе единиц.

Анализ по НС видится также на том, что единицы, выделяемые на любом уровне языковой системы, связаны друг с другом разнородными отношениями. Так, например, в предложении *Маленький мальчик бежал очень быстро*¹ слово *очень* по своему положению связано с предшествующим и с последующим словами. Ясно, однако, что непосредственно оно связано лишь со словом *быстро*, так как сочетание *бежал очень* бессмысленно. Не приходится говорить о том, что хотя слова *маленький* и *быстро* связаны между собой тем, что одно начинает, а другое заканчивает предложение, непосредственных связей между ними опять-таки нет, как нет их и между словами *маленький* и *очень*, *мальчик* и *быстро*, несмотря на то, что все они являются составляющими данного предложения, т. е. частями единого целого. Изучению подлежат лишь те отношения между составляющими, которые представляются наиболее тесными и ясны для говорящих на данном языке.

Представим эти связи схематически:

Маленький мальчик бежал очень быстро

На возможность подобного анализа языковых отрезков впервые указал Л. Блумфилд. Данный принцип связывается им с «фонетико-семантическим сходством форм»², хотя указывается и на необходимость учитывать структурные особенности единиц.

В течение почти десяти лет проблема анализа по НС не разрабатывалась, пока К. Пайк не опубликовал статью «Таксемы и непосредственно-составляющие»³, ис-

¹ Приведенный пример составлен по образцу примера, анализируемого в кн.: E. Nida, *Morphology*, Ann Arbor, 1957, стр. 87.

² L. Bloomfield, *Language*, New York, 1933, стр. 160, 161, 209, 221—222.

³ K. L. Pike, *Taxemes and immediate constituents*, «Language», vol. 19, № 2, 1943, стр. 65—82.

пользовав данный прием в области синтаксиса и морфологии. Эта работа вызвала оживленное обсуждение на страницах журнала «Languages», в ходе которого выявились различия в общей оценке анализа по НС и возможностей его применения⁴. В пятидесятые годы анализ по НС был распространен и на фонологию.⁵

*

Для оценки анализа по НС необходимо остановиться на особенностях применения его на всех уровнях языковой системы⁶, начиная с высшего — синтаксического, центральной единицей которого, по мнению американских лингвистов, является высказывание (utterance), т. е. «отрезок речи между двумя паузами» (З. Харрис), «ант речи» (Л. Влумфилд) или «предложение» (Ч. Фриэ). Любое высказывание, равное предложению на синтаксическом уровне, характеризуется, помимо составляющих его слов, определенным интонационным рисунком, который складывается из изменений высоты тона, распределения пауз и ударения, называемых с у п р а с л о в е с н ы м и к о м п о н е н т а м и высказывания (supraword components).

Первой операцией в анализе предложения является отделение супрасловесного, т. е. надлинейного, компонента от линейного звукового остатка, так как эти составляющие максимально самостоятельны, независимы друг от друга, а следовательно, степень спаянности их минимальна⁷. В сложном предложении сначала отделяются его составные части, а затем «снимается» интонационный контур каждой части, после чего анализируются линейные звуковые остатки.

Анализ линейного звукового остатка зависит от структуры предложения. В простом нераспространенном двусоставном предложении подлежащее и сказуемое являются двумя НС. При анализе простого распространенного предложения сначала в качестве НС отделяются группа подлежащего и группа сказуемого, затем в пределах каждой из них выводятся слои НС. Если в предложении присутствуют однородные члены, например: *books, papers, pens are (on the table)* «книги, бумаги, перья находятся (на столе)», то интерпретация может быть различной, и до сих пор остается нерешенным вопрос о том, надо ли объединять однородные подлежащие в один НС, противопоставив ему группу сказуемого, или выделять четыре одновременно существующих (simultaneous) НС, а может быть даже разбирать три пары НС: *books . . . are, papers . . . are, pens . . . are*.

При анализе сложного предложения методом НС возможна различная интерпретация материала, а некоторые вопросы остаются неразрешенными до сих пор. В сложносочиненном предложении после первого рассечения на НС, которые совпадают с его частями, каждая из них рассматривается самостоятельно. Что же касается анализа сложноподчиненного предложения, то мнения расходятся: так, например, Г. Глисон делит предложение *The old man who lives there has gone to his son's house* «Старик, который живет там, пошел в дом своего сына» на два НС: *The old man who lives there//has gone . . .*⁸ «Старик, который живет там, // пошел . . .». К. Пайк же предлагает иной путь анализа — выделить придаточное предложение в качестве самостоятельного НС в первом же слове, сопоставляя его с главным предложением как вторым НС⁹. Такое решение вводит проблему существования прерывистых (discontinuous) составных частей предложения, поскольку главное предложение, выступая в качестве самостоятельного НС после вычленения из него придаточного предложения, оказывается расторгнутым на две части: *the old man . . . has gone to his son's house* † † *who lives there* «старик . . . пошел в дом своего сына» † «который живет там». Аналогичным образом трактуется и выделение всякого рода вводных слов, например: *won't you please come* «будьте добры, пожалуйста, приходите» разлагается на *won't you . . . come* (1-й НС) и *please* (2-й НС), соответственно: «будьте добры . . . приходите † пожалуйста»¹⁰.

В этой связи уместно указать, что проблема членов предложения, их специфики и особенностей взаимоотношения не ставится в работах, посвященных анализу по НС, в силу того, что неудовлетворенность традиционными схемами классической грамматики с ее противопоставлением частей речи и членов предложения обусловила необходимость поисков иных структурных единиц. Однако материал, собранный в многочисленных работах, убедительно показывает, что большинство таких единиц совпадает по существу с тем, что было разработано десятки лет тому назад.

Не затрагиваются совершенно и вопросы, связанные с характеристикой свободных синтаксических сочетаний, несмотря на то, что весь анализ по НС, казалось бы,

⁴ Ср. Z. S. Harris, From morpheme to utterance, «Languages», vol. 22, № 3, 1946; его же, Methods in structural linguistics, Chicago, 1951, стр. 278.

⁵ См. Ch. N o s k e t t, A manual of phonology, Baltimore, 1955; см. также нашу рецензию на указ. работу (ВЯ, 1957, № 1).

⁶ Мы по возможности используем традиционную терминологию, более привычную для нашего читателя, и материал располагаем по обычной схеме анализа.

⁷ См. R. W e l l s, Immediate constituents, в кн.: «Readings in linguistics», ed. by M. Joos, Washington, 1957, стр. 206.

⁸ Г. Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 191.

⁹ К. Л. Пайк, указ. соч., стр. 77.

¹⁰ Там же, стр. 77.

должен был подвести к этой интереснейшей проблеме современного изучения синтаксиса, плодотворно разрабатываемой в нашем отечественном языковедении еще со времен Ф. Ф. Фортунатова. Деление предложения на НС напоминает выявление свободных словосочетаний, на самом же деле сходство этих приемов носит чисто внешний характер, так как изучение словосочетаний предполагает в первую очередь рассмотрение синтаксических связей слов, основанных на семантических взаимоотношениях между словами¹¹. Не приходится говорить о том, что абсолютно не отмечается разница между словосочетаниями свободными и устойчивыми, а вследствие этого все проблемы фразеологии остаются вне поля зрения ведущих дескриптивистов¹².

Синтаксические связи в высказывании практически почти не изучаются; Г. Глисон, например, пишет лишь о прямых и непрямых связях между словами, не определяя, в чем их суть, и у читателя создается впечатление, что в основе их лежат семантические взаимоотношения слов. Вскользь тот же автор упоминает об управлении и согласовании, отметив, что последний вид связи устанавливается между составляющими, но не между НС¹³. После работы Л. Блумфилда «Язык» все синтаксические связи сводятся лишь к двум типам — экзоцентрическим и эндоцентрическим¹⁴. В экзоцентрических конструкциях расчленение на НС происходит в месте стыка основных определяющих форм, например: *John//ran* «Джон//бежал», *beside//me* «около//меня», *in//the house* «в//доме», *bigger//than John* «больше//чем Джон», *if//I can go* «если//я смогу пойти» и т.п. В эндоцентрических конструкциях — в месте стыка определяемого и определяющего: *very fresh//milk* «очень свежее//молоко», но не *very//fresh milk* «очень//свежее молоко», потому что *очень* определяет *свежее*, а не *молоко*; также и в сложном предложении: *When he comes//I shall go home* «Когда он придет//я пойду домой». Однако не все примеры согласуются с этим правилом; так, К. Пайк считает, что в фразе *the very poor duchess* в первом же слове отделяется определенный артикль как один из НС, а остальная часть фразы является вторым НС, так как атрибут, в данном случае *the*, определяет всю конструкцию в целом, а не только ее центр; Р. Уэллс также считает, что в фразе *the king of England* необходимо сперва отделить артикль, а затем лишь проводить выделение следующих слоев НС, поскольку *the* — одна морфема, а *king of England* является распространением к *king*, тогда как *of England* не может быть рассмотрено как распространение чего-либо. В обоих случаях авторы не придерживаются правила о расчленении на НС в местах наименьшей структурной спаянности, о соблюдении которого они сами же пишут.

При анализе по НС неясным оказывается вообще положение служебных слов — союзов, предлогов и артиклей, так как у разных исследователей выделение их производится различным образом. При вычленении союзов, например, неизвестно, надо ли возводить их в самом начале в ранг подпоправных НС или включать в состав одного из НС: анализировать *John//and//Bill* «Джон//и//Билл» или *John//and Bill* «Джон//и Билл». Ч. Хоккет предлагает рассматривать союзы как особые метки, показатели (markers); в фразе *sons and daughters* «сыновья и дочери» НС, по его мнению, являются только *sons* и *daughters* «сыновья» и «дочери», тогда как *and* «и» является меткой или сигнализатором отношений между другими формами, показывающим, что какие-то словесные единицы имеются перед (*sons*) и после него (*daughters*) и что они представляют собой НС грамматической формы другого уровня¹⁵. Не менее сложным является вопрос о предлогах, рассматриваемых как особые метки при существительном.

Вообще естественно поставить вопрос о том, что представляют собой конечные составляющие (ultimate constituents) синтаксического уровня; из того, что было сказано выше, следует, что ими являются слова. Такого мнения придерживается Б. Блох, который пишет, что «элемент, выступающий в качестве конечного составляющего предложения, является типичным словом»¹⁶. Однако С. Чатмен указывает, что «мы разлагаем предложение на его конечные составляющие — морфемы»¹⁷, следуя за Л. Блумфилдом, который в своем известном анализе предложения *Poor John ran away* «Бедный Джон убежал прочь» в числе конечных составляющих упоминает морфему *a-* (соответственно в русском эквиваленте примера *у-* или *-ый*) наряду со словами *poor*, *John*, *ran*¹⁸. Ч. Хоккет отмечает, что в отдельных случаях

¹¹ Для сравнения можно сослаться на разработку английских примеров в книге А. И. Смирницкого «Синтаксис английского языка» (М., 1957, стр. 179).

¹² См. Ch. Hockett, A course in modern linguistics, New York, 1958, стр. 171—173.

¹³ Г. Глисон, указ. соч., стр. 203.

¹⁴ Экзоцентрическими называются такие соединения, в которых грамматическая характеристика целого не совпадает с грамматическими характеристиками составляющих частей, а эндоцентрическими — соединения, грамматическая характеристика которых совпадает с характеристикой одной из составляющих частей.

¹⁵ Ch. Hockett, A course in modern linguistics, стр. 153—154.

¹⁶ B. Bloch, Studies in colloquial Japanese II, «Language», vol. 22, № 3, 1946, стр. 205.

¹⁷ S. Chatman, Immediate constituents and expansion analysis, «Word», vol. 11, № 3, 1955, стр. 377.

¹⁸ L. Bloomfield, указ. соч., стр. 161.

может происходить выделение морфем уже на синтаксическом уровне; например, в предложении *She arrived on the twenty eighth day* «Она приехала на двадцать восьмой день» морфема *-th* (соответственно в русском *-ой*) отсекается на уровне синтаксиса, так как оставшаяся часть представляет собой синтаксическую конструкцию. На основании этого Ч. Хоккет пишет, что демаркационная линия между морфологией и синтаксисом определяется нечетко даже несмотря на то, что в целом мы безошибочно классифицируем конструкции как морфологические или как синтаксические»¹⁹. К. Пайк также считает, что пограничная линия во многих случаях не совсем ясна²⁰.

Вопрос этот связывается со сложнейшей проблемой взаимоотношения морфологии и синтаксиса в равнотемных языках. Попытки однозначного решения для всех языков приводит американских языковедов к преувеличению роли морфологии, так как в языках, где отсутствует дихотомия морфология — синтаксис (а большинство американских языков относится именно к этому типу), уже на первом уровне анализа происходит выделение морфем. Трактовка морфем в качестве единиц синтаксического уровня отличается коренным образом американское языковедение от всех других школ и направлений. Однако распространение такого подхода на языки индоевропейской семьи приводит к фактическому снятию синтаксиса как самостоятельной области грамматического строя, к растворению его в морфологии, особенно в работах Э. Харриса. На это указывают и сами дескриптивисты, например С. Чатмен, справедливо пишущий: «Читая Харриса, каждый действительно чувствует, что там нет синтаксиса *per se*»²¹. Преувеличенное внимание к морфологии сказывается также в игнорировании специфических особенностей предложения, в трактовке интонации в качестве особой морфемы (!) и в том, что фактически стираются грани между словом, морфемой, сложным словом и словосочетанием. Так положения, выработанные для бесписьменных языков, стали без должного учета специфики материала применяться к языкам с многолетней традицией звучания.

*

Заключив анализ слоев на синтаксическом (в традиционном понимании) уровне, исследователь переходит к установлению особенностей деления на НС на морфологическом уровне, который оценивается как самый важный, так как «с грамматической точки зрения скорее морфемы, а не слова, являются элементарными строевыми частями языка, хотя это ни в коей мере не означает, что слова не важны»²².

Так же, как и при синтаксическом анализе, первым шагом морфологического анализа является отделение ударения, т. е. «снятие» супраморфемного компонента (*supramorpheme component*), что важно прежде всего в языках типа латинского, так как в нем ударение, зависящее от долготы предпоследнего слога, является признаком целого слова и служит в известной степени показателем его границы.

Затем анализируется линейный звуковой остаток, т. е. слово, которое является высшей единицей для начала морфологического (в традиционном понимании) исследования, при условии, что оно не одноморфемно.

В случае полиморфемного слова деление на НС проводится так, чтобы по возможности один из составляющих максимально приближался к нормальному виду: в производных словах отсекаются словообразовательные морфемы — *battling*, а не *battling*, *manifestly*, а не *manifestly*; при словоизменении (формообразовании) вначале отделяются словообразующие элементы: *scissors* «ножницы». При разложении двухморфемного слова типа *blackberry* «черная смородина» конечный результат достигается уже в первом слое, тогда как полиморфемное слово дает возможность выделить несколько слоев НС: 1) *ungentlemanly*, 2) *gentlemanly*, 3) *gentleman*. Как и на синтаксическом уровне, могут встретиться случаи прерывистых составляющих, *sons-in-law* «пасынки» трактуется как *son...-in-law* + *s* или лат. *vinco* = *vic...o* + *n*.

Деление слова или высказывания на морфемы вызвало горячую полемику о сущности и определении морфемы, ее характерных особенностях и типах морфем. Косвенным образом при этом обсуждении все время затрагивался вопрос о расчленении слова на НС. Выявилось много спорных случаев, трактовка которых во многом зависела от взглядов ученых. Сомнения были вызваны даже примером блумфильдовского деления слова *away* на два НС: *a//way*, так как данное расчленение предполагает знание этимологического состава слова. Возник также вопрос о том, возможно ли дальнейшее разложение слова *disease* [di'zi:z] «болезнь», в котором два компонента выделяются лишь на основе этимологических данных. Удовлетворительного освещения данные случаи не получили, если не считать того, что было предложено различать морфемы, которые имеют ценность при анализе по НС (т. е. синхронически выделяемые), и морфемы, не имеющие таковой (т. е. диахронически выделяемые)²³. В этой

¹⁹ С. H. Hockett, A course in modern linguistics, стр. 168—169, а также стр. 178—179 и сл.

²⁰ K. L. Pike, указ. соч., стр. 76.

²¹ S. Chatman, указ. соч., стр. 381.

²² С. H. Hockett, A course in modern linguistics, стр. 148.

²³ D. L. Bolinger, On defining the morpheme, «Words», vol. 4, № 1, 1948, стр. 21—22.

связи уместно напомнить, что в русском языкознании процессы морфологической перестройки слов давно привлекали внимание ученых школы И. А. Водуэна де Куртене и В. А. Богородицкого, а также последующих поколений.

Весьма сложны и случаи типа *cranberry* «клюква», где первый компонент *cran-* встречается лишь в этом соединении, тогда как второй свободно выделим, так как является не только самостоятельным словом *berry* «ягода», но и используется в составе сложных слов: *strawberry* «земляника», *blackberry* «черная смородина» и др. Остается неизвестным, можно ли считать *cran-* морфемой: ведь если решить, что это не морфема, то она не может быть выделена на морфологическом уровне в качестве НС.

Другой, не более ясный случай представляет собой внутренняя флексия. Ср., например, англ. *feet* «ноги»: то ли это случай неразожимого далее одноморфемного слова, или же это пример прерывистой морфемы и допустимо разложение на *f...t + e*, или, наконец, можно принять трактовку З. Харриса *feet* как морфемного альтернатива от *foot +* нулевой альтернатива суффикса мн. числа *-s*²⁴; в последнем варианте возникает неразрешимая проблема выделения нулевых компонентов в качестве НС²⁵. Поэтому неслучайно, что при обсуждении статуса морфемы типа *feet* или морфем, образованных при помощи удвоения (типа греч. λέλοτα), обычно анализа по НС не используется; не привлекаются к анализу по НС и случаи типа лат. *nos*, трактуемого как *noctis* на основании сравнения с формой *noctis*, не говоря уже о еще более сложных случаях типа франц. *amx*, приравняваемого к *à + le* и называемого с к р ы т ы м (*portmanteau*) морфом. Такое препарирование данных языка объясняется тем, что для более успешного анализа морфы могут быть намеренно видоизменены²⁶. Показательно, что К. Пайк, разлагая слово *dishes* на два НС, объясняет, что это по существу морфема *dike*, в которой [k] замещено на [t], а [u:] на [ʌ]²⁷.

Требования особого морфемного анализа заставили ввести понятие п у с т о г о м о р ф а (*empty morph*) для случаев типа русского слова *пароход*, так как соединительная гласная, называемая этим новым термином, не относится ни к одной морфеме: возникает вопрос, на каких правах выступает данный пустой морф при анализе по НС, может ли он выделяться в качестве равноправного члена НС или, в угоду дихотомии, он должен быть присоединен к одной из морфем. Более того, в некоторых случаях вводится понятие вычитаемого морфа (*subtractive morph*), например франц. *bon* трактуется как «*bonne +* вычитаемый морф», состоящий из потерянного конечного согласного с назализацией предшествующего гласного²⁸. Остается без ответа вопрос о том, как трактовать подобные случаи и случаи различного типа. Следует добавить, что некоторые фонетические особенности (интонация, ударение и паузы) рассматриваются в качестве особых морфем одновременности (*simultaneous morphemes*).

*

Фонологический анализ по НС рассмотрен наиболее подробно в книге Ч. Хоккета «Руководство по фонологии», где дан не только подробный разбор этого приема лингвистического исследования, но и сделана попытка классифицировать языки в зависимости от принципов расчленения на НС; однако в более поздней работе — в «Курсе современной лингвистики» — он ограничивает использование анализа по НС лишь грамматическими уровнями. На фонологическом уровне в целом также обнаруживаются иерархические отношения.

При изучении интонации конечными составляющими (для английского языка) являются три уровня тона (*pitch levels*), три конечных контура (*terminal contours*) — нейтральный, повышающийся и понижающийся — и дополнительное повышение высоты (*extra height*)²⁹. Например, в фразе *Is it three o'clock?* «Сейчас три часа?» [ɪz ɪt θri: ə ˈ ʒ ɪ k l ɔ k t ʃ] в первом слове выделяются два НС: 1) добавочное повышение [ˆ] и 2) совокупность других уровней тона без добавочного повышения [ʒ ɪ k l ɔ k t ʃ]. Такое разделение обуславливается тем, что возможно интонирование фразы без добавочного повышения. Во втором слове НС являются: 1) два первых уровня [ʒ ɪ] и 2) центральные и конечный уровни тона [ʒ ɪ k l ɔ k t ʃ]. Это разделение основывается на том, что первые два уровня тона типичны лишь для данной фразы, а последние три являются обычным способом завершения любой фразы такого типа. Наконец, в третьем слове происходит отделение каждого из уровней тона, причем второй составляющий предыдущего слоя рассматривается как трехчленная конструкция, так как эти три тона рав-

²⁴ Все возможности трактовки данного случая описаны в статье: [Ch. Hockett, Two models of grammatical description, «Words», vol. 10, № 2, 1954.

²⁵ Понятие нулевого морфа появилось в Америке после работы: В. Блосх, English verb inflection, «Language», vol. 23, № 4, 1947.

²⁶ Ch. Hockett, Problems of morphemic analysis, «Language», vol. 23, № 4, 1947, стр. 326—327.

²⁷ K. L. Pike, указ. соч., стр. 72. Ср. А. Н. Гвоздев, О звуковом составе морфем, ВЯ, 1960, № 3.

²⁸ Ch. Hockett, Two models of grammatical description, стр. 224.

²⁹ Ch. Hockett, A manual of phonology, стр. 45. Цифры обозначают уровни тона: от низшего (1) до высшего (3), знак ˆ — добавочное повышение тона.

поправны⁸⁰. Акцентуационная система разобрана Ч. Хоккетом вскользь, хотя он и упоминает, что НС ее зависят от ударности и неударности слогов, причем второстепенное ударение и безударность являются конечными составляющими.

Основным уровнем фонологического анализа Ч. Хоккет считает слоговое деление. В каждом слове различаются три элемента одинакового структурного уровня: начало, вершина и исход слога, которые анализируются по слоям НС, зависящим от особенностей фонологической системы в целом. Для английского языка, например, в слове [bit] в первом слове производится отделение начала слога в качестве первого НС и соединение вершины и исхода — в качестве второго, так как связь исхода с вершиной, представленной кратким гласным, является более тесной: [b] [it], а не [b] [it]. Во втором слове производится отделение вершины от исхода слога, разлагаемого уже в следующем слове. Исследование доводится до выделения отдельных фонем, которые, в свою очередь, представляют собой пучки конечных составляющих, т. е. артикуляторных и акустических признаков, определяемых тем, что они зачастую координируют друг с другом: так, в системе гласных передний характер звука, например [i:], выступает на равных правах с верхним подъемом, назальность же гласных во французском языке занимает подчиненное положение (гласные встречаются и без нее).

При фонологическом анализе также встречаются сложные случаи. Так, в слове *believe* [bi'li:v] «верить» согласный [l] относится к обоим слогам одновременно, т. е. входит в состав каждого НС. Такой НС, фактически делимый между двумя НС, именуется Ч. Хоккетом с межным, или стержневым (shared constituent or pivot), а деление на НС имеет следующий вид: 1) [bi (l)] и 2) [(l)i : v], где скобки указывают, что один и тот же звук принадлежит двум НС. Нескольким неясно положение аффрикат, например [tʃ]; если это одна фонема, то уже в следующем слове выделяются конечные составляющие, если же это соединение фонем, то допустим еще один слой НС; решение вопроса зависит от всей фонологической модели языка.

Фонемы представляют собой пучки конечных составляющих, односоставные единицы среди них чрезвычайно редки (например, щелкающие звуки в некоторых африканских языках), поэтому выделение конечных составляющих связано с проведением не вертикальных, а горизонтальных разрезов, которые определяют сосуществующие единицы (для гласных, например: ряд, подъем, огубление, назальность и т. п.).

При анализе на фонологическом уровне мы также сталкиваемся с примерами, допускающими двойное толкование. Английские слова *cats* «кошки» и *cats* «хамы» и т. п. с морфологической точки зрения должны быть расчтены на НС: *cat//s — cat//s* [kæt//s — kæt//z], но фонетический облик исхода зависит от характера предшествующей согласной, потому что последующая фонема ассимилируется по глухости. Следовательно, на фонологическом уровне эти слова должны анализироваться как имеющие сложный исход. Ч. Хоккет предлагает при разложении данных исходов на составляющие начинать не с вертикального разреза, а с горизонтального, отделив сначала компонент [TS], не значимый в отношении сонорности, от глухости [H] или звонкости [A]; тогда исход [ts] = [TS] + [H], а исход [dz] = [TS] + [A] в качестве НС, и лишь в следующем слове вертикальный разрез отделит [T] и [S]. К такой процедуре анализа Ч. Хоккет приходит вполне закономерно, так как, по его мнению, фонологический анализ можно проводить независимо от внефонологических, прежде всего — морфологических, данных, за что Ч. Хоккета упрекал К. Пайк еще в 1947 г.⁸¹ Возможность фонемного анализа без знания грамматической системы языка отстаивается и некоторыми другими учеными, например В. Блохом и Г. Трейджером⁸². Наложение фонологического уровня на морфологический наблюдается и в многочисленных случаях омоимии: например *I'll* [aɪl] «я буду» и *isle* [aɪl] «остров», хотя в первом случае можно провести морфологическую границу между компонентами, а во втором — нельзя. Правильное расчленение здесь основано лишь на семантике.

Таковы особенности применения анализа по НС на трех основных уровнях языковой системы, после освещения которых мы перейдем к некоторым общим проблемам.

*

Одной из первых проблем было выяснение отношений, которые устанавливаются между НС. Как отметил Р. Питтмен⁸³, наиболее часто встречаются отношения субординации, при которых один из составляющих играет роль ядра (nucleus), а другой сопутствует ему, является своего рода сателлитом (satellite). В качестве ядер обычно выступает наиболее независимая часть, способная к самостоятельному существованию: главные предложения, имена и глаголы, корни и основы, ударные слоги, вершины слогов, гласные и т. п. Сателлитами чаще всего бывают придаточные предложения, всякого рода атрибуты (прилагательные, наречия), обстоятельства, аффиксы, формативы, безударные слоги, начала и исходы слогов, согласные и т. п. При этом наибольшую трудность составляет определение того, что в данной конструкции

⁸⁰ Там же, стр. 49.

⁸¹ K. L. Pike, Grammatical prerequisites to phonemic analysis, «Word», vol. 3, № 3, 1947, стр. 155—172.

⁸² V. Bloch and G. Trager, Outline of linguistic analysis, Baltimore, 1942.

⁸³ R. Pittman, Nuclear structures in linguistics, «Language», vol. 24, № 3, 1948, стр. 287—292.

является ядром, а что сателлитом. Кроме независимости, ядра могут определяться еще по целому ряду признаков, как то: больший размер класса, к которому относится данная единица, большие возможности сочетаемости, частотность употребления, эндоцентричность, длина, значение и, наконец, влияние модели (например, в *cranberry* второй НС — ядро, так как он является ядром в *blackberry*). Разумеется, есть большое количество случаев, в структуре которых компоненты сосуществуют на равных правах, т. е. связаны на основе координации: сочинительные конструкции, некоторые типы сложных слов и т. п.

Следующим важным моментом, который учитывается при анализе по НС, является их расположение по отношению друг к другу, т. е. а р а н ж и р о в к а. Очень показателен учет именно этой черты: основная разница в предложениях *John hit Bill* «Джон ударил Билла» и *Bill hit John* «Билл ударил Джона» объясняется лишь расположением НС, поскольку их состав различен в соответствующих слоях. Важность порядка расположения составляющих частей на любом уровне анализа нельзя отрицать, так как нет языков с абсолютно свободным размещением элементов: установленные прерывистых НС прямо зависят от порядка их следования, при фонемном анализе должны учитываться законы сочетаемости фонем и порядка их расположения.

При анализе по НС одной из основных проблем является установление места проведения разреза языковой конструкции, согласно дихотомическому принципу, на две части. К. Пайк перечисляет целый ряд критериев: принципы экзо- и эндоцентрического деления, деление по рангам и определителям, по структурному порядку, по связанности или свободе грамматических форм, по условию деривации или формообразования, по первичным аффиксам, по морфемам вообще, по позиционной структурной слабости, по принципу сохранения компонентами своего значения, по наличию пауз и по интонационным признакам, по учету аналогичных образований (*radio/s* по аналогии с *dog/s*), по удобству описания (1) и, наконец, по интуиции и здравому смыслу³⁴. К. Пайк не обходит молчанием критерий, связанные с семантической стороной, но отводит им место в самом конце своего перечня. Р. Уэллс в качестве основного критерия рассечения предлагает возможность замещения: если данная единица может быть замещена на большую, являющуюся ее распространением, значит сечение произведено правильно³⁵. Двумя другими критериями, по его мнению, являются: принцип выбора наиболее независимых друг от друга НС и принцип деления на слово. Р. Уэллс неоднократно напоминает, что прежде всего следует оставаться на чисто формальных позициях, оставляя до поры до времени значение в стороне. Следует отметить, что необходимость оперировать значением обнаруживается при первом же сложном случае, при решении которого невозможно обойтись без общей смысловой характеристики³⁶, например при расчленении на НС фразы: *The old men and women (came)* «(Пришли) старые мужчины и женщины». Этот пример не случайно привлекал многих, и анализ его неоднократно подвергался обсуждениям, так как он со всей очевидностью доказывает, что нельзя пренебрегать смысловой стороной и что без знания смысла невозможно разделение омонимичных конструкций типа [ðə sʌnz reɪz mi:t], которые можно понимать как *The sun's rays meet* «Лучи солнца встречаются» или *The sons raise meat* «Сыновья занимаются производством мяса».

Вопрос о местонахождении раздела на НС стал темой специального исследования С. Чатмена, который считает, что «если анализ по НС имеет какое-либо достоинство, то это — показать, какие иерархические отношения или ранги порядка имеются в речениях, для которых предварительно уже установлены морфемные классы форм и классы функций»³⁷. Целью анализа, по его мнению, является определение мест позиционной структурной слабости и их иерархии, так как метод распространений (Р. Уэллса) не является удовлетворительным, потому что не дает возможности определить иерархию конструкций и отличать главные сечения от второстепенных. Для этого С. Чатмен предлагает использовать теорию вероятности, так как чем больше потенциальная вероятность появления большего числа следующих элементов за данным, тем больше величина структурного сечения, отделяющего одну морфему от другой; например, в соединении *red hats* «красные шляпы» после *red* «красные» может быть очень большое число морфем (слов), а после *red hat* всего лишь две морфемы *-s* и *-ed*. Таким образом, первое главное сечение устанавливается после *red*, а второе после *hat*³⁸. С. Чатмен разбирает целое предложение *The boy played near the house* «Мальчик играл около дома», последовательно анализируя, сколько морфем (слов) может появиться после первого слова, после комбинации первого и второго, после комбинации 1 + 2 + 3 слова и т. п. Показательно, что он берет в качестве примера предложение, анализ которого вовсе не нуждается в таких сложностях, и обходит действительно трудные случаи типа *old men and women*, расчленение которых на НС невозможно без учета смысла — этого главного критерия на данном уровне анализа.

Во многих работах, посвященных анализу по НС, смысловой критерий рассматривается в качестве второстепенного фактора, зависящего от структурных моментов.

³⁴ K. L. Pike, *Taxemes and immediate constituents*, стр. 76—81.

³⁵ R. Wells, *Immediate constituents*, стр. 187 и сл.

³⁶ Там же, стр. 193.

³⁷ S. Chatman, указ. соч., стр. 378.

³⁸ Там же, стр. 382.

Так, Е. Найда пишет: «... бывают выражения, идентичные по форме, но различающиеся по значению, которое зависит от разницы в НС»³⁹. Ниже (в примечании) он, правда, указывает, что «в некоторых случаях только обращение к значению конструкции дает нам возможность определить комплект НС», добавляя тем не менее, что этот очень важный показатель не является единственным и не всегда на него можно положиться, так как действительно важен структурный момент — замещение. Такое отношение к семантике — важнейшему критерию, способному раскрыть содержание сложных примеров, невольно напоминает тот преодоленный историей языковедения этап, когда младограмматики в угоду фонетическим законам предлагали не прислушиваться к самым соблазнительным предложениям семантики.

Одной из центральных проблем анализа по НС является их количество. В основу обычно ложится принцип дихотомического деления, который последовательно проводится в работах Р. Уэллса, К. Пайка, Ч. Хоккета и других, возможно, не без влияния того, что этот принцип все больше проникает в языковедение из математики и становится модой⁴⁰, несмотря на то, что некоторые резонно возражают против этого, например Найда⁴¹. Однако не все придерживаются деления на две части, Б. Блох, например, считает возможным рассматривать конструкции из одного составляющего⁴². Против этого выступает Р. Уэллс, хотя делает оговорку, что разложение какой-либо конструкции более чем на два НС возможно лишь при условии, что она не может быть проанализирована на основе дихотомии⁴³. Ч. Хоккет, хотя и не признает служебные слова в качестве НС, не может тем не менее не признать и в жесте и в иже (multiple) составляющие типа *foot (pound) second* или *kg/m/sec* «кг/м/сек.», признает их и Пайк.

Выше был затронут вопрос о целях применения анализа по НС. Решение этого вопроса в известной степени определяет жизнеспособность самого приема. Но и по этому вопросу нет единства мнений. Ч. Хоккет, К. Пайк и другие считают, что он служит в качестве основного приема, который позволяет сделать первый шаг при дескриптивном подходе к языку, т. е. сегментировать языковой материал, выделить основные единицы, конструирующие модель языка, чтобы затем перейти к их классификации. С. Чатмен же считает, что анализ по НС должен проводиться после того, как установлены основные единицы языка, и целью его является определение иерархий точек расщепления языковой конструкции. За последнее время делаются попытки связать анализ по НС с вопросами перевода⁴⁴.

*

Таким образом, с одной стороны, этот метод исходит из системной обусловленности языковых явлений, что дает возможность учитывать очень тонкие структурные взаимоотношения между единицами языка, а также позволяет уточнить иерархические отношения. С другой стороны, попытки исходить лишь из структурных признаков ограничивают применение метода весьма простыми случаями и не дают возможности решить вопрос о взаимоотношении компонентов сложных в теоретическом отношении конструкций. Заслуживает одобрения попытка создать однотипный анализ для всех уровней языковой системы. Тем не менее приходится отметить, что подлинно единый метод не был создан, да, возможно, и не может быть создан в силу специфики каждого уровня.

Так, на синтаксическом уровне конечным составляющим является слово, на морфологическом уровне — морфемы. Последние делятся на фонологическом уровне вплоть до гучков конечных составляющих, которые не являются конститутивными единицами системы языка. Этим нарушается изоморфизм анализа.

С точки зрения общезыковедческой проблематики анализ по НС в области изучения синтаксических проблем уступает теории словосочетаний, разрабатываемой в нашем отечественном языковедении, именно в том, что в нем на первый план выступают формальные критерии в ущерб смысловому. Однако именно эта черта обусловила его применение в области прикладной лингвистики — в теории машинного перевода, так как построение конструкций определяет разложение их на компоненты, удобные для перевода, и позволяет выявить как общие условия моделирования, так и закономерности структуры языка⁴⁵.

Н. А. Слюсарева

³⁹ E. Nida, указ. соч., стр. 89.

⁴⁰ Мы не имеем в виду здесь теорию машинного перевода, так как принцип действия переводной машины основан на бинарной системе.

⁴¹ E. A. Nida, A system for the description of semantic elements, «Word», vol. 7, № 1, 1951, стр. 1—2.

⁴² B. Bloch, Studies in colloquial Japanese II, стр. 207.

⁴³ B. Wells, указ. соч., стр. 199.

⁴⁴ S. Ch. F. Hockett, Translation via immediate constituents, «International journal of American Linguistics», vol. 20, № 4, 1954, стр. 313—315. См. также статьи по машинному переводу, опубликованные в нашей печати.

⁴⁵ После того как данная статья была сдана в набор, мы ознакомились с работой (R. E. Longacre, String constituent analysis, «Language», vol. 36, № 1, 1960), автор которой, критикуя анализ по НС с иной точки зрения, приходит к некоторым выводам, сходным с нашими.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

Вопросы лингвистики в журнале «Турецкий язык»¹

В настоящем обзоре на числа статей, помещенных в журнале «Турецкий язык» за 1956—1960 гг., отмечаются наиболее значительные по содержанию лингвистические работы, дающие представление в общих чертах о проблематике, методологии и основных достижениях турецких языковедов. Усилия большинства лингвистов в Турции в настоящее время направлены на подготовку капитального труда — грамматики турецкого языка («Ana gramer»). В статье С. Синаноглу «Наши работы по языкознанию»² рассматривается структура подготовляемой грамматики, которая будет состоять из следующих разделов: «Фонетика» («Ses bilgisi»), «Лексика» («Kelime bölükleri»), «Морфология» («Şekil bilgisi»), «Семантика» («Anlam bilgisi»), «Синтаксис» («Sözdizimi bilgisi»), «Стилистика» («Anlatış bilgisi»), а также приложений: «Орфоэпия и орфография» («Kelimelerin söyleniş ve yazılışı»), «Пунктуация» («Yazı işaretleri, noktalama»), «Правила стихосложения» («Nazım prosodisi ve metrik bilgisi») и «Ритмика прозы» («Nesirde ritim»). С. Синаноглу указывает, что при подготовке этой грамматики следует брать пример с классических грамматических трудов, а также исследований по тюркским языкам, использовать методiku хорошо разработанных грамматик западных языков, привлекать труды по сравнительному и историческому языкознанию. Автор отмечает, кроме того, что турецкие языковеды подготавливают небольшой по объему «Грамматический справочник» («Gramer kılavuzu»), а также продолжают работу по упорядочению и уточнению грамматических правил и норм орфографии, имеющих в «Справочнике по орфографии» («İmlâ kılavuzu»).

За последние четыре года в журнале можно отметить единственную значительную статью по фонетике — «Длигие глас-

ные в турецком языке» М. Н. Ездарендели³. Полемизируя с Л. Лигети, признающим наличие долгих гласных в турецком языке, автор критически разбирает типы слов, в составе которых усматривали долгие гласные: 1) *zârif, râkîp*; 2) *dağ* [dâ], *eli ile* [elile]; 3) *kurşânî*. Арабские заимствования типа *zârif, râkîp*, указывает Ездарендели, по-турецки произносятся и пишутся как *zarif, rakip*. В словах *dağ, bağ* конечное *ğ* не произносится, но удлиняет предшествующий гласный звук. Удлинение гласного в словах типа *kurşânî* автор объясняет нарушением закона гармонии гласных. В результате он приходит к выводу об отсутствии долгих гласных в турецком языке.

Среди статей по морфологии следует отметить работу О. А. Аксой «Значения аффикса отношения»⁴, которая представляет собой дальнейшее развитие темы, затронутой автором ранее⁵. Рассмотрев ранее способы образования слов при помощи аффикса *-ya/-yi* и различные формы таких слов, в настоящей статье О. А. Аксой исследует семантику этого аффикса и приводит до тридцати его различных значений.

В статье С. Синаноглу «Употребление слова *kendi*»⁶ рассматриваются случаи специфического употребления возвратного местоимения *kendi*, вопрос о котором, как указывает автор, детально разработан в грамматике Ж. Дени, но до сих пор все еще недостаточно представлен в турецких школьных грамматиках. Синаноглу отмечает следующее употребление местоимения *kendi*: а) в качестве возвратного местоимения (*dönüşlü zamir*); б) в качестве определительного местоимения (*belirtme zamiri*), например *Ben kendim (= bizzat ben) karar verdim* «Я сам отдал приказ», в) в

¹ M. Necmettin Özdamar, Türkçede uzun ünlüler, TD, cilt V, № 54, 1956, стр. 348—354.

² Ömer A. Aksoy, Nisbet anlamları, TD, cilt VI, № 66, 1957, стр. 315—318.

³ Его же, *-ya/-yi nisbiyi Türkçeye çevirme yolları*, TD, cilt V, № 49, 1955, стр. 4—8.

⁴ Samim Sinanoğlu, *Kendi* kelimesinin kullanılışları, TD, cilt VII, № 79, 1958, стр. 323—325.

¹ «Türk dili» (TD). Aylık fikir ve edebiyat dergisi, №№ 64—106, Ankara, 1957—1960. Обзор лингвистических статей в журнале «Турецкий язык» за 1951—1956 гг. см. ВЯ, 1957, № 4.

² Samim Sinanoğlu, *Dilbilgisi çalışmalarımız*, TD, cilt VII, № 84, 1958, стр. 600—605.

качестве личного местоимения, например *Kendilerine (= Onlara) söyleyin* «Скажите им (самим)».

В статье С. Синаноглу «Опыт изучения сложных слов и их написание»⁷ рассматриваются различные типы сложных слов. Автор различает несколько типов сложных слов в зависимости от способа их образования: 1) фонетический способ. Он осуществляется: а) посредством постановки ударения на последний слог сложного слова (*yurtsever* «патриот»), б) посредством стяжения (*pastane* «кондитерская»), в) в результате выпадения или, наоборот, возникновения нового звука на рубеже двух компонентов сложного слова (*emretmek* «приказывать»); 2) морфологический способ. В качестве примера Синаноглу приводит здесь случаи, которые, с нашей точки зрения, следовало бы отнести к синтаксическому способу: это когда два самостоятельных имени, первоначально находившиеся в изафетной связи, стали восприниматься как одно слово (*onbaşı* «капрал», *ayakkabı* «башмак»); 3) синтаксический способ. В изложении Синаноглу он мало чем отличается от фонетического и осуществляется путем слияния двух самостоятельных слов (*hastane* «больница», *eczane* «аптека»); 4) семантический способ, когда сложное слово имеет новую семантику, отличную от семантики составляющих его простых слов, например: *tavşankulağı* «цикламен» < *tavşan* «заяц» + *kulağı* («ухо» (его)).

Статья С. Синаноглу «Опыт разделения слов на группы»⁸ посвящается классификации частей речи в турецком языке, которую автор строит с учетом семантического и грамматического принципов. В семантическом плане он подразделяет слова на: а) «значимые» (*kavgam kelimeleri*), куда относят имена существительные, глаголы, местоимения, прилагательные и наречия; б) «простейшие, или первичные» (*ilkel kelimeler*) — междометия (*ünlömler*) и подражательные слова (*uzansızmalar*); в) служебные слова (*âlet kelimeleri*) — послелоги (*son takılar*), союзы (*bağlaçlar*) и частицы (*edatçıklar*). В грамматическом плане автор подразделяет все группы слов на изменяемые (*çekimli*) и неизменяемые (*çekimsiz*). К первым он относит имена существительные, глаголы и местоимения. Деление слов на изменяемые и неизменяемые несколько условно, так как в этом случае не учитываются субстантивация, адвербиализация, прономинализация и другие столь свойственные турецкому языку явления, при которых стирается грань между изменяемыми и неизменяемыми словами.

Вопросам синтаксиса в журнале «Турецкий язык» уделяется весьма скромное

место. В статье «Объект и дополнение в простом предложении»⁹ С. Синаноглу устанавливает различие между рассматриваемыми членами предложения с точки зрения выполняемой ими роли в образовании предложения. Это различие автор иллюстрирует двумя примерами: *Ata bir dost gibi bakmalı*: «На лошадь надо смотреть как на друга» и *Sama taş atmayı*: «Не бросай камень в стекло». В первом примере *ata* (т. е. *at* + аффикс дат. падежа -а) рассматривается как «необходимый дополняющий элемент» (*gerekli olan bir tamamlayıcı öge*), без которого предложение будет лишено формы и смысла; во втором же примере *sama* (т. е. *sam* + аффикс дат. падежа -а) представляет собой лишь «распространяющий элемент» (*genişletici öge*). Автор относит *ata* в первом примере к категории «объекта» (*nesne*), а *sama* во втором примере — к «дополнению» (*tümlec*). С. Синаноглу выделяет специальные глаголы, которые могут иметь «объекты» (*nesnel fiiller*) — так называемые «объектные глаголы» (*nesnel fiiller*); они могут управлять всеми падежами (кроме родительного) или осуществлять управление при помощи послелога *ile*.

В статье Х. Эдискун «Исследования об инверсированном предложении»¹⁰ путем анализа фразеологического материала памятников турецкой письменности («*Dede Korkut kitabı*», «*Kabuşnâmes*», «*Şik-rişade Tarîhi* и др.) доказывается существование в далеком прошлом предложений с необычным для строя турецкого языка порядком слов (*devrik cümle*). Таким образом, факт падежи в современном турецком языке инверсированных предложений является результатом исторического развития, а не продуктом современности. В статье приводится подробная схема различных типов инверсии в простом и в придаточном предложениях, иллюстрируемая многочисленными примерами. Надо отметить, что автор ограничил свое исследование лишь формами инверсии, оставив в стороне вопрос о смысловом значении и эмоциональной окраске инверсии в турецком предложении.

Рассмотрению синтаксических функций и значений имен в дательном падеже посвящена статья С. Синаноглу «Имя в направительном падеже»¹¹.

Развитие словарного состава турецкого языка за последние десятилетия, появление большого количества неологизмов и новых терминов обуславливают тот интерес и внимание, которое проявляют турецкие лингвисты к вопросам лексикологии и семасиологии. Среди статей по вопро-

⁷ Его же, *Bileşik kelimeler ve yazılışları üzerine deneme*, TD, cilt VIII, № 85, 1958, стр. 7—12.

⁸ Его же, *Kelimelerin bölüklere ayrılması üzerine deneme*, TD, cilt VIII, № 88, 1959, стр. 197—201.

⁹ Его же, *Basit cümlede nesne ve tümlec*, TD, cilt VI, № 67, 1957, стр. 368—371.

¹⁰ *Haydar Ediskun*, *Devrik cümle üzerinde bir araştırma*, TD, cilt IX, № 100, 1960, стр. 193—197.

¹¹ *Samim Sinaoğlu*, *Yöneliş düşümlü ad*, TD, cilt IX, № 103, 1960, стр. 337—339.

сам семантики и этимологии, опубликованных за последние три года в рассматриваемом журнале, отметим работу А. Ивана, в которой разбираются пары синонимов *börü* — *kurt* и *yok* — *hayır*¹³. *Börü* «волк» у огузов было заменено словом *kurt*, что отмечал еще Махмуд Кашгарский. А. Иван считает, что *börü* было табу у огузов. Как и у многих других народов, для обозначения волка имелось несколько названий; ср., например, русск. *волк* = *бирюк* (< *börü*), нем. *Wolf* «волк» = *Geißert* «черви» (интересно, что в турецком *kurt* также имеет значения «волк» и «червь»). Касаясь синонимической пары отрицаний *yok* — *hayır* «нет», автор придерживается мнения, что *hayır* употреблялось первоначально в языке как эвфемизм, в то время как *yok* было табу. В доказательство этого автор приводит поговорку *Yok — şeytanın adıdır* «Нет — имя дьявола».

Внимание исследователей привлекла энклитика *-da/-de*, которой посвящены статьи Т. Текина «Происхождение энклитики *-da/-de*»¹⁴, А. У. Эльве «Некоторые соображения относительно *-da/-de*»¹⁴ и ответ Т. Текина на статью А. У. Эльве «О наречии *daha* и частице *da/de*»¹⁵. В первой из этих статей указывается, что употребление энклитики *-da/-de* в турецком языке впервые зарегистрировано в текстах XVI в.; ранее, в памятниках XIII—XV вв., энклитика употреблялась в виде *dađı*, *dađı*, *dađı*. Отмечая случай употребления энклитики в форме *dađ*, Текин вносит поправку в выдвинутую Ж. Дени схему развития рассматриваемой энклитики (т. е. *dađ > *dađ > *dah > da*). Во второй статье также делается попытка установить происхождение энклитики *-da/-de*. А. У. Эльве считает, что энклитика происходит от слова *taki*, восходящего к словам *takılı*, *takık* «еще больше, еще», и вносит дополнительные коррективы в схемы Ж. Дени и Т. Текина: *taki > dađı > dađı > dahi > daha > da(·)a > da/de*. В другой статье А. У. Эльве исследуется этимология слова *bıldır* «прошлый год»¹⁶.

В «Заметке о слове *gerçek*»¹⁷ А. Иван отмечает существование этого слова в западных огузских языках и в весьма уда-

ленном от них якутском языке (в вариантах *kirdik*, *kircik*, *kircik*, которые приведены по словарю Пекарского) с одинаковым значением «истина, правдивость, достоверность». Автор возводит этимологию *gerçek* к слову *kirtü* ~ *kertü* < *kert* ~ *kirt* «зарубка»: по обычаям древних тюркоязычных народов в знак верности и дружбы на деревьях вырубались специальные знаки-зарубки. Этимология слова *omuz* посвящена заметка Т. Текина¹⁸, который устанавливает происхождение этого слова из греч. *ómos*, отмечая, что до XVI в. в турецком языке в том же значении употреблялось тюркское *çigin*.

Конур посвятил свою статью союзу *ve* «и», который был заимствован из арабского и который вытеснил в турецком языке ранее употреблявшиеся в этом же значении *ulayı*, *ulati*, *birle*, *bile*, *birlen*, *evirü*, *taki* > *dahi*¹⁹.

В статье «Создавая слово»²⁰ Т. Текин отмечает, что в силу пуристических тенденций в турецком языке стали широко использоваться не только архаизмы, почерпнутые из старотурецких и древнетюркских источников, но и архаические способы словообразования, при применении которых не учитывались особенности грамматического строя современного турецкого языка, а подчас — и специфика самих словообразовательных формантов (по образцу *korkunc*, например, образовано *ilginç* без учета того, что *-nc* — аффикс отглагольного, а не отыменного словообразования). Считая наиболее эффективным средством очищения турецкого языка от иностранных заимствований словотворчество, автор отмечает два основных принципа, которые должны при этом соблюдаться: 1) соответствие новых слов грамматическим законам турецкого языка, 2) соответствие новых слов правилам турецкого произношения.

В журнале «Турецкий язык» проблемам терминологии всегда уделяется значительное место. В номерах за последние четыре года этим вопросам посвящен ряд статей: в одной из них рассматриваются общие проблемы терминологии и сущность термина²¹, в других — конкретные вопросы научной, технической и других отраслей терминологии²². Для данных ста-

¹³ Abdülkadir İnan, *Börü = kurt ve yok = hayır kelimeleri üzerine*, TD, cilt VII, № 84, стр. 606—608.

¹⁴ Talât Tekin, *-da/-de bağlayıcısının türeyişi*, TD, cilt VII, № 78, 1958, стр. 276—277.

¹⁵ Ali Ulvi Elöve, *-da/-de üzerine bazı düşünceler*, TD, cilt VII, № 81, 1958, стр. 454—457.

¹⁶ Talât Tekin, *daha zarfı ve da/de edatı hakkında*, TD, cilt VII, № 83, 1958, стр. 560—562.

¹⁷ Ali Ulvi Elöve, *bıldır, bir yıldır kelimeleri üzerine*, TD, cilt V, № 53, 1956, стр. 309—313.

¹⁸ Abdülkadir İnan, *Gerçek kelimesi üzerine not*, TD, cilt VIII, № 96, 1959, стр. 687.

¹⁸ Talât Tekin, *omuz kelimesi hakkında*, TD, cilt IX, № 104, 1960, стр. 402—403.

¹⁹ Konur, *ve*, TD, cilt VII, № 75, стр. 119—121.

²⁰ Talât Tekin, *Kelime yaratırken*, TD, cilt VIII, № 90, 1959, стр. 307—309.

²¹ A. D., *Terim nedir?*, TD, cilt VI, № 64, 1957, стр. 205—210.

²² Ali Rıza Önder, *Mahkemelerimizin dili*, TD, cilt VI, № 66, 1957, стр. 324—325; Hüseyin H. Cöntürk, *Edebiyat eleştirisi terimleri*, TD, cilt V, № 54, 1956, стр. 374—375; Refik Topkan, *Spor terimleri üzerine*, TD, cilt VII, № 79, 1958, стр. 346; Mustafa Şerif Onaran, *Hekimlik dili*, TD, cilt VII, № 78, 1958, стр. 383—384.

тей общим является стремление выработать систему научных и технических терминов, пользуясь средствами турецкого языка и применяя иностранные термины только в тех случаях, когда невозможно найти подходящие для этого слова в родном языке. Таким образом, пуристическое течение в Турции продолжает развиваться весьма активно, хотя в настоящее время сфера его ограничилась главным образом вопросами терминологии.

*

Число статей, посвященных диалектологии, в журнале значительно возросло по сравнению с прошедшими годами. Для этих статей характерно то, что их авторы ограничивают свои наблюдения главным образом фонетическими особенностями отдельных говоров и диалектов турецкого языка; лексические же, морфологические и синтаксические особенности, представляющие большой интерес для тюркологов, до сих пор остаются неисследованными.

А. Р. Ендер в статье «Диалект Центральной Анатолии»²⁵ отмечает, что современные турецкие диалекты в географическом отношении распределяются следующим образом: районы Восточной Анатолии, побережья Черного моря, Эгейского моря, Стамбул, районы Центральной Анатолии. Автор считает возможным объединить диалект юго-восточной Анатолии с восточно-анатолийским, а диалекты побережья Средиземного моря и Центральной Анатолии с эгейским диалектом турецкого языка. Ендер исследует в своей статье одну из характерных, по его мнению, фонетических особенностей среднеанатолийского диалекта — «смягчение» (*yumuşaklık*) некоторых глухих согласных в начале, середине и конце слова. Например, *k > g* в начале слова: вместо *kadın — gadın* «женщина»; *k > ğ > h* в середине слова: вместо *okutak — ohutah* «читать», вместо *akşam — aĝşam* «вечер»; *k > h* в конце слова: вместо *soğuk — soĝuk* «холод». В области вокализма автор отмечает в среднеанатолийском диалекте тенденцию перехода уяких губных гласных в широкие (*ü > ö*, например, *büyük > böyük* «большой») и передних гласных — в задние (*ö > o*, например *köy — koğ* «деревня»). А. Р. Ендер отмечает «мягкость» (*yumuşaklık*) среднеанатолийских диалектов.

В статье О. Атилла «Турки Афьон Карахисара»²⁴ также рассматриваются главным образом фонетические особенности диалекта района Афьон Карахисара в Центральной Анатолии. Автор отмечает, в частности, удвоение согласных в середине слова (например, *yasak — yassak* «запрещенный», *küçük — güççük* «маленький»). К этой же группе статей примыкает работа Т. Алангу «Стамбульский говор —

турецкий язык Турции»²⁶. Статья Х. Эрена «Тюрки и тюркские языки в Афганистане»²⁶ носит характер краткого обзора литературы по данному вопросу. Автор дополнительно указывает, что в Афганистане имеются весьма многочисленные узбекские и туркменские племена, среди которых особый интерес в языковом отношении представляют племена кызыл-башей (*Kızıl-baş*) и ашаров (*Auşar*). В северной части Афганистана, как отмечает автор, живут до сих пор не изученные тюркоязычные племена. Касаясь языковых особенностей тюркоязычных племен, Х. Эрен указывает на существование кыпчакских, огузских, турецких и персидских элементов в их языках. Статья представляла бы больший интерес, если бы в ней содержались языковые материалы.

В журнале слабо представлены исследования в области истории языка. В статье «Тюркские произведения, написанные на смешанных диалектах (XV—XVI вв.)»²⁷, А. Инан отмечает несколько значительных произведений этого периода, которые написаны на смешанных кыпчакско-туркменских диалектах и рукописей которых имеются в Стамбуле, — «*Kitab-ı ilm-in-neşab*», «*Kitab-il-hayel*» и др. Наиболее характерной в отношении языка является «*Kitab-üd-dav'a*». А. Инан отмечает, что эта книга, отражающая фонетические и морфологические особенности кыпчакских и огузских языков, содержит сравнительно незначительное количество арабских и персидских элементов. В качестве образца смешанного диалекта автор приводит выдержки из этой книги, особо обращая внимание читателя на случаи контаминации отдельных элементов, характерных для туркменского (огузского) и кыпчакских языков, например: *olınan < ol(in)* (туркм.) + *-gan* (кыпчак); *vergen < ver-* (туркм.) + *-gen* (кыпчак).

В небольшой заметке «Тюркские языки во времена Алишера Навои»²⁸ отмечается отсутствие установившихся литературных письменных языков в XIV—XV вв. у многих тюркоязычных народов, с одной стороны, и заслуги Алишера Навои в деле развития и становления литературного «чагатайского языка» — с другой.

*

Вопросы орфографии и орфоэпии благодаря своему большому практическому значению получают все более подробное освещение на страницах рассматриваемого

²⁵ Tahir Alangu, İstanbul şivesi — Türkiye türkçesi, TD, cilt VII, № 77, 1958, стр. 225—226.

²⁶ Hasan Eren, Afganistan'da türkler ve türk dili, TD, cilt VII, № 73, 1957, стр. 10—12.

²⁷ Abdülkadir Inan, Karışık lehçelerle yazılan türkçe eserler (XV—XVI. yüzyıllar), TD, cilt V, № 53, 1956, стр. 272—275.

²⁸ A. I., Ali Şir Nevayi devrinde türkçe, там же, стр. 276—277.

²³ Ali Rıza Önder, İç Anadolu ağzı, TD, cilt VII, № 78, 1958, стр. 278—282.

²⁴ Osman Atilla, Afyon Karahisar ürkleri, TD, cilt VI, № 67, 1957, стр. 375—80.

журнала. В статье «Об орфографическом справочнике»²⁹ Х. Эдискун подвергает критическому разбору орфографический словарь турецкого языка 1956 г.³⁰ Автор отмечает различия в написании и произношении некоторых слов в турецком языке, что противоречит фонетическому принципу орфографии, принятому в этом языке. Так, наблюдается тенденция писать и произносить вместо *çocukcağız* «дети» *çocukcaşz*, вместо *dirhem* «дирхем» — *dirēt*. Некоторые звуки при произношении оглушаются, например: *gasız* < *gazız* «без газа», *kırpe* < *kubbe* «купол» и т. д. Далее автор указывает на расхождения, существующие в практике написания ряда заимствованных иностранных слов. Так, например, слово «обсерватория» пишется по-турецки как *observatuar*, а произносится как *observatuvar*. В заключении Х. Эдискун отмечает, что классификация фонем турецкого языка строится с учетом закономерностей этого языка. В ряде статей рассматриваются частные вопросы турецкой орфографии³¹. Мнение о том, что заимствования должны быть подчинены фонетической и морфологической системе турецкого языка, поддерживается в статье «Орфография слов, заимствованных с Запада»³². Этой же точки зрения придерживается О. А. Аксой в статье «Испорченность произношения наших алфавит»³³ — единственной статье, в которой представлены вопросы орфоэпии за последние четыре года в «Türk dili».

До недавнего прошлого в журнале «Турецкий язык» в весьма незначительном ко-

личестве помещалась информация о работе в области языка и литературы в других странах, в том числе и в Советском Союзе. В последние же годы в журнале появился специальный раздел «Информация о других языках» («Başka dillerden haberler»), в котором помещаются краткие сведения о наиболее значительных достижениях в области языковедения за рубежом.

Существенные изменения произошли и в отношении публикации материалов о Советском Союзе. Визит генерального секретаря Общества турецкого языка А. С. Левенда в СССР в конце 1958 г. в связи с празднованием юбилея великого азербайджанского поэта Фузули положил, можно надеяться, начало более тесному контакту между советскими и турецкими востоковедами. А. С. Левенд опубликовал в журнале серию статей о своей поездке в Баку и Москву, в которых познакомил турецких читателей с работами советских языковедов³⁴. В последние годы в журнале стали помещаться работы советских тюркологов; так, например, были опубликованы две статьи советского тюрколога К. М. Любимова по конкретным вопросам турецкой грамматики³⁵.

Хорошей традицией журнала стала публикация кратких сведений о жизни и научной деятельности крупнейших востоковедов, избранных почетными членами Общества турецкого языка, в том числе трех советских востоковедов: члена-корр. АН СССР проф. А. Н. Кононова, проф. Х. Араслы, проф. Э. В. Севортына³⁶.

Заканчивая краткий обзор журнала «Турецкий язык», следует отметить также и некоторые его недостатки; так, еще мало в журнале разрабатываются проблемы грамматики турецкого языка и особенно синтаксиса, немного печатается статей по общим проблемам языковедения и тюркологии. Тем не менее указанные недочеты весьма легко устранимы и не оказывают существенного влияния на основную задачу и цель журнала — пробудить у читателей интерес к научному осмыслению языка, внедрить новые нормы турецкого языка, воспитывать молодых языковедов и литераторов.

А. Н. Баскаков

²⁹ N a y d a g E d i s k u n, «İmlâ kılavuzu»na dair, I — TD, cilt VI, № 71, 1957, стр. 608—613, II — там же, № 72, стр. 655—661, III — cilt VII, № 73, 1957, стр. 3—9, IV — там же, № 74, стр. 74—78.

³⁰ «İmlâ kılavuzu», Ankara, 1956.

³¹ S a m i m S i n a n o ğ l u, Özel isimler ve baş harflerinin yazılışı, TD, cilt VI, № 69, 1957, стр. 480—483; S e m a v i E y i s e, Bizans adlarının dilimizde yazılışı hakkında, TD, cilt VII, № 76, 1958, стр. 160—163; K â z i m N. D u r u, Gazetelerde imlâmız, TD, cilt V, № 54, 1956, стр. 361—362.

³² A. D., Batıdan alınan kelimelerin imlâsı, TD, cilt V, № 54, 1956, стр. 344—347.

³³ Ö m e r A. A k s o y, Söyleyiş bozukluğu ve alfabemiz, I — TD, cilt VII, № 84, 1958, стр. 598—600, II — TD, cilt VIII, № 85, 1958, стр. 4—6.

³⁴ См. TD, cilt VIII, № 89—94, 1959.

³⁵ См. TD, cilt VIII, № 89, 1959; cilt VIII, № 96, 1959; cilt IX, № 103, 104, 1960.

³⁶ См.: TD, cilt VIII, № 96, 1959; cilt IX, № 97, 1959; cilt IX, № 103, 1960.

РЕЦЕНЗИИ

L. Sadnik. Slavische Akzentuation, I — Die vorhistorische Zeit. — Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1959. XVI + 172 стр.

После работ Е. Куриловича («L'accentuation des langues indo-européennes»¹) и Хр. Станга («Slavonic accentuation»²) стало ясно, что балто-славянская акцентология стоит на пути основательного пересмотра традиционных положений и методов. За предшествующий период была накоплена масса фактов, часто не вмещающихся в какую-либо одну определенную систему, а также сопоставлений и гипотез, нередко исключаящих друг друга. Именно поэтому систематизация сочеталась с резкой критикой результатов, полученных классической акцентологией. Впечатление отказа от основных положений классической акцентологии создается главным образом потому, что сторонники более осторожного подхода к классическому наследию до последнего времени избегали выступать с большими систематизирующими трудами, ограничиваясь лишь частной критикой работ нового направления. Казалось, им нечего противопоставить смелым гипотезам авторов упомянутых выше исследований. Тем больший интерес пробуждает рецензируемая новая большая работа по акцентологии, автор которой остается в основном на позициях классической акцентологии.

Во введении Л. Садник характеризует свою книгу как нечто среднее между изложением и исследованием. Действительно, автор подобной работы вынужден затронуть много частных проблем, при этом часто лишь конспективно касаясь вопросов, стоящих в центре борьбы мнений. Данная рецензия не ставит своей целью всесторонне охарактеризовать этот труд. Ее задача показать, как в данной книге автор пытается ответить на проблемы, вокруг которых ведется сейчас особенно интенсивная борьба.

По вопросу о происхождении балто-славянских интонаций Л. Садник принимает традиционные теории: как теорию происхождения интонаций внутренних слогов Фортунатова — Соссюра — Бенценбергера, так и теорию интонаций конечных слогов Бенценбергера — Хансена — Хирта. Новую интерпретацию соотношений, установленных Фортунатовым, Сос-

сюром и Бенценбергером (*ir, il < ĭ, ĭ̄, ěr, ěl < ěr, ěl* или *erā, elā* и т. д.), которую предложил Вайан (*ir, il < r̄h, l̄h, ěr, ěl < erh, eth* и т. п.), Л. Садник считает весьма вероятной. Очевидно характерно, что автор принимает традиционную теорию интонации конечных слогов. Действительно, соотношения, установленные Бенценбергером и Хансеном (литов. *gerb-ji*: греч. γαράθη; гот. *giba* ~ литов. *gerōs*: греч. γαράθης; гот. *gibas* и др.; ср. также сверхдолготы в ведийском), не могут быть отвергнуты: по-видимому, мы должны считаться с единством исходной точки развития. Принятие этих теорий определяет взгляд на интонации как на явление, не зависящее от ударения, а это позволяет принять традиционное толкование закона Фортунатова — де Соссюра. Работа Хр. Станга довольно ясно показала, что для доказательства действия закона Фортунатова — де Соссюра в славянских языках нельзя опираться непосредственно на чередования места ударения в именах. Из этого исходит, видимо, автор рецензируемой работы, когда пишет: «Обоснованным возражениям против такого передвижения акцента на славянской почве можно привести так же мало, как и решающих доказательств его» (стр. 24).

Очевидно, поэтому наиболее явным доказательством действия закона Фортунатова — де Соссюра автор считает движение акцента в презенсе *-ĭe/o-* глаголов типа русск. *орб*: *брет* (ср. литов. *arū*: *āria*), в противоположность славянскому акцентированному типу этих глаголов — русск. *оно-яшу*: *оно-яшет* (ср. стр. 24—25). Но принятие закона Фортунатова — де Соссюра сопровождается у автора отрицанием непреложности его действия; этот закон рассматривается лишь как тенденция, осуществлявшаяся факультативно в условиях следования «ударенный циркумфлекс — акут» (см. стр. 24—26). Такая уступка вряд ли вызывается материалом; ведь в системе имени единственным «рефлексом» закона Фортунатова — де Соссюра является обусловленность подвижности акцента интонацией корня. Что касается второго условия действия закона (интонация окончаний), то нужно думать, что совпадение в подвижной парадигме трех типов различных парадигм, вероятно, не могло не изменить первоначальной картины. Да и в литовском акцентная кривая парадигмы могла во многом измениться.

Объяснение чередования ударения в *-ĭe/o-* глаголах, согласно закону Фортунатова — де Соссюра, требует иного, чем у Хр. Станга,

¹ См. рецензию В. ч. В. И в а н о в а (ВЯ, 1954, № 4).

² См. рецензию Л. А. Б у л а х о в с к о г о (ВЯ, 1958, № 4).

объяснения метатонии в этом типе глаголов. Общеславянская метатония рассматривается Л. Садником как производная передвижения ударения с конечных сверхкратких *ъ* и *ь*, но не сводится полностью к этому передвижению.

После возникновения нового акута в типе чакав. *kūt : kūlā, trpīš : trpītē*, по мнению автора, создано положение, при котором в приставочных глаголах чередование акцента типа *poŕęgnęty : poŕęgnęty* должно было рассматриваться языковым сознанием как чередование, вызванное отступлением акцента, что и привело к новоаккутовой метатонии в приставочных глаголах, которая в свою очередь распространилась на связанные с ними бесприставочные глаголы и отглагольные имена. При таком объяснении новый циркумфлекс должен рассматриваться и рассматривается автором как более позднее явление, возникшее уже в отдельных славянских языках. Более поздним явлением автор считает и новоаккут краткостей. Строй таким образом систему праславянского ударения, автор, естественно, отказывается от фонетического толкования явлений, объединяемых под именем закона Шахматова, которые находят в работе объяснение как морфологическое следствие подвижности ударения в циркумфлектированных именах.

Принимая установленное Куриловичем структурное тождество этих явлений (обычно объясняемых по закону Шахматова) с подвижностью ударения в именах, Л. Садник тем не менее не соглашается полностью с предложенным этим ученым объяснением подвижности. Она считает более вероятным влияние на тематические имена подвижности в корневых именах. Это влияние происходит различно в разных типах основ. В основах на *-a* в подвижную парадигму втягиваются первоначально старые окситонированные имена и лишь затем к ним присоединяется немногочисленная группа краткосложных славянских баритонированных имен. Славянский окситонированный тип *rekā : reky* рассматривается автором как вторичный. Потеря славянского акутированного подвижного типа выступает как результат действия аналогии.

Напротив, в подвижном типе *o*-основ мужского рода усматривается продолжение индоевропейского баритонированного краткостного типа: индоевропейский окситонированный тип представлен славянским окситонированным типом чакав. *kūt : kūlā*, русск. *боб : бобá*. Не совсем ясно, как автор рассматривает противоречивые показания имен муж. рода на *-a*, так называемого подвижного акута, из которых далеко не все относятся, подобно серб. *mīr*, род. падеж *mīga*, к славянской окситонированной парадигме.

В акцентологической системе славянского глагола автор видит, в отличие от Хр. Станга, две первоначальные парадигмы, распределение которых связано со структурными особенностями глагольной основы. Подвижность акцента в презенсе глаголов на *-je-* объясняется действием закона Фор-

тунатова — де Соссюра. При таком толковании все глаголы этого типа относятся к первоначально баритонированной парадигме. Окситонеза тематических глаголов объясняется стремлением дифференцировать формы презенса от форм тематического аориста (*nesetib : nęset*). Этот процесс, по мнению автора, охватил краткосложные основы и лишь затем ему подчинились основы с акутированным корнем. Баритонные ударения форм типа *lęgy : lęgyty*, *krādy : krādyty* объясняются как остаточные явления; в формах *būdešy, sędešy, lęžešy* отсутствовала необходимость их перехода в окситонированный тип. Ударение *męžešy* автор считает вторичным. Переходу тематических глаголов в окситонный тип способствовало наличие поддобного ударения в полутематических глаголов типа чакав. *trpīš : trpītē*. Л. Садник не считает возможным принять точку зрения Хр. Станга об акцентном противопоставлении каузативов и итеративов, справедливо считая, что нельзя отрывать акцентную парадигму глаголов типа *nošy : nęšy* от акцентной парадигмы типа *stāvyo : stāvyty*².

Таким образом, глаголы на *-i-* распределяются Л. Садником по двум акцентным парадигмам (в отличие от Хр. Станга, у которого, как известно, восстанавливаются три акцентные парадигмы). Система презенса выступает, следовательно, в виде двух противопоставленных акцентных парадигм (см. табл. 1).

Сюда же входит несколько тематических глаголов, которые Л. Садник рассматривает как остаточные, сохранившие древнейшее состояние: *sędy, będy, lęgy, krādy, lęry*; к ним позднее примкнули такие глаголы, как *jędy, męgy*.

Нетематические глаголы образуют лишь одну акцентную парадигму (окситонированную) (см. табл. 2).

Дихотомия презенса, по мнению автора, соответствовала единой баритонированной парадигме тематического аориста, а также аориста *-i-* глаголов, восходящего в обоих случаях к формам старого имперфекта: серб. *pęše, tręše, lęmi, ndsi*. Ударе-

² Здесь респондим, с нашей точки зрения, является отсутствие единого принципа распределения основ на восстанавливаемые Хр. Стангом три парадигмы (*a, b, c*): если в третьей парадигме (*c*) входит как циркумфлектированные и краткостные, так и акутированные глаголы, то для первых двух парадигм интонация корневого слога является основным критерием распределения; таким образом, акутированные глаголы входят в парадигму *a*, циркумфлектированные и краткостные — в парадигму *b*; ср. также неравноценность морфологической роли противопоставления $a \leftrightarrow b$ и $(a \text{ — } b) \leftrightarrow c$ (см. В. А. Дыбо, Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста), «Краткие сообщения [Ин-та славяноведения АН СССР]», вып. 30, М. (в печати).

Таблица 1

1. Окситонированная парадигма		
а) Тематический тип	б) не-глаголы	в) i-глаголы
ед. число	ед. число	ед. число
1-е лицо	<i>svānō</i>	<i>trpījō</i>
2-е лицо	<i>svānešō</i>	<i>trpīšō</i>
3-е лицо	<i>svānetō</i>	<i>trpītō</i>
мн. число	мн. число	мн. число
1-е лицо	<i>svānemō</i>	<i>trpīmō</i>
2-е лицо	<i>svānete</i>	<i>trpīte</i>
3-е лицо	<i>svānōtō</i> и т. д.	<i>trpētō</i> и т. д.

2. Баритонированная парадигма

а) je-глаголы	б) ne-глаголы	в) i-глаголы
ед. число	ед. число	ед. число
1-е лицо	<i>trpījō</i>	<i>xōdījō</i>
2-е лицо	<i>vēzjēš</i>	<i>xōdīš</i>
3-е лицо	<i>vēzjetō</i>	<i>xōdītō</i>
мн. число	мн. число	мн. число
1-е лицо	<i>vēzjeto</i>	<i>xōdīmo</i>
2-е лицо	<i>vēzjete</i>	<i>xōdīte</i>
3-е лицо	<i>vēzjōtō</i> и т. д.	<i>xōdētō</i>

(аналогично в двойственном числе)

Таблица 2

Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	<i>jesmō</i>	<i>damō</i>	<i>damō</i>
2-е лицо	<i>jesi</i>	<i>dašō</i>	<i>daštō</i>
3-е лицо	<i>jestō</i>	<i>daštō</i>	<i>dađētō</i>

ние форм серб. *mōže*, *lāže* JI. Садвик считает вторичным ⁴.

Конечно, если рассматривать эти формы изолированно, то их ударение выглядит явно аномальным. Но как нам кажется, ударение этих тематических аористов нельзя отрывать от ударения тематических аористов глаголов на *-ne-*: серб. *māže*, *dovēže*, *lāže* и т. п. Здесь следовало бы отметить явно системные отношения: тематический аорист от окситонированных глаголов проводит баритонезу, с метатонией (якут > циркумфлекс) в случае первичного корневого акута; тематический аорист от баритонированных глаголов проводит баритонезу без метатонии, если корневой гласный предполагает первоначальный акут, в противном случае окситонезу, если корневой гласный краткий или циркумфлектированный. Приводимый ниже перечень построен на материале сербского языка.

1. Окситонированные глаголы

а) Краткостный или циркумфлектированный корень

<i>grēpstī</i> (<i>grēbēs</i>)	— аор. <i>grēbe</i>
<i>mēstī</i> (<i>mētēs</i>)	— » <i>mēte</i>
<i>pēstī</i> (<i>pētēs</i>)	— » <i>pēte</i>
<i>mēstī</i> (<i>mētēs</i>)	— » <i>mēte</i>
<i>trēstī</i> (<i>trēsēs</i>)	— » <i>trēte</i> и т. д.

⁴ Что касается ударения аориста серб. *ide*, то автор оговаривается лишь указанием, что конечное ударение этой формы соответствует нулевой огласовке корня.

б) Акутированный корень

<i>pđati</i> (<i>pāsēs</i>)	— аор. <i>pāse</i>
<i>grīstī</i> (<i>grīcēs</i>)	— » <i>grīze</i>
<i>strīčī</i> (<i>strīčēs</i>)	— » <i>strīze</i>
<i>mūstī</i> (<i>mūzēs</i>)	— » <i>māze</i>
<i>prēstī</i> (<i>prīcēs</i>)	— » <i>prēde</i> и др.

2. Баритонированные глаголы

а) Краткостный или циркумфлектированный корень

<i>mđci</i> (<i>mđčēs</i>)	— аор. <i>mđče</i>
<i>iči</i> (<i>ičēs</i>)	— » <i>iče</i>
<i>lāci</i> (<i>lāčēs</i>)	— » <i>lāče</i>
<i>došēci</i> (<i>dōšegnēs</i>)	— » <i>došēte</i>
<i>tēgnūci</i> (<i>tēgnēs</i>)	— » <i>tēče</i>
<i>māci</i> (<i>māknēs</i>)	— » <i>māče</i>
<i>tāci</i> (<i>tāknēs</i>)	— » <i>tāče</i>

б) Акутированный корень

<i>srđstī</i> (<i>srđčēs</i>)	— аор. <i>srđte</i>
<i>sjđstī</i> (<i>sjđčēs</i>)	— » <i>sjđte</i>
<i>sljđstī</i> (<i>sljđčēs</i>)	— » <i>sljđze</i>
<i>vřci</i> (<i>vřčēs</i>)	— » <i>vřče</i>
<i>stīci</i> (<i>stīgnēs</i>)	— » <i>stīče</i>
<i>dřci</i> (<i>dřgnēs</i>)	— » <i>dřče</i> и др.

Это системное отношение не находит единого объяснения в работе JI. Садвик; она даже не ставит в своем труде проблемы соотношения первичной акутовой интонации корня и вторичной циркумфлексовой интонации аориста в общем виде, сведя все объяснение к замечанию: «В соответствии с окситонезой превенса, проведенной также в акутированных e/o-глаголах, напр. шток. *prēdēs* (как *trēsēs*), возникло ударение 2-го, 3-го лица ед. числа аориста *prēde* (как *trēse*)» (стр. 127). Это объясне-

ние соответствует общей установке автора объяснять различные метатонизированные формы глагола в отрыве друг от друга. Так, автор, исходя из противопоставления **něsъ* : **něse*, старается объяснить формы серб. *kōvā*, *zvā* морфологически: «Отношение **zūqāsū* : **zūqāt* в связи с оппозицией типа **něsū* : **něset* изменилось в **zūqāsū* : **zūqāt* из-за подобного окситонного *e/o*-презенса (3-е лицо наст. времени ед. числа **něsetī*, **zācētī*)» (стр. 135). Это противопоставление уже в отдельных языках через глаголы типа *kovati*, *znovati* распространяется, по мнению И. Садника, на многочисленные *-ova*-глаголы (с этим положением, конечно, можно согласиться). Подобного изменения не произошло в *-je*- и *-ěti*-глаголах, так как в этих классах не существовало образца, по которому могла действовать аналогия; отсюда серб. *vrē*, *slā*.

Отличие типа *bih* : *bī* от типа *vih* : *vī* не связывается автором с указанным противопоставлением, а объясняется, исходя из совершенно иных соображений: автор считает, что в первом случае *bī* < **bhī* (< **bhīht*), во втором — *vī* < **veit* (< **veit*), для объяснения «легкой базы» (безларингального варианта основы) автор ссылается на формы типа др.-внд. *āstar*, но *stīrnāh*, литов. *stirta* (стр. 141).

Распределение *-t*- и *-en*-причастий у старославянских глаголов типа *biti*, *šiti*, *trpiti*, *krpiti*, *liti*, *pititi*, *klati* и др., связываемое с интонацией 2-го и 3-го лица ед. числа аориста, также объясняется И. Садником на основании этой реконструкции структуры корня: *-en*-и присоединялся лишь к *-r*-, *-a*-, *-i*-, *-ū*-основам, формы типа **vitē* строились на корне с полной огласовкой, т. е. < **veit-toš* (корень *veit* выступал как оканчивающийся на сонант) (см. стр. 141). Исходя из интонации аориста, объясняются также акцентные отношения в *-l*-причастиях (стр. 147).

Представленная таким образом акцентологическая система праславянского языка вызывает ряд возражений. В сущности автор останавливается лишь на отдельных, вырванных из общего контекста системных отношениях (противопоставлениях), не устанавливая их место в ряду других явлений, связанных с данными отношениями. Если же в синхронном плане эта связь и устанавливается, то она разрушается в диахроническом рассмотрении, где системно тождественные явления считаются очень часто результатом действия самых различных и совершенно не связанных друг с другом факторов.

Этот недостаток особенно дает себя чувствовать при рассмотрении акцентно-интонационных отношений в глаголе. Несмотря на всю их сложность, здесь все же можно усмотреть систему, которая строится на двух противоположных типах распределения ударения и интонации: а) интонация ряда глагольных форм обусловлена типом

акцентной парадигмы; б) место ударения в определенных формах обусловлено интонацией корня. Действие этих принципов распределения определено морфологической формой и морфологической позицией, основными составляющими которой являются тип основы и тип акцентной парадигмы.

Первый тип распределения проявляется в совпадении акута и циркумфлекса в циркумфлексе в баритонированных формах подвижной глагольной парадигмы, за исключением инфинитива, *-en*-причастия и, возможно, *-l*-причастия тематических глаголов с основой на согласный, и в сохранении интонационных противопоставлений в баритонированной парадигме. Второй тип заключается в переносе ударения в определенных формах на конец слова, если интонация корня циркумфлексовая или слог краткий, и в сохранении накоренного ударения, если корень акутированный.

Области действия этих типов распределения ударения и интонации в глагольной системе обычно не совпадают (за исключением некоторых причастий). Второй тип обычно наблюдается в той области глагольной системы, которая избежала нейтрализации интонационных противопоставлений по первому принципу распределения интонации. Это видно из следующих таблиц:

1. Тематические глаголы с основами на согласный

а) Категории, в которых наблюдается как первый, так и в определенных случаях второй тип распределения

(см. табл. 3).

б) Категории, в которых наблюдается лишь второй тип распределения

(см. табл. 4).

2. Глаголы с основами на гласный или сонант

{*-e*- и *-je*-глаголы с основой презенса, равной основе инфинитива}

а) Категории, в которых наблюдаются оба типа распределения

(см. табл. 6).

б) Категории, в которых наблюдается лишь второй тип распределения

(см. табл. 5).

Можно заметить, что распространение второго типа распределения на области действия первого типа было возможно только в глаголах с основами на гласный или сонант; это, вероятно, и обусловило неустойчивость баритонированного циркумфлектированного типа у данных глаголов. Первый тип распределения выступает в качестве одного из составляющих морфологической позиции (им определяет-

Таблица 3

	Тип парадигмы			Тип парадигмы	
		акут	кратность или циркумфлекс	акут	кратность или циркумфлекс
Наст. время	1-е лицо	<i>krādō</i>	<i>jōdō</i>	<i>gryzō</i>	<i>vedō</i>
	2-е лицо	<i>krādeš</i>	<i>jēdeš</i>	<i>gryzeš</i>	<i>vedeš</i>
	3-е лицо	<i>krādet</i>	<i>jēdet</i>	<i>gryzet</i>	<i>vedet</i>
Аорист	1-е лицо	<i>krādъ</i>	<i>jōdъ</i>	* <i>gryz-ъ</i>	* <i>ved-ъ</i>
	2-е лицо	} <i>krāde</i>	<i>jēde</i>	<i>grȳze</i>	<i>vede</i>
	3-е лицо				
Сунни		<i>krāstъ</i>	<i>itъ</i>	<i>grȳzitъ</i>	<i>vestъ</i>

Таблица 4

	акут	кратность или циркумфлекс
Инфинитив	<i>krāsti</i> <i>grȳziti</i>	<i>iti</i> <i>vesti</i>
-en-причастие	<i>krādena</i> <i>grȳzena</i>	<i>-jedenā</i> <i>vedenā</i>
-l-причастие	<i>krādla</i> <i>grȳzla</i>	<i>moǵlā</i> <i>vedlā</i>

Таблица 5

	акут	кратность или циркумфлекс
Инфинитив	<i>bīti</i> <i>līti</i>	<i>meriti</i> <i>jetiti</i>

ся дополнительная дистрибуция форм простого и сигматического аористов, аористов с приметой *-tъ* и без таковой, *-en-* и *-l-* причастий (в старославянском языке) и является, по-видимому, более важным в морфологической системе глагола; второе распределение представляется более общим, проходящим через всю систему языка, не играющим заметной морфологической роли и потому наиболее вероятно объясняемым фонетически⁶. По-видимому, это тот же тип распределения, который в сис-

теме имени проявляется как связь между циркумфлексом и подвижностью ударения. Если мы снимем это второе распределение, то получим более простую систему (см. табл. 7).

Эта система состояла из двух акцентных парадигм, противопоставленные которых нейтрализовались в инфинитиве и сигматическом аористе от основ на гласный и сонант⁶, в *-en-* причастиях глаголов на согласный и, возможно, в *-l-* причастиях глаголов на согласный.

В данной системе особый интерес представляет метатония в баритонированных формах глаголов подвижной парадигмы: замена первоначального акута циркумфлексом. По-видимому, такие отношения, как **li(tъ)* : **līti*, **pi(tъ)* : **pīti*, **grȳze* : **grȳziti*, **seče* : **sekti*, **dā* : **dāti*, **zvā* : **zvāti* и т. д., в отличие от **bē* : **bīti*, **zi* : **zīti*, **krj* : **krȳti*, **lěce* : **lěziti*, **svla* : **svlāti* и т. д., нужно объяснять как явления одного порядка.

В данном случае мы имеем дело с явлением, аналогичным правилу А. Мейе для системы имени. I. Садник, по-видимому, отказывается от распространения этого правила на систему глагола, так как не видит возможности для морфологической интерпретации этой метатонии во всех случаях. Кроме того, она исходит все время из категориального типа ударения индоевропейского глагола, выводимого из древнеиндийской системы ударения, и поэтому не допускает паличия двух различных акцентных парадигм одного и того же морфологического типа образований. Но первое объяснение не кажется серьезным; даже если невозможно будет объяснить метатонию в баритонированных формах глаголов по-

⁶ Очевидно, если даже принять реконструкцию Хр. Станга, это отношение сохраняется; сохраняется и проблема возникновения данного распределения. Изменяется только количество форм, в которых ударение сдвинуто по сравнению с формами акцентированного корня.

⁶ Сигматический аорист от баритонированных глаголов с основой на согласный, по-видимому, не образовывался. Поэтому в типе тематических глаголов на согласный противопоставление акцентных парадигм осуществлялось как противопоставление сигматических и несигматических форм аориста.

Таблица 6

		Тип парадигмы		Тип парадигмы	
		акут	кратность или циркум-Флекс	акут	кратность или циркум-Флекс
Наст. время	1-е лицо 2-е лицо 3-е лицо	<i>b^hjo</i> <i>b^hješ^h</i> <i>b^hjet^h</i>	<i>m^hò</i> <i>m^hreš^h</i> <i>m^hret^h</i>	<i>lijò</i> <i>liješ^h</i> <i>lijet^h</i>	<i>j^hmò</i> <i>j^hmeš^h</i> <i>j^hmet^h</i>
Аорист	2-е лицо 3-е лицо	<i>b^hi</i>	<i>me^h</i>	<i>li(ть)</i>	<i>j^he(ть)</i>
Супин		<i>b^hit^h</i>	<i>me^hit^h</i>	<i>lit^h</i>	<i>j^het^h</i>
-t-причастие		<i>b^hita</i> или <i>b^hijena</i>		<i>lità</i>	<i>j^hetà</i>
-l-причастие		<i>b^hila</i>	<i>m^hrlà</i>	<i>lità</i>	<i>j^hetà</i>

Таблица 7

	Баритонированная парадигма	Слабая позиция, совпадение парадигм	Подвижная парадигма
Наст. время	1-е лицо <i>b^hjo krādò</i> <i>m^hro jidò</i> 2-е лицо <i>b^hješ^h krādeš^h</i> <i>m^hreš^h jideš^h</i> 3-е лицо <i>b^hjet^h krādet^h</i> <i>m^hret^h jidet^h</i>		1-е лицо <i>lijò gryzò</i> <i>j^hmò vedò</i> 2-е лицо <i>liješ^h gryzeš^h</i> <i>j^hmeš^h vedeš^h</i> 3-е лицо <i>lijet^h gryzet^h</i> <i>j^hmet^h vedet^h</i>
Аорист	1-е лицо <i>krād^h</i> <i>j^hd^h</i> 2-е лицо <i>b^hi krāde</i> 3-е лицо <i>me^h jide</i>	<i>b^hix^h me^hx^h</i> <i>l^hix^h j^hx^h</i>	1-е лицо * <i>gryz-s^h</i> * <i>ved-s^h</i> 2-е лицо <i>lit^h gryze</i> 3-е лицо <i>j^het^h vede</i>
Супин	<i>b^hit^h krāst^h</i> <i>me^hit^h mdgt^h</i>		<i>lit^h gryzt^h</i> <i>j^het^h v^hest^h</i>
Страдат. причастие прош. времени	<i>b^hila</i> <i>m^hrla</i> или <i>b^hijena</i>	<i>krād^hena j^hdena</i> <i>gryz^hena ved^hena</i>	<i>lit^h</i> <i>j^het^h</i>
-l-причастие	<i>b^hila</i> <i>m^hrla</i>	<i>krād^hla mdg^hla</i> <i>gryz^hla ved^hla</i>	<i>lit^h</i> <i>j^het^h</i>
Инфинитив		<i>krāst^hi it^h</i> <i>gryzt^hi v^hest^hi</i> <i>b^hiti me^hti</i> <i>l^hiti j^heti</i>	

движной парадигмы в духе толкования, данного А. Мейе для славянских именных форм, соответствующих балтийскому подвижному акуту, это никак не может служить препятствием для установления самого соотношения (слав. < (< '): латыш.

Δ (< балт. подвижный акут)]. Это может лишь говорить о том, что интерпретация подобного соотношения в именах, данная А. Мейе, неверна, и следует рассмотреть вопрос о необходимости ее замены иной интерпретацией.

Что касается самого соотношения, то факты здесь достаточно прозрачны: серб. *vi* : *viti* : латыш. *vīti*; серб. *īi* : *īiti* : латыш. *īēti*; серб. *bi* : *bīti* : латыш. *būti*; серб. *nāpē* : *nāpēti* : латыш. *pīti*; серб. *dā* : *dāti* : латыш. *dūti*; серб. *grīze* : *grīsti* : латыш. *grāūzt* и др.; югосерб. *šī* : *šīti* : латыш. *šūt*; серб. *krīti* : латыш. *kzāūt*; серб. *djē* : *djēti* : латыш. *dāt*; серб. *klā* : *klāti* : латыш. *kālt*; серб. *mījd* : *mījēti* : латыш. *mālt* и др.

Трудность вопроса о том, как соотносятся балто-славянское парадигматическое ударение глагола и так называемое «индоевропейское» категориальное ударение, представляется в значительной степени мнимой. Она следует скорее из подхода к материалу, чем из самого материала. Этот подход заключается в том, что определенная часть акцентологических явлений греко-арийской ацентной системы возводится в ранг праиндоевропейской, и акцентологу-слависту или балтисту предоставляется лишь найти приемы для перевода этих явлений в соответствующие явления славянских и балтийских языков. Такой путь кажется нам принципиально неверным: ацентная система ведийского очень тесно связана с его морфологической системой, которая в большей части представляет собой результат позднейшего самостоятельного развития. Учитывая категориальный характер ведийского ударения, можно думать, что само ведийское ударение является продуктом далеко идущего развития и не может служить прообразом индоевропейского ударения. То же относится еще в большей степени к греческому ударению. По-видимому, индоевропейское (соответственно балто-славянское) ударение должно быть восстановлено путем сравнения «проницаемых» частей систем всех языков, сохранивших следы старого разноместного ударения.

Анализ праславянской акцентологической системы показывает, что единственной «проницаемой» частью этой системы, позволяющей установить связь между балтийской и славянской акцентологическими системами, можно считать пока лишь отношения, впервые описанные А. Мейе (правило Мейе), т. е., иными словами, старое распределение ударений в балто-славянском можно установить лишь в именах

и глаголах с первично акутированными корнями. Краткостные и циркумфлектированные основы не позволяют с достаточной надежностью устанавливать первичное балто-славянское распределение ударений.

Взгляд на правило А. Мейе лишь как на удобное средство объяснения ряда исключений значительно сужает возможность точных сравнений с балтийскими. Принятие этого правила как средства реконструкции балто-славянской системы ударения позволяет не только реконструировать многие стороны этой системы, отличающие ее от системы, восстанавливаемой в результате сравнения греческого и древнеиндийского, но и установить ряд соответствий с некоторыми явлениями в кельто-италийских языках¹.

Ряд сравнений, приводимых автором, нельзя признать точными, если исходить из изложенной выше точки зрения. К такому относятся, например, привлечение ударения литовского презенса *nėša* (стр. 113) для доказательства первоначального накоренного ударения в славянском типе *vedǫ*, *nezǫ* (в литовском все глаголы в презенсе проводят баритонезу, которая вряд ли отражает прабалтийское состояние), ссылки на индоевропейскую окситонезу в *-t*-причастиях и *-l*-причастиях. Во всех этих случаях принимается за доказанное то, что еще требуется доказать.

Все приведенные выше критические замечания относятся не только к данной работе; она лишь повторяет в этом отношении недостатки многих других исследований; это не исключает в целом положительной оценки книги. Она будет с интересом прочитана как специалистами по славянской акцентологии, так и людьми, впервые заинтересовавшимися этой сложной и очень спорной отраслью сравнительной грамматики славянских языков. Объективное изложение фактов и теорий, стремление отобрать наиболее надежное, наиболее устойчивое в старых и новых исследованиях делают ее хорошим пособием для изучения основ славянской акцентологии.

¹ См. В. А. Дыбо, Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии, ВСЯ, вып. 5, М. (в печати).

В. А. Дыбо

V. Tauli. The structural tendencies of languages. I—General tendencies. — Helsinki, 1958. 192 стр. («Annales Academiae scientiarum fennicae»).

Финская Академия наук издала книгу В. Таули «Тенденции структурного развития языков», являющуюся общезыковедческим введением к исследованию по уральским языкам, над которым работает автор. Рецензируемый труд представляет собою первый опыт рассмотрения основных проблем общего языковедения с учетом достигнутых последних десятилетий, в том числе и типологических исследований, и

поэтому не может не заинтересовать советских языковедов. Ценность подобной работы состоит в том, что в ней предпринята попытка рассмотреть тенденции развития типологически разных языков¹. Дiachроническое рассмотрение тенденций развития языка в соединении с попыткой вскрыть причины возникновения и реализации этих тенденций выгодно отличает данную работу от других исследований в этом плане. Книга состоит из двух неодинаковых по

¹ Под тенденцией автор понимает «общее направление морфолого-синтаксических изменений» в языке (стр. 5).

блему разделов: 1) «Происхождение грамматики» (стр. 7—18) и 2) «Структурные изменения в языке» (стр. 19—179), которым предпослано объяснение употребляемой автором терминологии. В заключение приводится библиографический указатель (стр. 180—192).

В разделе «Происхождение грамматики» автором ставятся три проблемы: 1) дограмматическое состояние языка, 2) грамматизация, 3) происхождение классов слов. Не затрагивая вопроса о происхождении и становлении языка, с которым неразрывно связано происхождение грамматики, В. Таули дает краткую характеристику дограмматического состояния языка, в котором, по мнению автора, «отсутствовали грамматические категории и морфемы, язык был изолирующим и состоял только из лексем. ... Функции морфем выполняли ситуации, интонация и жесты» (стр. 7). Грамматизация лексического значения, по мнению автора, является основой происхождения всех грамматических категорий и морфем. (Служебные слова возникают там, где первоначально конкретное значение самостоятельных слов ослабевает и абстрагируется. При изменении значения слов иногда имеют место промежуточные случаи, когда трудно установить, имеем ли мы дело с морфемой или лексемой).

В дограмматическом языке не было различия между классами слов (частями речи): одно и то же слово выступало в значении разных частей речи, как это имеет место в креольских наречиях, а также в детской речи и при патологических изменениях в речи взрослых. В вопросе о первичности существительного или глагола автор придерживается мнения о том, что во всех языках класс существительных древнее класса глагола. Содержащиеся в книге сведения о том, что местоимения — наиболее древний класс слов, прилагательные — сравнительно позднее, а числительные — недавнего происхождения, не расходятся с общепринятой точкой зрения. Вряд ли можно возражать также против того, что значительное число наречий, предлоги и послелоги восходят к существительным, отглагольным существительным или именным синтагмам (nominal syntagms), что союзы — более позднего происхождения и в большинстве своем происходят от наречий.

Раздел «Структурные изменения в языке» является более самостоятельным, хотя и здесь автор не полностью оригинален, так как задолго до него эта проблема рассматривалась на материале различных языков и с разных позиций в работах О. Эсперсена, А. Мейе, Ш. Балли, А. Фрея, В. Хаверса. В. Хаверс паряду с анализом синтаксических явлений частично рассматривал наиболее важные морфологические процессы, возводя все структурные изменения в языке к двум факторам — условиям существования языка и импульсам, или тенденциям (Triebkräfte)². Принимая а

priori учение В. Хаверса о двух факторах развития языка, В. Таули пытается углубить и развить его дальше. Раздел «Структурные изменения в языке» автор подразделяет на: 1) условия существования языка, 2) импульсы, 3) тенденции развития. Среди условий существования языка В. Таули выделяет особенности, присущие а) самому языку, б) говорящему (speaker), в) среде (environment). Важное значение в структурном развитии языков В. Таули придает особенностям, вытекающим из самой сущности языка, куда относит в первую очередь линейность языка, при которой все фонетические средства выражения (исключая просодические элементы — ударение, тон, качество звука) последовательно сменяют друг друга, в результате чего слова вступают в тесную взаимосвязь, обусловливая тем самым агглютинацию и явления синтаксической ассимиляции.

По мнению В. Таули, изменения в языке обусловлены не только структурой языка, но и самими говорящими, а также внешними факторами. Среди особенностей, присущих говорящему, В. Таули особо выделяет особенности, связанные с национальным характером и психикой говорящего. Эта зависимость наиболее отчетливо выражена в синтаксисе. Заключая этот раздел известным тезисом Дж. Бойфанте о том, что способ мышления народа отражается на некоторой степени в грамматическом строе языка, В. Таули, однако, не стремится уточнить, в какой именно мере подобное отражение имеет место. Важное место в системе структурных изменений в языке В. Таули отводит так называемым «ошибкам» и образованиям по аналогии. Причину аналогических образований автор усматривает в незнании говорящим правильной формы в момент говорения. Следует сказать, что автор не дает глубокого анализа процессов аналогии, а отсылает читателя к известным работам Э. Хермана и Л. Г. Палмера.

Перейдя к вопросу об условиях среды, В. Таули особо подчеркивает роль социально-культурного окружения. Автор пытается выяснить, до какой степени морфологическая структура языка обусловлена развитием культуры, духовным складом и общественным строем языка. В. Таули считает несостоятельными как «относительную автономию» морфологической структуры языка Э. Сепира, так и противоположные ей взгляды сторонников немецкой идеалистической и культурно-исторической школы, а также французской социологической школы. Особенно резкой критике В. Таули подвергает В. Шмидта за его попытку по аналогии «культурных кругов» (Kulturkreise) создать на основе определенных фонетических и грамматических явлений «языковые круги» (Sprachkreise). Автор придерживается той точки зрения, что между грамматическим строем языка и состоянием культуры существует определенная связь, которую можно проследить на примере бесчисленных языков. По мнению В. Таули, в таких языках имеются некоторые общие структурные черты, которые объясняются способом жизни и духом

² W. Havers, Handbuch der erklärenden Syntax, Heidelberg, 1931

ным развитием (mentality) этих народов. Наиболее характерной чертой бесписьменных языков является конкретность, проявляющаяся в изобилии сложных по своему характеру грамматических категорий, богатстве деиктических и местных частиц и указательных местоимений, выражающих различные степени расстояния, в подразделении притяжательных местоимений на несколько классов, в широком использовании притяжательных суффиксов. Указывая на связь языка с историей народа, В. Таули аргументирует свой тезис о соотношении языка и культуры тем фактом, что языки высокоразвитых народов на ранних ступенях развития обнаруживают черты, аналогичные тем, которые присущи языкам бесписьменных народов.

Перейдя к вопросу о темпах изменения языковой структуры, В. Таули повторяет традиционную точку зрения о том, что языки народов, живущих уединенно, будучи удаленными от главных путей сообщения, от других народов и культур, сохраняют более консервативный и архаичский тип. В этом разделе автор рассматривает соотношение диалектов и литературного языка, а также влияние письменной традиции и языковой нормы на характер развития языка. Исключительное значение в развитии структуры языка автор придает межъязыковым контактам. В. Таули придерживается того мнения, что как отдельные слова, так и морфемы, грамматические категории и морфолого-синтаксические конструкции могут заимствоваться и переходить из одного языка в другой, даже негенетически родственной. В. Таули считает, что все языки являются в какой-то мере смешанными, смещение же языков приводит к упрощению их морфологической структуры. Примером такого упрощения В. Таули считает английский язык, *Pidgin English*, креольские наречия. Рассматривая в одной плоскости совершенно разные типологические структуры (английский язык и креольские наречия), автор увеличивает роль смещения языков в развитии морфологической структуры языка.

Наиболее ценным в работе В. Таули является раздел о тенденциях развития языка. Изложив сущность пяти основных импульсов В. Хаверса (1) тенденция к ясности, 2) тенденция к удобству или экономии, 3) эмоциональные импульсы, 4) эстетические тенденции, 5) общественные импульсы], В. Таули избрал предметом своего исследования следующие тенденции: 1) аналитическую тенденцию, 2) тенденцию к твердому порядку слов, 3) тенденцию к прогрессивному порядку слов, 4) синтетическую, или агглютинирующую тенденцию, 5) гиперхарактеристику, 6) богатство и сокращение грамматических категорий, 7) чередование глоссем и обобщение, 8) согласование, 9) тенденцию к произвольности лексемы.

Ведущее место в работе В. Таули отдано аналитической и синтетической тенденциям (стр. 56—72 и 82—113). Автор пытается по-новому осветить проблему анализа и синтеза — двух ведущих постоянно

действующих факторов в развитии языка. Важно также взаимоотношение синтетического и аналитического строя, так как в самом синтетическом строе языка зарождаются элементы аналитизма, а аналитизм, в свою очередь, порождает синтетизм. Например, с аналитизмом связан твердый порядок слов, а твердый порядок слов порождает синтетизм. Так в ведах старого зарождалось новое. Появление аналитической тенденции в развитии индоевропейских языков В. Таули, вслед за А. Мейе, связывает с недостаточностью синтетической флексии, так как флексия в индоевропейских языках была кумулятивной и нелинейной, т. е. одна и та же флективная морфема могла употребляться в различных функциях. Некоторые языковеды главной причиной развития аналитической тенденции считали стремление к выразительности, что справедливо только для первой ступени развития аналитически абстрактной вспомогательной морфемы. Аналитизм первоначально являлся чисто лексическим и стилистическим явлением. Слова, употреблявшиеся в целях выразительности и постепенно трансформировавшиеся в абстрактные морфемы, первоначально были лексемами с полным объемом значения в предложении. Позже выразительность аналитической конструкции утрачивалась, а вспомогательная лексема трансформировалась в абстрактную морфему.

С фонологической точки зрения, аналитизму способствовало исчезновение фонем в конечной позиции, как это имело место с исчезновением местоименных суффиксов в окончаниях глаголов. В. Таули на примере различных грамматических категорий прослеживает развитие аналитической тенденции в индоевропейских языках (замена падежной системы предлогами и послелогами, твердый порядок слов) — французском, персидском, болгарском, частично в английском и ивритском.

Автор отмечает тенденцию к увеличению количества предлогов и исчезновению флексии у имени существительного в индоевропейских языках. На широком языковом материале автор пытается доказать большую степень аналитизма в выражениях с послелогами по сравнению с падежными конструкциями. В системе глагола местоименные суффиксы, обозначающие лицо, употреблявшиеся еще в латинском и готском языках, вытесняются личными местоимениями. Еще более отчетливо аналитизм проявляется в происхождении сложных временных форм глагола, а также в том, что аналитические претеритные формы вытесняют синтетическую форму прошедшего времени.

Аналитическая тенденция в индоевропейских языках проявляется не только в области флексии. Существует тенденция к замещению синтаксических лексем аналитическими конструкциями. Тенденции аналитизма имеют место также и других семьях языков (хамито-семитских, кавказских, языков мунда, современном тибетском и др.).

Дальше В. Таули говорит о том, что «связетическая, или агглюгилирующая», тенденция встречается во всех языках во все периоды развития языка, что объясняется линейным характером языка — последовательностью лингвистических знаков. Возникающее на основе принципа сцепления морфем фонетическое реально существующее единство подвержено фонетическим изменениям — редукции, выпадению звуков, сокращению, ассимиляции так же, как и отдельно взятое слово. С другой стороны, агглюгация приводит к семантическому синтезированию: фонетически агглюгилирующие элементы языка утрачивают лексическое значение и самостоятельность, образуя семантически новое единство, которое отлечено от суммы составляющих его компонентов. Синтез закончен в том случае, если агглюгилируемые слова образуют нематрированное, или произвольное, простое слово. Агглюгация способствует в области синтаксиса твердый порядок слов, а в фонетике — сандик. Наиболее распространенным типом агглюгации является образование сложных слов. Синтез сложных слов особенно прочен в тех случаях, когда слова настолько органически склеиваются, что становятся фонетически неразложимыми простыми словами. Очень часто второй компонент сложного слова, семантически выветриваясь, превращается в словообразующий суффикс. Так в индоевропейских языках были образованы многие словообразующие суффиксы (ср. англ. *-ly*, нем. *-lich* < *lik* «тело»). Аналогичное явление имеет место и в других языковых семьях. В ряде языков имеет место превращение в словообразовательный суффикс первого элемента сложного слова (хамито-семитские, малополинезийские и др.). Агглюгировать могут также глаголы с предшествующим словом, превращаясь в словообразовательный суффикс.

Особым случаем синтетизма является морфологическая гиперхарактеристика, под которой автор понимает наличие нескольких морфем с одинаковым значением, что соответствует стилистическому явлению плеоназма. В большинстве случаев причиной гиперхарактеристики является стремление к ясности и выразительности. Гиперхарактеристика имеет место в тех случаях, когда в целях эмфазы параллельно с флексивными суффиксами употреблялись служебные слова, позже утратившие свою экспрессивность. Гиперхарактеристика может иметь место также при обобщении морфем (*morpheme generalization*), т. е. когда одна морфема обобщается, не заменяя собой другую морфему, и употребляется наряду с последней. Гиперхарактеристика является частично результатом фонетических изменений. Например, в дополнение к аффиксальной морфеме появляется чередование корня, так что грамматическая категория выражается двумя показателями: аффиксом и чередованием. Согласование также является по существу гиперхарактеристикой, так как одна грамматическая категория выражается дваж-

ды в одной и той же синтагме. Наиболее распространенным случаем гиперхарактеристики является употребление вспомогательных слов наряду с суффиксами флексии, например личного местоимения и личного окончания глагола; ср., например, нем. *er kommt*, др.-англ. *ic bindu*.

Хотя автор и говорит о связи анализа и синтеза с типологией и структурой языка, остается неясным, возникают ли анализ и синтез из языковой структуры, подготавливает ли сама структура и типология языка развитие анализа или синтеза? Каким образом в истории одного языка в разные периоды имеет место развитие аналитической или синтетической тенденций? Объяснить это условиями существования языка или импульсами нельзя, так как условия существования языка были примерно одинаковы в разные периоды, между тем как проявления аналитической и синтетической тенденций было разное. То же самое можно сказать и об импульсах, так как стремление к ясности, к удобству или экономии было характерным для всех ступеней развития языка. Следовательно, развитие анализа и синтеза можно объяснить только языковой структурой. Между тем В. Таули этот вопрос по существу даже не ставит. Больше того, при рассмотрении анализа и синтеза автором ставятся в одну плоскость разные по типу языки, например индоевропейские и африканские.

Далее В. Таули рассматривает тенденцию к строгому порядку слов, которая наиболее отчетливо проявляется в индоевропейских языках и проявление которой автор связывает с утратой флексии и развитием аналитизма. Автор подробно рассматривает первичный порядок слов, характерный для языка глухонемых, а также языка жестов индейских племен Африки и Австралии.

Представляется нецелесообразным признать Таули искусственное разделение тенденции к твердому порядку слов и к прогрессивному порядку слов на две самостоятельные тенденции, так как они тесно между собой связаны и обуславливают друг друга.

Одной из тенденций развития языка В. Таули считает сокращение грамматических категорий: хотя наряду с отмиранием отдельных категорий появляются новые, однако в общем количество грамматических категорий убывает. Исчезновение ряда грамматических категорий В. Таули объясняет двумя причинами: 1) исчезновением понятий, выраженных грамматическими категориями; 2) передачей функций исчезнувшей грамматической категории другими средствами выражения (примером чего может служить утрата флексии в индоевропейских языках). В связи с общей тенденцией к развитию абстрактного, характеризующей эволюцию языка и культуры, конкретные категории первыми обнаруживают тенденцию к отмиранию, что наиболее отчетливо проявилось в системе именных классов в некоторых языках Африки (языки банту, суданские, некоторые языки Северного

Кавказа), в утрате двойственного числа и уточняющих частиц в системе глагола. В книге рассмотрены также тенденции к чередованию глоссем и тенденции к обобщению (generalisation). Последняя, по мнению автора, включает в себя 1) чередование корней (рассматривается тон и ударение, редупликация и продление, супплетизм, чередование фонем и инфикация) и 2) чередование морфем и обобщение (где также рассматривается и сандох). В заключение автор излагает сущность согласования (concord) и тенденции к немотивированной лексеме.

В книге В. Таули нельзя не отметить известного элентизма, сказавшегося как в решении ряда общих проблем, так и в ссылочном аппарате. К недостаткам рассматриваемой работы следует отнести также использование устаревших наблюдений, в то время как более поздние труды не

учитываются, что приводит иногда к ошибкам, которых можно было бы избежать. Особенно это относится к исследованиям русских и советских языковедов. В. Таули оперирует такой терминологией, как камчадалский язык (стр. 107), в то время как в советской научной литературе этот термин давно устарел. Приходится сожалеть, что русский материал извлекается из работ не русских языковедов, а зарубежных. Не учтены также труды советских языковедов о кавказских, тюркских, финно-угорских языках, о языках народов Африки, о бесписьменных языках СССР и др. Однако эти недостатки не снижают общего положительного впечатления от этой интересной книги, которая может служить полезным пособием по общему языковедению.

И. Н. Анацкий

J. W. Perry, A. Kent. Tools for machine literature searching. New York — London, 1958. 972 стр. (Interscience publishers).

В рассматриваемой книге содержится разбор принципов машинного поиска литературы и подробное изложение результатов работы, проведенной в этой области Центром по исследованию документации и связи университета «Уэстерн резерв» (г. Кливленд, шт. Огайо, США) под руководством Дж. У. Перри и А. Кента.

Книга состоит из четырех частей. В первых двух (гл. 1—4, стр. 3—66) излагаются требования, предъявляемые к машинному поиску информации, и с точки зрения этих требований оцениваются существующие автоматические и неавтоматические методы поиска литературы. Обосновывается целесообразность поискового программирования в терминах логических классов при помощи логических сумм, произведений и разностей. При этом задача лингвистов по анализу языковых особенностей обрабатываемых материалов сводится к нахождению правильных путей расчленения информации и ее однозначного представления на особом информационном, или машинном языке, который для этой цели выработывается заранее. Третья часть (гл. 5—19, стр. 63—600) целиком посвящена разбору этого машинного языка. Легко видеть, что камнем преткновения в машинном поиске литературы, как и в машинном переводе, является не инженерно-математическая, а лингвистическая сторона дела. Четвертая часть (стр. 603—964) — словарь кливлендского машинного языка в переводе на английский и с английского. К моменту сдачи книги в набор (ноябрь, 1957 г.) объем словаря составил примерно 15 000 вошедших в словарь. Пополнение словаря идет непрерывно, и Центр регулярно падает дополнительные словари своего языка.

Книга написана с трюком расчетом, чтобы она могла одновременно служить учебни-

ком для программистов, референтов и кодировщиков, и является первым томом многотомной серии по вопросам машинного поиска литературы, планируемой к изданию по мере расширения исследовательской работы Центра.

Как видно из приведенных в книге данных, Соединенные Штаты Америки практически начинают механизацию и автоматизацию библиотечного обслуживания на базе электронной техники. При этом встают три вопроса: расчленение библиотечного труда на ряд элементарных операций с учетом возможностей машины и человека, придание библиотечному делу характера массового производства путем централизации обработки информации при одновременной децентрализации ее потребления (так как только массовое производство способно обеспечить абсолютную загрузку дорогостоящего, но зато высокопроизводительного электронного оборудования и дать существенное снижение себестоимости продукции) и, наконец, пути конкретного перехода к массовой обработке информации посредством малой механизации и использования уже существующего серийного и сравнительно недорогостоящего электронного оборудования. Механизация и автоматизация библиотечного дела обещает громадный народнохозяйственный эффект. Наибольший интерес для лингвистики представляет «машинный язык», на который должны переводиться обрабатываемые документы и на котором должен формулироваться запрос. Пока что круг документов, включаемых в картотеки для механического просмотра, ограничен краткими рефератами статей из технических журналов, патентами и небольшими газетными заметками.

Необходимо проводить различие между машинным языком для поиска информации и языком-посредником машинного перевода. Машинный перевод должен дать однозначные правила преобразования текста одного языка в текст другого языка, называемые обычно алгоритмом перевода. Машинный перевод не может ни увеличить,

ни уменьшить сложности естественного языка. Его язык-посредник, вырастающий на перепутье языковых структур, обязан в своем строении связать в узелки все нити, которые тянутся от каждого из взятых языков к другим. Это упростит составление алгоритмов машинного перевода, но нащупать «эту общую базу коммуникаций между людьми», открыть этот еще «не открытый универсальный язык» (У. Вивер) пока что никому не удалось. С 1954 г. в СССР, США, Англии и Японии было проделано около 20 переводов на машинах, причем использовался бинарный алгоритм без языка-посредника. Никто не может сказать, что будет представлять собою словарь и грамматика языка-посредника как какого-то всеобщего передаточного механизма перевода.

Машинный язык для поиска информации, как это видно хотя бы из кливлендского опыта, сразу же возник как более или менее полная модель естественного языка, имеющая свой словарь и свою грамматику. «Языки» информационных машин имеют принципиально другой путь обойти трудности естественного языка, а именно: они могут выбрать из естественного языка то, что в нем функционально четко, менее многозначно и т. п., и принять это в качестве своих категорий, функциональных зависимостей и т. д.

В основе подхода к проблеме машинного языка, принятого кливлендским Центром, как явствует из рассматриваемой книги, лежит определение языка как семантического кода.

«Название „семантический код“ можно было бы с равным правом применять в отношении любого языка, будь то китайский или арабский, современный английский или неизвестный язык кромагонского человека, так как все человеческие языки есть по определению семантические коды — произвольные системы, зрительные или произносимые, представляющие значения по взаимному соглашению» (стр. 221). Такое определение языка неприменимо для советского языкознания. Однако подробное обсуждение этого вопроса здесь увело бы нас слишком далеко в сторону. Приведенное определение можно принять как рабочее определение в узких рамках конкретной проблематики машинного языка. В таком ограниченном толковании оно будет означать, что авторы решили идти к созданию машинного языка чисто семантическим путем.

Обращает на себя внимание следующее противоречие. Американская дескриптивная лингвистика пыталась доказать, что смысл, семантика, значение должны быть вообще исключены из поля зрения лингвистики и лингвист не может пойти дальше регистрации распределения (дистрибуции) отдельных языковых единиц (фонем, морфем и т. д.) и их последовательностей в понятиях частоты употребления, сочетаемости и расположения по отношению к началу или концу высказывания, так как смысл, закрепленный за языковыми единицами, имеет неизвестную струк-

туру (если вообще имеет структурный характер), которая подчиняется иным законам и не может быть выражена в понятиях дистрибутивного анализа¹. Нам неизвестна даже единица или единицы смысловой стороны языка.

Что же касается создателей кливлендского языка, то они смело пошли непроторенными путями семантического анализа, отбрасывая заодно и навеянную позитивистскими настроениями чрезмерную робость поборников дистрибутивного анализа в дескриптивной лингвистике. Кодирование должно базироваться «...на идеях или понятиях, о которых идет речь в документе, а не на словах, содержащихся в нем» (стр. 6). «В целях эффективного проведения поиска должно проводиться различие между такими обычно встречающимися совпадающими формами выражения² и действительными значениями, ими обозначающими» (стр. 81).

Кливлендский машинный язык разработан собственно Дж. Л. Мелтоном и Дж. С. Мелтоном. На месте словарного состава в машинном языке кливлендского Центра стоит «семантический код», на месте грамматики — «телеграфная грамматика» (гл. 9, стр. 221—279 и гл. 5, стр. 69—150 соответственно).

Название «телеграфная грамматика» выбрано довольно метко. К сожалению, еще не проделан лингвистический анализ стиля телеграмм, но характерное для этого стиля опущение предлогов, сохранение полновесных в коммуникативном отношении слов и предельно четкий синтаксис могут подсказать ход мысли, каким шла кливлендская группа к созданию «грамматики» своего «языка». В строении «телеграфной грамматики» «... можно увидеть аналогию с такими изолирующими языками, как китайский, в которых слова остаются неизменными, а грамматические отношения между словами выражаются частицами» (стр. 221).

«Семантический код» означает разложение значения слова на ряд элементарных смыслов, или элементарных смысловых признаков, выбор которых как в количественном, так и в качественном отношении производится из расчета выразить явно и автономно (отдельным буквосочетанием) те стороны значения слова, которые указали бы классификационные связи слова внутри данной науки и покрывали бы наиболее полно все вероятные в настоящем и в будущем информационные запросы к этому слову. По терминологии авторов, это выражается как представление значения слова тем или иным набором «семантических множителей».

¹ См., например, предисловие В. А. Звегинцева к кн.: Г. Г л и с о н, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, а также: Z. S. H a r r i s, Methods in structural linguistics, Chicago, 1951.

² Имеется в виду различие в смысле следующих грамматически тождественных словосочетаний: *hardening by quenching, dissolving by HCl, the production of brittleness, the production of ingots.*

Надо иметь в виду, что кливлендский язык охватывает только весьма условный стиль рефератов по металлургии, что делает допустимым некоторое перекраивание грамматики и словаря по соображениям удобства на данный момент. Как ни странно, авторы нигде не ссылаются на статистическое обследование металлургических рефератов, которое должно было бы предшествовать выделению категорий и т. д. Они только говорят о том, что в университете «Уэстери резерв» ведутся работы по созданию общей математической теории таких языков. Они пишут, что «...некоторое число отношений было более или менее произвольно определено как самые полезные для регистрации важных аспектов информации в описываемых документах по металлургии» (стр. 76). И далее: «Эти отношения, полезные для поиска в этой области, обозначаются набором символов, называемых функциональными показателями³, которые служат синтаксическими сигналами при автоматическом поиске. Обозначение этих отношений затем становится основой упрощенного синтаксиса, или «телеграфной грамматики»» (стр. 76).

Всего на базе рефератов по металлургии выделяется 23 «функциональных показателя». При распространении их на синтаксис газетных заметок добавляется 8 дополнительных «функциональных показателей». Таким образом, всякий термин на «языке» А. Кента может встать к прочим словам или терминам реферата или газетной заметки в одном из этих отношений, или категорий. Перечислим некоторые из них: «свойство», «придаваемое чему-либо», «составная часть чего-либо», «продукт», «исходный материал», «машина или устройство», «процесс», «отсутствие процесса», «условие», «место», «направление от чего-либо», «направление к чему-либо», «время», «место географическое», «организация, о которой идет речь», «должностное лицо, о котором идет речь» и т. п.

Для легкости обозрения несколько десятков «функциональных показателей» сводятся в четыре класса: материал, свойство, процесс и условие. Наряду с этими четырьмя смысловыми классами слов выделяются четыре «заглавных предложения», т. е. наиболее типичных для стиля и содержания рефератов по металлургии.

«А. Установление свойства. Содержание, могущее быть приспособленным к типу А, дает сведения о материале, который подвергается процессу, в результате чего устанавливается, изменится или приобретает свойство.

Примеры:

- (1) *Материал испытывается для определения его твердости.*
- (2) *Материал обрабатывается для повышения его прочности.*

³ Термин авторов — «role indicators», т. е. «показатели роли» (той роли, которую данное слово играет по отношению к другим словам).

В. П р о д у к т. Содержание, могущее быть приспособленным к типу В, дает сведения о материале, который подвергается процессу, в результате чего получается некоторый продукт, отличающийся от исходного материала либо по химическому составу, либо по форме.

Примеры:

- (1) *Элементы соединяются и получается соединение.*
- (2) *Прутки протягиваются и получается проволока.*

С. О п и с а н и е с в о й с т в а. Содержание, могущее быть приспособленным к типу С, описывает свойство какого-либо материала.

Пример:

Гибкость одного или более материалов описывается в отношении к составу.

Д. М а ш и н а и л и у с т р о й с т в о. Содержание, могущее быть приспособленным к типу D, направляет главный интерес на конструкцию, мощность или назначение какой-либо машины или устройства.

Пример:

Сборка из гнутых листов описывается очень детально (стр. 80—81).

С точки зрения словаря произвольно выделяется 214 «общих семантических множителей». При переводе слов и терминов из рефератов по металлургии на этот новый «язык семантических множителей» каждое слово или термин должно войти в один из этих 214 классов. Если то или иное слово входит сразу в несколько классов, то в его обозначении представляются «семантические множители» каждого из этих классов (что и дает «агглютинативное» слово семантического кода). Каждый из этих 214 классов имеет десять категорий для обозначения того отношения, в котором данный семантический множитель может стоять внутри класса (эти категории обозначаются буквами А, Е, I, O, U, Q, W, X, Y, Z).

Эти десять категорий призваны заменить уточняющую смысловую роль словообразовательных аффиксов. Сочетаниями функциональных показателей и семантических множителей образуются грамматически оформленные слова данного машинного языка, причем граница между словами [начало и конец «подфразы» (терминология А. Кента)] обозначается запятой. При этом сложные слова потребовали введения специального знака звездочки *, значение которого истолковывается довольно расплывчато, а именно: «в отношении к чему-либо». Единичные крупные слов и сложных слов называются: «фраза», «предложение», «абзац», начало и конец которых обозначаются соответствующими знаками препинания.

Авторы утверждают, что их система функциональных показателей, семантических множителей и знаков препинания обеспечивает проведение машинного поиска металлургической литературы на пишущем электронном оборудовании, в то время как сделать это на обычном английском языке нельзя. При этом они ссылаются на то.

что их «язык»⁴ за пять лет (1952 — 1957 гг.) прошел экспериментальную проверку сперва в Массачусетском технологическом институте, затем в самом Центре (когда Американское общество металлов отпустило средства на покупку электронного оборудования). Исходя из этих соображений, наилучшей критикой была бы проверка данного языка в работе, но не кажется излишним и чисто теоретический анализ.

Разберем сначала символику языка, его, так сказать, материальную оболочку. Как код язык кливлендского Центра представляется запутанным и избыточным. Функциональные показатели представляют собою трехбуквенное сочетание, начинающееся только с буквы *K* (буквосочетания семантического кода начинаются со всех прочих букв, кроме *K*). Второе и третье место может занимать любая буква. По теории соединений общее число возможных сочетаний будет тогда равняться 676. Использовано всего 31 буквосочетание, и трудно придумать грамматику, в которой понадобились бы все остальные 645 сочетаний. Таким образом, налицо избыточность, которая отнюдь не является достоинством кода.

Семантический множитель представляет собою четырехбуквенное сочетание, где на первом, третьем и четвертом месте может стоять любая из следующих 13 букв: *B, C, D, F, G, H, L, M, N, P, R, S* и *T*, а на втором месте любой из десяти категориальных ификсов, выбираемый из букв: *A, E, I, O, U, Q, W, X, Y, Z*. По непонятным причинам в коде отсутствуют буквы *V* и *J*. Без ификсов общее число семантических множителей равняется 2197, с ификсами — 21 970. Но четырехбуквенные сочетания могут уточняться трехзначным числом, вследствие чего объем кода станет равным 21 970 000. Однако суть языка заключается в том, что «агглютинативное» слово в языке характеризуется со стольких разных сторон, сколько множителей оно содержит. Слово из 3, 4, 5 множителей часто встречается в языке А. Кента, что в свою очередь увеличивает мощность кода до астрономических цифр, а избыточность становится характерным признаком языка А. Кента.

На наш взгляд, не представляется возможным построение языка А. Кента на основе трехзначного буквенного кода, который позволяет различать 17 576 сочетаний. С учетом дифференцирующей силы пунктуации и возможных сочетаний символов между собой («агглютинативное слово») мы имели бы даже необходимый запас буквосочетаний на случай расширения кода. Но переход с семизначного кода на трехзначный дал бы запись более чем вдвое

короче записи А. Кента, что при работе с автоматическим оборудованием является едва ли не первостепенным фактором. Указание на мнемонический характер кода, например *MACH* — класс «машина», *CYRS* — класс «кристалл» и т. п., является несущественным. Другими словами, машину не следует загружать лишними элементами, которые без ущерба для системы можно было бы удалить.

Не меньшую экономию обещает и пересмотр языка А. Кента по существу. Многие функциональные показатели, общие семантические множители и ификсы тавтологичны, а их выделение смыслом не оправдано статистическими подсчетами. Например, *KAD* — «машина или устройство» и *M — CH* — класс «устройство». Категориальный ификс *A* — «отношение видного понятия к родовому» — избыточен, о чем говорит хотя бы его чрезмерная частота употребления. В самом деле, весь класс и строится из того, что в него входит, а именно эту связь и выражает данный ификс. С другой стороны, ификсы «отрицания признака» и «подобия» выделены случайно и обладают малой употребительностью, в связи с чем ясна необоснованность их выбора как категориальных ификсов. Как правило, ификс «отрицания» соответствует префиксам *un-, dis-, in-, im-* и т. п. Например, *unclean, unvulcanized, unprepared, disconnected, inaccurate, impure*. Ификс «подобия» соответствует либо префиксу *semi-*, либо возникает случайно по определению класса.

Другими словами, если бы категории грамматики (функциональные показатели), словообразования (ификсы) и смысловые разряды слов (общие семантические множители) выбирались бы не наугад, а на основе статистико-вероятностных оценок, то экономичность языка можно было бы повысить в несколько раз, отказавшись от выделения в особые классы слишком частых и слишком редких явлений и перейдя к разнозначному коду, согласуя значимость с частотой употребления.

В известном смысле представление слова цепочкой элементарных смыслов («агглютинативное слово») прямо противоположно вероятностному построению разнозначного кода⁵. Наиболее короткими будут не наиболее употребительные слова, а заглавные слова классов, обозначающие в большинстве случаев довольно общие и малоупотребительные понятия. Так, система пиццеварения — *BAPD.001, a nasos — FWLD. MACH. MQTN. P. QRS.001*. Ясно, что слово *nasos* чаще встречается в технической литературе, чем слово *пиццеварение*.

⁵ Разнозначным кодом мы будем называть код, в котором допустимы буквосочетания из различного числа знаков (букв или цифр и пр.). Противоположностью ему будет равнозначный код, в котором допустимы сочетания лишь с одинаковым количеством знаков. Если каждое сочетание может иметь три и только три знака, мы говорим о трехзначном коде. Возможны четырех-, пятизначные коды и т. д.

⁴ Правда, в своем рабочем виде язык дополняется специальным кодом химических элементов, знаками количественных границ «не более» — «не менее», цифрами, техническими номерами и пр., что, однако, не меняет существа дела в теоретическом плане.

Аналогично очень распространенные в технике слова, обладающие разнохарактерными смысловыми связями, получают непомерно длинную запись: ср. *термопара — thermocouple — LQCT. MACH. MUSR. RWHT. 4X.001*, т. е. «устройство (*MACH*), работающее электричеством (*LQCT*), производящее измерение (*MUSR*), применяющее тепло (*RWHT*)».

Если при выделении функциональных показателей и категориальных инфиксов мы имеем дело в сущности с грамматикой и словообразованием, истолкованными, правда, по-своему, но все же обладающими сравнительно ограниченным числом категорий, отношений и зависимостей, то при выделении классов слов («общих семантических множителей») мы имеем перед собой очень разнородный и трудно обобщимый материал, который пока что не получил общепринятой классификации. Эмпирический подход А. Кента и его школы не вносит, на наш взгляд, чего-либо нового в этот вопрос. Сам А. Кент признает, что классы выбирались, с одной стороны, с учетом существующих библиотечных классификаций, например универсальной десятичной классификации, с другой стороны, с учетом опыта лексикографической работы по созданию словарей с тематическим расположением слов типа словаря Роже или Дудена. Все же отметим некоторые моменты. Сами авторы объединяют свои 214 общих семантических множителей в 6 очень широких классов: общие понятия, отношения, состояния, процессы, вещества, предметы (стр. 260—261).

Интересно, конечно, обратиться к тем частям классификации А. Кента, которые называются «отношениями», так как имеет хождение точка зрения, что лексическое есть субстанция, а грамматическое — отношение. Наиболее выпукло это предстает перед нами в «общем семантическом множителе», входящем сюда и имеющем многозначительное название «относительный термин» (т. е. обладающий значением не сам по себе, а лишь в отношении к другому слову). Именно здесь авторы перечисляют такие предлоги (или наречия), как: *across, behind, inside, above* и др.; такие прилагательные, как: *cold, dark, difficult, fast, heavy, high, higher, low, lower, main, quick, weak, wild, simple, easy, good, large, light, open, poor, best, bad, wet, free, new, old, sudden* и др.; такие местоимения, как: *other, none, many, same, few* и др., а также существительные общего значения и некоторые общетехнические термины: *acceleration, modulus, multitype, isostructural, high pressure, upper limit, self-propelled*. Нам представляется, что слова, подобные вышеперечисленным, действительно стоят где-то между грамматикой и словарем, или, вернее, стоят в словаре ближе всего к грамматике. Без этих слов, так же как и без грамматических форматов, нельзя написать никакого технического текста, какой бы узкой специализацией этот текст ни был. Именно эти слова представляют наибольший теоретический интерес при всякого рода семантических классификациях. У А. Кен-

та же эти слова рассматриваются нерасчлененно, по признаку относительности (в вышеуказанном смысле) их значения.

Следует отметить, что при выделении общих семантических множителей оказались бы весьма уместными предварительные статистические подсчеты и вероятностные оценки. Вероятностно-статистический подход, по нашему мнению, должен был показать, что вовсе нет необходимости развертывать каждое слово в цепочку элементарных смыслов.

Следовательно, разложение на семантические множители, как и выбор самих множителей не должны абсолютизироваться. По результатам статистических подсчетов следовало бы выделить слова общего значения, наиболее часто используемые при так называемом лексическом выражении грамматических категорий и вообще наиболее часто встречающиеся, создать из них особый класс типа «относительный термин» и не распространять на них принцип разложения на семантические множители, так как их смысловые грани информационного интереса не имеют⁶. В результате опять же целый круг таких слов получил бы короткую запись.

Разберем теперь сам ход работы с этим «языком» при автоматическом поиске литературы. Как мы уже говорили, автоматизация поиска предполагает не устранение человека из производственного процесса, а перераспределение обязанностей между человеком и машиной.

Надо сказать, что переход на автоматический поиск литературы повышает требования к работникам, которые должны овладеть кодом как своего рода иностранным языком. Авторы понимают, что создание кода в противовес естественному языку, где широко распространена омонимия и полисемия слов и грамматических конструкций, где многое не выражается явно, а угадывается по общей связи или контексту, отнюдь не означает, что этот код является более совершенным, чем естественный язык. Можно усомниться в том, что при таком сслетении функциональных показателей, знаков препинания и семантических множителей два разных человека при переводе на код того или иного английского текста смогут дать один и тот же набор символов кода. К примеру, знак звездочки для сложных слов имеет 10 правил употребления, а это — простейший знак. Требование апеллировать к смыслу подразумевает, чтобы кодировщик был не только тонким лингвистом, но и эрудированным инженером, потому что трудности технического перевода без знания существа дела всем хорошо известны. Ведь семантический подход заманчив и легок для создателя кода, но труден и произволен для пользующегося кодом. Достаточно указать, что словари типа Роже или Дуде-

⁶ Например: *without* «без» — *RAPR. SXPP.001*, т. е. член класса «относительный термин» и класса «снабженный чем-либо», в которых это слово характеризуется отсутствием какого-либо признака. Явно надуманная и ненужная детализация.

на не нашли широкого применения в практике преподавания языков и переводе, так как подчас невозможно догадаться, где надо искать то или иное слово. Наконец, если код А. Кента — язык, то нужны и преподаватели кода, и сборники упражнений, причем неизбежны те или иные ошибки. Любая знаковая система существует лишь постольку, поскольку ее знает или помнит какая-то группа людей.

По мысли авторов, до перевода на код рефераты должны быть упрощены по своему стилю и синтаксису до стандартной формы, которая, однако, нигде не уточняется в книге. Перевод на код осуществляется по стандартной форме в два приема. Сначала выбираются важные в информационном отношении термины, которые пишутся на правой стороне листа, а на левой им придаются функциональные показатели, пунктуационные знаки подфраз, фраз, предложений и абзацев. После проверки начинается второй этап: перевод самих терминов на язык семантических множителей. Словарь механизирован, и перевод в множители производится машиной. Попутно выявляются и термины, еще не внесенные в словарь, которым придают множители из запаса. Сумма кодированных рефератов составляет карточку. Это, в целом, подготовительный этап.

Собственно автоматический поиск начинается, когда поступает запрос. Запрос формулируется таким же порядком на языке семантических множителей, и проводится поиск по принципу отождествления одинаковых элементов.

Пример перевода

1. Обычный реферат:

2414. The production (by welding) of an all-aluminium motor-car body. C. E. Slade [*«Welding»*, 1954, 22 (4), 124—130].

— S. describes the fabrication of the Dyna-Panhard 54 body in Al — 3.5% Mg alloy. The pressing, A-arc- and spot welding aspects are given in detail.

В переводе на русский язык:

2414. Производство (сваркой) цельноалюминиевого автомобильного корпуса. С. Е. Слейд (*«Уэлдинг»*, 1954, 22 (4), 124—130) — С. описывает изготовление корпуса автомобиля «Дайна-Пэнхард» 54 из 3,5% алюминивно-магниевого сплава. Подробно описаны процессы штамповки, дуговой и точечной сварки.

2. Анализ (см. табл. на стр. 129).

3. Телеграфный реферат:

Первая фраза

KAJ (исходный материал) сплав (Примечание: Этот функциональный показатель резервируется для рефератов, относящихся к технологическим процессам), *KUJ* (составная часть) Al, Mg * проценты *, не более — не менее 3,5.

Вторая фраза

— *KAM* (процесс) изготовление штамповка дуговая сварка точечная сварка

Третья фраза

— *KWJ* корпус * Дайна-Пэн-хард * автомобиль * 54
, *KUJ*
(составная часть) сплав
, *KUJ*
(составная часть) алюминий
, *KUJ*
(составная часть) магний * проценты *, не более — не менее 3,5.

По этому примеру можно также судить и о возможностях использования «семантического кода» университета «Уэстери резерв» для создания карточек не только из рефератов на английском языке, но и из рефератов на французском, немецком, испанском, русском, японском, китайском и других языках, так как сравнительная простота стиля таких рефератов и насыщенность терминами делает это практически выполнимым. Однако некоторая предварительная словарная и экспериментальная работа необходимы. Например, фраза: 1) *Твердость стали повышается закалкой*; 2) *Steel is hardened by quenching*; 3) *On peut rendre plus dur l'acier par la trempe*; 4) *Den Abschreckprozess verwendet man auch zur Erhärtung vom Stahl*; 5) *Acero se endurece* и т. д., представляет собой на «семантическом коде» взаимоотношение трех понятий, общих для всех взятых языков: —, *KAJ* (исходный материал) сталь, —, *KAM* (процесс) закалка, —, *KWV* (придаваемое свойство) твердость, — конец предложения.

Для теоретического языкознания работы такого рода могут быть полезны тем, что дают возможность усомниться в правомерности излишнего противопоставления лексики и грамматики. В рецензируемой книге намечаются следующие проблемы: сводимость некоторых конструкций грамматики к понятийным отношениям в узких рамках технического стиля (например, технологический процесс всегда может быть представлен фразой: «исходный материал» → «процесс» → «продукт» → «продукты» с некоторыми незначительными вариациями и т. п.), классификация и разработка семантических множителей для исчерпывающего описания научных терминов, выделение лексического буфера между собственно грамматикой и научной терминологией, который вряд ли уместно разлагать на еще более элементарные «смыслы», наконец, исследование смысловой сочетаемости слов и т. д. и т. п.

Книга А. Кента и Дж. У. Перри «Средства машинного поиска литературы» вводит новое прикладное языкознание в области умозрительных спекуляций и ставит один из его важнейших разделов, а именно машинный поиск литературы, на крепкий фундамент практики и эксперимента. Это — не рассуждение о машинном языке, а уже функционирующий «язык» со своим «словарем» и «грамматикой», даже со своей «историей» и «начитывающей», правда, всего 10—12 лет. «Семантический код»

мливлендского Центра, доведенный до формулировки определенных правил, практических рецептов, пока что остается наибо-

лее крупным из всех опубликованных исследований в этой области.

Т а б л и ц а

№№ пп	Содержательные смысловые признаки	Перевод на русский	Синтетическое описание отношений до избираемых определений
1	<i>(production)</i>	(производство)	(не войдет в перевод, так как здесь синонимично слову «изготовление» — <i>fabrication</i>)
2	<i>welding</i>	сварка	общий процесс обработки алюминия
3	<i>all-aluminium</i>	цельно- алюминиевый	обрабатываемый материал (конкретно алюминиевый сплав)
4	<i>motor car</i>	автомобиль	вся машина, часть которой (корпус) подвергается обработке в процессе производства
5	<i>body</i>	корпус	(автомобиля) как продукт производства из алюминиевого сплава
6	<i>fabrication</i>	изготовление	из алюминиевого сплава
7	<i>Dyna-Panhard</i>	«Дайна-Пэнхард»	марка автомобиля
8	54	54	номер модели
9	<i>Al</i>	алюминий	главная составляющая сплава
10	3,5%	3,5%	количество магния
11	<i>Mg</i>	магний	составляющая сплава
12	<i>pressing</i>	штамповка	сплава
13	<i>A-arc welding</i>	дуговая сварка	сплава
14	<i>spot welding</i>	точечная сварка	сплава

И. Н. Денисов, К. О. Эрстос

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ПО ИСТОРИИ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА В ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В Венгрии историческое и сравнительно-историческое изучение языков имеет свои традиции: Я. Шайнович и Ш. Дьярмати известны в истории языкознания как пионеры в области разработки сравнительно-исторического метода, И. Буденц — как один из лучших представителей младограмматической школы. При сравнительно-историческом исследовании финно-угорских языков в Венгрии в центре внимания всегда стояло изучение родного венгерского языка, который, как известно, среди финно-угорских языков обладает наиболее древними историческими памятниками, являясь поэтому особенно удобным для исследований в этом плане. До установления народной республики в Венгрии языкознанием интенсивно занимался небольшой круг лиц, притом только немногие из них могли себя целиком посвятить науке, остальные отдавали ей лишь время, свободное от основной работы (главным образом — преподавания в средних школах). Так, выдающиеся венгерские ученые Э. Беке и Д. Фокош почти всю свою жизнь работали в гимназии, несмотря на то что их имена были широко известны не только в Венгрии, но и за рубежом.

С приходом венгерского народа к власти положение в корне изменилось. Для развития науки, в том числе и языковедческой, в народно-демократической Венгрии выделяются значительные средства, организованы новые научные учреждения, реорганизованы старые. В системе Академии наук создан специальный центр — Институт языкознания, располагающий значительными научными кадрами для разработки актуальных проблем языкознания. Естественно, что и ныне в центре внимания венгерских языковедов стоит изучение родного языка, и отечественная школа исторического и сравнительно-исторического изучения языков, имеющая многолетние традиции в этой области, дала особенно ценные результаты.

Достижения венгерских языковедов в области исследования истории родного языка за последние 15 лет следует рассматривать в трех аспектах: 1) издание, разработка и толкование письменных памятников, 2) издание университетских курсов, 3) разработка отдельных конкретных вопросов исторической грамматики венгерского языка.

Первый памятник, составленный пол-

ностью на венгерском языке, относится к рубежу XII—XIII вв., однако уже в XI—XII вв. имелись иноязычные (в основном латинские) памятники и лексические перечни, содержащие большое количество венгерских слов (особенно личных и географических имен). Обработке, изданию или переизданию (с подробными комментариями) памятников старо- и средневенгерского языка (до XVII в.) венгерские языковеды за последние 15 лет уделяли большое внимание, в результате чего появились целый ряд обстоятельных и ценных работ. Остановимся на некоторых из них. В своей монографии «Документ об основании Тиханьского монастыря как памятник языка» Г. Барци фактически дает законченное описание фонетики древневенгерского языка¹. Критически анализируя взгляды языковедов по тому или иному вопросу, он привлекает данные также финно-угорских языков и нередко дает свои совершенно новые объяснения. Особенно подробно освещена история стирания конечных гласных основы и история звука *a(ɔ)*. Поскольку документ об основании Тиханьского монастыря был написан на латинском языке, венгерские слова в нем приводятся в основном как изолированные имена, обозначающие мп и географические пункты. Г. Барци подробно анализирует суффиксацию этих имен. Такая работа имеет большое значение также для исторической диалектологии, поскольку Г. Барци удалось показать размещение древневенгерских языковых явлений в задунайской части Венгрии.

Г. Мёсей в своей книге «Старовенгерские тексты с комментариями по истории языка»² рассматривает пять памятников старовенгерского языка: Документ об основании Тиханьского монастыря, Летопись Анонимуса, Варадскую записку, Надгробную речь и Старовенгерский плач Марии. В работе большое внимание уделяется вопросу о методах исследования древних языковых памятников, поэтому книга имеет также теоретическое значение. Устанавливая соотношения букв и звуков

¹ Bárczi G., A Tihanyi apátság alapítólevele mint nyelvi emlék, Budapest, 1951.

² Mészöly G., Ómagyar szövegek nyelvtörténeti magyarázatokkal, Budapest, 1956.

в рассматриваемых памятниках, автор сообщает новые данные по истории звуков венгерского языка, а также соответствия этих звуков в угорском и финно-угорском языке-основе. В книге содержится немало интересных замечаний по истории некоторых словообразовательных суффиксов (например, уменьшительного суффикса *-m*, а также суффиксов *-nyi*, *-al*, *-et*, *-vány*, *-vény* и др.), по истории падежного и притяжательного склонения, сведений о спряжении глаголов, об образовании причастных, деепричастных и инфинитивных форм, о синтаксисе (порядок слов, употребление союзов и т. д.). Несмотря на то, что подобные вопросы выясняются как бы «попутно», при комментировании отдельных слов и грамматических или лексических конструкций, значение таких замечаний далеко выходит за пределы толкования указанных памятников, поскольку при этом автор широко привлекает материалы также других финно-угорских языков. В связи с привлечением данных родственных языков Мёсей нередко высказывает мнения по некоторым спорным вопросам финноугроведения; так, например, он решительно отвергает утверждение Э. Н. Сетзле о том, что чередование ступеней согласных было присуще финно-угорскому языку-основе. Он отрицает также наличие в этом языке-основе аккумулятива с суффиксом *-m*. По мнению Мёсея, суффикс *-m*, употребляющийся как формант винительного падежа в некоторых финно-угорских языках, на самом деле восходит к личному окончанию 1-го лица ед. числа, которое использовалось в детерминирующем значении. При выяснении истории довольно большого количества слов и выражений автор использует данные как древних памятников, так и современных диалектов венгерского языка, а также материалы родственных финно-угорских языков.

Полезная работа проделана Ш. Имре по обработке стихотворного памятника «Битва у Сабача»³. Это стихотворение до сих пор являлось предметом споров, поскольку некоторые специалисты его рассматривали как удачную подделку XIX в., подражающую языку XV в. Подчеркивая, что палеографические, исторические или литературные исследования не могут дать окончательного ответа на вопрос о характере памятника, Ш. Имре подвергает тщательному анализу фонетические, морфологические и синтаксические особенности текста, лексику стихотворения и его орфографию, вопрос принадлежности текста к определенному диалекту; выясняет исторический фон того события, о котором рассказывается в памятнике, и приходит к выводу, что стихотворение «Битва у Сабача» не является подделкой, а действительно было написано в XV в. Доводы Ш. Имре являются настолько убедительными, что указанное произведение в настоящее время может рассматриваться как

один из наиболее ранних стихотворных памятников венгерского языка.

Среди других работ аналогичного характера вызовем монографию Б. Э. Леряци «Кёнигсбергский отрывок и его полоски как памятники языка»⁴, Д. Сабо «Памятники венгерского языка»⁵. Здесь же уместно отметить работу живущего в Румынии венгерского языковеда Т. А. Сабо «Марош-вапшархейские строки и отрывки»⁶.

Издавая университетские курсы, венгерские языковеды и венгерские учебные заведения за последние десять лет проделали огромную и чрезвычайно нужную работу. Высококачественными обобщающими исследованиями в настоящее время обеспечены все разделы истории языка.

Среди изданных университетских курсов почетное место занимают труды Г. Барци. Они отличаются точностью, оригинальностью и обоснованностью выводов. Так, историю фонетических явлений, а также отдельных звуков Г. Барци уточняет с привлечением данных из родственных языков, показаний заимствованных слов, а также материалов современных венгерских диалектов⁷. По некоторым вопросам наиболее исчерпывающее и обобщающее освещение мы находим именно в курсах Г. Барци: таков вопрос о конечных гласных основы, а также о причинах постепенного отмирания и исчезновения этих гласных, исследуемый автором в его «Исторической фонетике». Опираясь на большое количество венгерских слов финно-угорского происхождения, а также заимствований, Барци в своей исторической фонетике по многим общим и частным вопросам оспаривает выводы других языковедов и противопоставляет им результаты своих наблюдений.

В исследовании «Историческая морфология венгерского языка» («Magyar történeli Szóalaktan») на высоком уровне обобщены два раздела морфологии: учение об основах слов — часть, написанная Г. Барци⁸, и суффиксальное словообразование, описанное Д. К. Барта⁹. Несмотря на небольшой объем, работа Г. Барци является наиболее полным для настоящего времени научным обобщением вопроса об основах венгерских слов, где в ряде случаев даются совершенно новые объяснения вопросов, а также выдвигаются новые проблемы. В исследовании о суффиксальном словообразовании Д. К. Барта, обобщая существующие по этой теме исследования, систематизирует материал в двух основных главах, одна из которых посвящена образованию глаголов, другая —

⁴ B. J. ö r i n e z y É., A Königsbergi töredék és szalagjai mint nyelvi emlékek. Budapest, 1953.

⁵ S z a b ó D., A magyar nyelvemlékek, 2-е доп. изд., Budapest, 1959.

⁶ S z a b ó T. A., A Marosvásárhelyi sorok és glosszák, Budapest, 1958.

⁷ B á r c z i G., Magyar hangtörténet, 2-е доп. изд., Budapest, 1958.

⁸ Его же, A szótövek, Budapest, 1958.

⁹ D. B a r t h a K., A magyar szóképzés története, Budapest, 1958.

³ I m r e S., A Szabács viadala, Budapest, 1958.

образованию имен. Согласно принятым в венгерском языкознании классификациям, инфинитив, причастия и деепричастия оказались здесь отнесенными к именам, образование же наречий вообще опущено. Приходится сожалеть о том, что еще не издан труд по истории словосложения, хотя по выяснению теоретической стороны вопроса, а также собиранию фактов (например, по сложению глаголов, природе «слов-близнецов» и т. д.) уже проделана значительная работа, в которой большие заслуги имеет Д. Пайж.

По истории синтаксиса венгерское языкознание располагает таким ценным и документальным исследованием, как трехтомная работа А. Клемма «Венгерский исторический синтаксис»¹⁰. Тем не менее «Исторический синтаксис венгерского языка» Й. Беррар¹¹ вносит много нового в трактовку ряда общих и частных вопросов: Беррар ищет новые пути, используя при этом данные новейших исследований (см. например, проблему словосочетаний). Результатом самостоятельной разработки автора явился раздел о средствах, выражающих синтаксические отношения. Эти средства автор классифицирует следующим образом: а) самостоятельные слова (последлоги); б) части слов (прилепы и признаки); в) аглоссальные языковые средства, которые не выражены в звуковой форме (порядок слов, мелодика, ударение, паузы). К области синтаксиса Й. Беррар относит ряд явлений, которые принято рассматривать в морфологии (например, формы склонения и спряжения).

В книге «Происхождение лексики венгерского языка» Г. Барци обобщает данные уже имеющихся работ по выяснению этимологии слов финно-угорского происхождения и заимствований¹². Известно, что венгерские языковеды в этимологических исследованиях добились отличных результатов, и эта область работы является особенно хорошо знакомой для Г. Барци, перу которого принадлежит пользующийся большим успехом этимологический словарь венгерского языка¹³. Следует отметить, что особый интерес в книге представляет анализ вопросов, которыми в Венгрии интенсивно стали заниматься лишь в последнее время: таковы вопросы о словах, возникших в отдельной жизни венгерского языка (междометия, изобразительные слова, лексика детской речи, слова, предназначенные для общения с животными, и т. д.), вопросы о венгерских личных и географических именах.

Работа Л. Бенке «История венгерских

диалектов»¹⁴ состоит из трех основных частей. Первые две из них посвящены анализу теоретических вопросов и методов диалектологических исследований. Изложив по этим принципиальным вопросам свою точку зрения, автор в третьей части подвергает всестороннему анализу языковые факты (т. е. привлекает данные из фонетики, грамматики и лексики), проследживает путь развития венгерских диалектов с древнейших времен до наших дней. Книга снабжена богатой библиографией венгерской и зарубежной диалектологической литературы.

Перечисленные труды представляют большой интерес не только для исследователей истории венгерского языка, но также и для специалистов по общему языкознанию, поскольку в указанных работах имеются главы, в которых излагаются взгляды авторов на общие вопросы грамматики, определение грамматических категорий, методы исследований, обоснование терминов и т. п., а выводы строятся преимущественно на материале финно-угорских языков, которые, как известно, довольно редко используются в исследованиях по общему языкознанию.

За последние 15 лет был издан целый ряд ценных монографий (среди них значительное место занимают диссертации) и статей, посвященных отдельным вопросам истории венгерского языка. Укажем здесь диссертацию Л. Бенке «История венгерского звука *ly*»¹⁵. Большое значение для исторической фонетики венгерского языка имела также «История венгерской орфографии» И. Кляежи¹⁶, изданная в серии университетских курсов. С интересом читаются работы Э. Мора «Формирование венгерского консонантизма»¹⁷ и «Формирование древневенгерского народа в свете истории звуков и слов»¹⁸, содержащие спорные вопросы. Ряд интересных монографий посвящен отдельным вопросам исторической грамматики. Таковы «Роль соединительного гласного в разграничении категорий имен» Й. Томпа¹⁹, «Разделы о раз-

¹⁴ B e n k ő L., Magyar nyelvjárás-történet, Budapest, 1957.

¹⁵ B e n k ő L., A magyar *ly* hang története, Budapest, 1953.

¹⁶ K n i e z s a I., A magyar helyesírás története, 2-е испр. изд., Budapest, 1959.

¹⁷ E. M o ó r, Die Ausbildung des ungarischen Konsonantismus, «Acta linguistica Academiae scientiarum Hungaricae», t. II, fasc. 1—2, Budapest, 1952.

¹⁸ E g o ж е, Die Ausbildung des ungarischen Volkes im Lichte der Laut- und Wortgeschichte, «Acta linguistica Academiae scientiarum Hungaricae», t. VI, fasc. 1—3, Budapest, 1956; II — там же, t. VII, fasc. 1—2, 1957; III — там же, t. VIII, fasc. 3—4, 1957; IV — там же, t. VIII, fasc. 1, 1958; V — там же, t. VIII, fasc. 2—4, 1958; VI — там же, t. IX, fasc. 1—2, 1959.

¹⁹ T o m p a J., A névszói kötőhangzó szófaj-megkülönböztető szerepe, Budapest, 1957.

¹⁰ K l e m m A., Magyar történelmi mondatlan, Budapest, I. kötet — 1928, II. kötet — 1940, III. kötet — 1942.

¹¹ B e r r á r J., Magyar történelmi mondatlan, Budapest, 1957.

¹² B á r c z i G., A magyar szókinés eredete, 2-е доп. изд., Budapest, 1958.

¹³ E g o ж е, Magyar szófejtő szótár, Budapest, 1941.

витии суффиксов обстоятельств» Й. Беррар²⁰, «Система инфинитива, причастий и деепричастий в первом периоде кодекской литературы» Ш. Карой²¹, «История семантики сложных форм венгерского глагола» Г. Баяхиди²², «Именной суффикс *-beli*» Я. Дьяльмоша²³ и др.

Огромная работа проделана по исследованию словарного состава венгерского языка, причем большое внимание было обращено на выяснение истории заимствований, на изучение личных и географических имен, гнезд слов, развития значения слов и т. д. Здесь хотелось бы отметить ряд интересных работ Э. Беке, Я. Мелиха, И. Книежи, Л. Лягети, Д. Немета, Д. Пайжа, Л. Тамаша и др. Издание монументальной работы И. Книежи «Славянские заимствования в венгерском языке»²⁴ является событием не только в области истории венгерского языка, но также и славистики.

²⁰ B e r r á r J., Fejezetek határozóragjaink élettörténetéből, Budapest, 1957.
²¹ K á r o l y S., Igenévrendszerünk a kódexirodalom első szakaszában..., Budapest, 1956.

²² B á n h i d i Z., A magyar összetett igealakok jelentéstörténete, Budapest, 1957.

²³ G y a l m o s J., A *-beli* névszóképző, Budapest, 1954.

²⁴ K n i e z s a I., A magyar nyelv szláv jövevényszavai, I. kötet, 1—2 rész, Budapest, 1955.

Исторической диалектологией в Венгрии начали заниматься сравнительно недавно. Для этого нужно было собрать обширный материал современных диалектов, обработать соответствующим образом письменные памятники. Первые систематические исследования по исторической диалектологии связаны с именем Г. Барпи (1947 г.). В своем докладе «Венгерская историческая диалектология»²⁵ он в основном рассматривал вопросы, касающиеся методов исторического исследования диалектов. Кроме Барпи, наиболее значительные заслуги в выработке метода и анализа теоретических вопросов, связанных с этой областью языкознания, имеют Л. Бенке (см. выше), Л. Деме²⁶, Б. Кальмай, Д. Пайж, Т. А. Сабо и др.

За последние годы в Венгрии значительно усилилась работа по сравнительно-историческому изучению финно-угорских языков и по общему языкознанию.

²⁵ B á r c z i G., A magyar történeli nyelvjáráskutatás, в об. «Általános nyelvészet, stílusztika, nyelvjárástörténet. A III. Országos magyar nyelvészkongresszus előadásai (Budapest, 1955. November 11—13)», Budapest, 1956.

²⁶ О его фундаментальной работе см. ВЯ, 1958, № 2.

К. Е. Майтинская

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ УЧЕНЫЕ

Меня радует, что Редакционная коллегия журнала «Вопросы языкознания» стремится укрепить связи ученых-лингвистов. Как тюрколог я особенно заинтересована в контакте с советскими коллегами по специальности, и я могу с благодарностью признаться, что ряд советских ученых часто присылает мне свои работы.

4 года назад в «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft» по просьбе редакции этого журнала я опубликовала свое сообщение о «Новых изданиях и планах работы в области алтаистики и изучения Центральной Азии»; при этом работы тюркологов из Турции и советских коллег в соответствии с планом не учитывались, поскольку я ожидала от тюркологов обеих стран сообщения об их несравненно более богатых сериях публикаций.

Мне представляется, что советские ученые владеют несколько иным методом работы, нежели мы, а именно: в то время как каждый из советских коллег имеет возможность углубленно изучать отдельные тюркские языки, мы стремимся по мере возможности обзирать всю группу этих языков. Первый метод мы назовем «Vertiefung», а второй — «Ausweitung». Если бы мы приложили все усилия для создания возможностей тесного сотрудничества, то это весьма способствовало бы нашему общему делу. К сожалению, я не знаю русского языка, но при помощи словаря я могу использовать в некоторой степени грамматические и лексические работы.

Мой план работы на ближайшее будущее таков: 1) изложение древнетюркской литературы; 2) издание факсимиле древнетюркской рукописи «Maitrisimit II»; 3) дальнейшее издание факсимиле древнетюркских рукописей, находящихся в распоряжении Берлинской академии, например фрагментов различных копий «Сутры Золотого блеска» и др.; 4) перевод «Maitrisimit II» — буддийского произведения, которое имеет большое значение для культа Майтреи и, кроме того, для развития драмы в Центральной и Восточной Азии; 5) интерпретация очень фрагментарных рукописей на древнетюркском, написанных тибетским письмом, и фонетическое изучение передачи древнетюркского языкового материала различными видами письма; 6) изучение узбекского языка и литературы

А. фон Габеч (Гамбург)
Перевод с немецкого

В связи с моей книгой «Origini indeuropae», которая появится через несколько месяцев, я продолжаю интересоваться применением ареального метода к проблемам индоевропейской сравнительной грамматики, отношениями между лингвистическими и культурными реконструкциями, соответствиями между лингвистическими инновациями и последовательностью археологических культур. Например, так называемое германское Lautverschiebung можно

интерпретировать не как автоматический процесс, а как последовательность, при которой изменение k в h соответствует культуре шнуровой керамики, изменение g в k — унетичкой культуре и изменение gh в g — культуре полей погребения.

Что касается моих новых работ, то я занимаюсь составлением региональной истории Италии на основе установления связей между развитием диалектальных ареалов и социально-экономической эволюцией различных районов. В более отдаленном будущем мне хотелось бы заняться основными проблемами синтаксиса с точки зрения, являющейся как бы средней между общей грамматикой и традиционным сравнительным методом: мне хотелось бы дать «общую схему синтаксиса», свободную от всяких метафизических связей, служащую эталоном типологического сравнения различных языков. Я был бы счастлив, если бы мог рассчитывать во всех этих областях на сотрудничество советских ученых.

Е. Девотс (Флоренция)
Перевод с французского

Доктор филол. наук проф. А. Достал (Прага) в настоящее время занимается следующими работами:

Старославянский и церковнославянский язык. После издания Клоцева сборника подготовил совместно с проф. К. Горалком и проф. Й. Курцом литографированный курс лекций по грамматике старославянского языка, в котором разработал раздел о глаголах. Этот курс выйдет в ближайшие дни. Постоянно участвует в издании текста Старославянского словаря, исполняя обязанности секретаря редакции. Проф. А. Достал совместно с ст. научн. сотр. М. В. Бражничковым (Институт истории искусств АН СССР) готовит издание Благовещенского кондакария — памятника церковнославянского языка русской редакции (XII в.), хранящегося в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Благовещенский кондакарий важен также как памятник, имеющий большое значение для вопросов музыковедения, для изучения истории византийского музыковедения и истории восточного церковного пения. Еще не решено, где и кем будет это издание опубликовано.

Чешский язык. Проф. А. Достал готовит совместно с Й. Грбачком обширную статью по истории чешского литературного языка во второй половине XIX в. Эта работа согласована с исследователем по истории чешского языка в первой половине XIX в., которое проводит проф. А. Едлич с сотрудниками.

Полонистика. Проф. А. Достал вместе с сотрудниками готовит собрание избранных польских текстов (от древнейшего периода) с замечаниями и словарем для большой хрестоматии славянских текстов, которая готовится под ред. проф. Й. Курца на философском факультете Пражского университета.

Византиноведение. Проф. А. Достал готовит обширную работу о славянском тексте византийского эпоса о Дигенесе Акрите. До сих пор им написаны небольшие статьи по этому вопросу, готовится доклад для XII Международного конгресса византистов в Охриде в Югославии в 1961 г., а также подробная разработка славянского текста, языковой разбор этого текста, где будет показано, в частности, также отношение славянского текста к греческим текстам этого эпоса. Для журнала «Византийский временник» им готовится статья, где будет дан обзор возможного влияния византийской литературы на возникновение древних славянских текстов и на развитие славянской литературы древнего периода. Проф. А. Достал регулярно составляет библиографию для журнала «Byzantinoslavica», где занимает должность главного редактора, и сообщает о тех работах, которые касаются славяно-византийских отношений.

1. Главной темой моего «научного станка» по индивидуальному плану как члена Польской Академии наук является изучение «литературного языка Золотой Орды». Эту тему я представил I Отделению Польской Академии наук еще в 1953 г. и до настоящего времени опубликовал ряд выступительных работ по данному вопросу, а также критически издал основной литературный памятник Золотой Орды — старейшую тюркскую версию поэмы «Хосров и Ширин» (по персидскому оригиналу Низами), составленную в Золотой Орде выходцем из Хорезма — Кутбом — около 1341 г.

Поскольку в международных востоковедческих журналах уже появилось несколько рецензий на эти работы и на издание текста и факсимиле уникальной рукописи указанного памятника (см. особенно обстоятельную рецензию в «Orientalistische Literaturzeitung», № 3—4, 1960), я могу считать себя освобожденным от презентации этих трудов. Однако они тесно связаны с моими новыми плановыми работами.

Итак, в этом году я закончил обработку «Словаря» к изданному тексту Кутба. Этот исключительной ценности литературный памятник написан на очень архаичном тюркском языке и содержит наряду с общей лексикой, условно называемой «уйгурской», или «караханидской» (ср. материалы словаря Махмуда Камгарского), также многие весьма интересные элементы лексики кыпчакской. Издание этого «Словаря», охватывающего главным образом тюркскую лексику и фразеологию (обработывалась сравнительным методом), которую содержит большая поэма (около 4500 стихов — бейтов), значительно пополнит наличный фонд словарей тюркских языков.

Появление в печати «Словаря» как третьего тома издаваемой Польской Академией наук серии предполагается в конце 1960 г. или в начале 1961 г. Следующий, четвертый, том серии, к которому я те-

перь приступаю, должен содержать монографическое изучение языка (фонетика, морфология и т. д.) этого литературного памятника. Здесь надо указать, что Брокельман в своей «Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens» хотя и указывает на этот золотоордынский памятник (стр. 5) как источник, но в самой «Грамматике» не приводит ни одного примера из данного источника, который, таким образом, остается до сих пор не изученным.

В качестве пятого тома мною будет разработана «Стилистика и поэтика» Кутба в связи с изучением языка и версификации (сравнение с персидским оригиналом Низами).

2. Наряду с этой темой я продолжаю разрабатывать кыпчакские языковые материалы из Государства мамелюков в Египте и Сирии (XIV — XV вв.). См. два мамелюкских трактата, опубликованные мною в «Bosznik orientalistycznu» (т. XXIII).

3. Теснейшим образом с работами по кыпчакской диалектологии связаны мои труды по караимскому языку и письменности. Вместо с проф. Н. А. Баскаковым, руководящим работами по данной теме от имени Института языкознания Академии наук СССР, мне предоставлена редакционная работа по «Словарю» от Института востоковедения Польской Академии наук. Кроме того, я приступил к разработке краткого обзора караимской литературы (написанной на караимском языке) для международного издания «Philologiae Turcicae Fundamenta», т. II (который будет посвящен литературам тюркских народностей).

Мною сдана в издательство работа на английском языке «Нарaimы в Польше» (с обширными главами о языке и фольклоре). Эта книга, написанная еще в 1950 г., представляет суммарный итог моих штудий по этому вопросу за период в 35 лет. Одна из глав этой работы, посвященная культуре хазар и вопросу о их наследниках, появится в сборнике в честь маститого юбиляра Ю. Немета (издание Венгерской Академии наук).

4. Одной из давнейших языковых тем, над которой я тружусь, является вопрос о восточных, в частности тюркских, заимствованиях в славянских языках. На эту тему автор разработал статью, которая должна появиться в сборнике в честь проф. В. Дорошевского. Другую статью по параллельной теме Slavo — Sarmatica (о славянских заимствованиях в языке куманов) и намерен подготовить для сборника в честь А. фон Габви.

5. Вопрос о структуре корня в тюркских языках является новым подходом к старой теме, которой я посвятил докторскую диссертацию 30 лет назад. Эту тему я разрабатываю теперь в связи с планом Института востоковедения ЦАН, в котором предусматривается составление этимологического словаря тюркских языков, а также непосредственно в связи с Международной алтаистической конференцией, на которой в июне текущего года я представил

реферат на эту тему. В ближайшем будущем мне бы хотелось также поделиться своими соображениями на эту тему в Вашем журнале.

А. Зайончковский
(Варшава)

Как это часто бывает, работу одновременно над несколькими темами. Это, конечно, откладывает окончание каждого отдельного труда, но вместе с тем способствует его полному созреванию. Кроме того, опыт и приобретенные во время работы над одной темой знания помогают разработке других, если принять во внимание факт, что все эти темы находятся в тесной связи.

После выхода в свет первого тома моего труда «Die serbokroatischen Dialekte», в котором содержится общая часть и глава, посвященная штокавской диалектной группе, я начал работать над вторым томом, в котором будут обработаны чакавская, кайкавская и торлакская группы. Этот труд представляет собою попытку резюмировать все то, что до сих пор было известно о сербскохорватских диалектах, с применением структурных методов описания фактов. Оказывается, что многие вопросы о взаимосвязях между диалектами, об их классификации и генетических отношениях требуют совсем нового толкования. Наконец, ввиду того что материал, имеющийся в научной литературе, является недостаточным, я принужден совершать поездки в определенные пункты, чтобы пополнить пробелы. Большая часть этих поездок уже окончена, между тем как другую еще приходится осуществлять.

На материале, собранном для «Die serbokroatischen Dialekte», будет построена и моя книга «Структура у српскохрватским дијалектима», где будет осуществлен типологический разрез через фонологические и морфологические феномены сербскохорватских диалектов. Ввиду того что сербскохорватский язык в отношении типологической дифференциации между диалектами является одним из первых в мире, мне кажется, что публикация такой коллекции феноменов, при ясно подчеркнутым анализе зависимости между ними, имело бы интерес не только для югославской лингвистики. Особенно значительных результатов можно ожидать в области просодических феноменов.

Что касается диалектологии, то в последнее время я очень занят подготовительными работами в связи с созданием атласа сербскохорватского языка. Эта работа, в которой я принимаю участие в качестве члена и организационного секретаря Югославского комитета по диалектологическому атласу, теперь находится в период завершения вопросника. Исследования на местах должны начаться в 1961 г. и охватить около 300—400 пунктов, при этом густота сетки будет неодинаковой, что объясняет

ся неодинаковым дифференцированием сербскохорватской языковой территории. Предназначенный для этой цели вопросник содержит приблизительно 1500 вопросов, сформулированных лексически, но с учетом фонетических, морфологических и синтаксических данных. Наш комитет принял участие также и в подготовке вопросника для общеславянского языкового атласа.

Наконец, в сотрудничестве со своей супругой, проф. Милкой Ивич, пытаюсь создать новую грамматику современного сербскохорватского литературного языка. В отличие от существующих трудов этого рода, опирающихся на старые традиции, в упомянутой грамматике будут применены методологические достижения современной науки. Этот труд задуман как научное пособие, причем будет возможно использовать его и в качестве университетского учебника. Над главами о синтаксисе и о значении грамматических категорий работает М. Ивич, в то время как я обрабатываю главы о звуках и морфематических средствах; каждый отдел будет содержать и выборочную библиографию вопроса.

П. Ивич
(Новый Сад)

В настоящее время я занят следующими большими работами.

1. Вместе с проф. д-ром В. Томасом (Франкфурт) пишу «Основы тохарского языка». Том первый содержит подробное изложение грамматики обоих тохарских диалектов — А (восточнотохарского) и Б (западнотохарского), причем оба этих диалекта систематически и всесторонне сопоставляются друг с другом. Установление соотношений между тохарскими и соответствующими индо-германскими формами проводится с большой осторожностью, так что вниманию читателя предлагаются только бесспорные или наиболее вероятные факты. В рассматриваемом томе впервые дается обстоятельное изложение фонетики. Кроме того, большое значение придается подробному изложению системы именных флексий, так как в этой области до сих пор нет специальных исследований. С другой стороны, система глагола излагается несколько короче, ибо основы разработки этого вопроса уже заложены в «Tocharische Grammatik» Э. Зига, В. Зиглинга и Шульце (для восточнотохарского) и в «Westtocharische Grammatik» (т. I), выпущенной мною. Объем первого тома «Основ тохарского языка» — 17 печатных листов. В настоящее время подготовлена верстка книги. Она должна выйти в свет уже в 1960 г. в издательстве Винтера (г. Гейдельберг).

В 1-й части второго тома «Основ» содержатся избранные (по форме и по содержанию) тексты на обоих тохарских диалектах. Тексты приводятся в латинской транскрипции и для удобства понимания сопровождаются кратким комментарием.

Среди публикуемых западнотохарских текстов имеются некоторые до сих пор не изданные отрывки; особенно интересно пространное послание, очевидно, более высокопоставленного монастырского должностного лица к настоятелю какого-то монастыря. Послание это является ответом на жалобу настоятеля монастыря (к сожалению, не сохранившуюся) относительно некоторых неполадок во внешних делах его монастыря.

Во 2-й части второго тома содержится очень подробный указатель слов, приводимых в грамматике тохарских диалектов (т. I), а также в текстах для чтения (т. II). При каждом слове дается точное указание тех мест текста, где оно встречается. Составители сочли целесообразным разделить указатель слов по диалектам таким образом, что сначала приводится восточнотохарский, а затем западнотохарский указатель; при этом в каждом имеются ссылки на другой указатель. Часть книги, содержащая тексты для чтения (за исключением одного отрывка), уже готова к печати. Почти готов к печати и восточнотохарский указатель слов; полностью подготовлены списки слов для составления западнотохарского указателя. По объему второй том будет почти равен первому.

II. В области скандинавистики я занят в настоящее время двумя различными проблемами.

1. Новые рунологические исследования оригиналов дают возможность внести коррективы в рунологические словарные статьи книги Й. Хоопса «Realexikon der germanischen Altertumskunde» (предполагается переиздание этого труда), а также — в возможное переиздание моей книги «Runenschriften im älteren Futhark», которая появилась в 1937 г. и в настоящее время полностью распродана. Особенно необходимо будет учесть данные рунических памятников, найденных в последнее десятилетие, и среди них в первую очередь — древнеладужской рунической надписи, впервые опубликованной советскими учеными. Давно подготовленная мною работа об этой надписи должна появиться в журнале «Norsk tidsskrift for sprogvidenskab».

2. Уже долгое время я занят наблюдениями над структурой современного шведского языка. Прежде всего я исследовал развитие и употребление пассива, постепенное образование собирательных имен существительных, формально и синтаксически отличающихся от единственного и множественного чисел (ед. число *mygga*, мн. число *myggor*, собирательн. *mygg*), а также очень подробно и на более широкой основе изучил постепенное образование паратактических вспомогательных глаголов в новоскандинавских языках, особенно в шведском (например, *Det satt han och tänkte på*). В дальнейшем я предполагаю опубликовать результаты этих исследований.

В. Краузе (Геттинген)
Перевод с немецкого

В настоящее время я готовлю собрание очерков по синтаксису старославянского языка. В это собрание войдут, в частности, мои следующие труды: а) работа по методике исследования синтаксиса старославянского языка; б) работа по вопросу выражения им. падежа местоимения 3-го лица; в) работа по проблеме члена в старославянском языке; г) работа, содержащая анализ позиции и значения указательного местоимения (D) в его сочетании с именем существительным (S) и с именем атрибутивно-прилагательным (A) всех типов [например: *си мжжи лютии* (Супр.), *тъ герсоньски градъ* (Супр.), *учение се новое* (еванг.), *великаб си вьданиб* (еванг.), *твснхъ же твхъ вратъ* (Евх. сив.), *мбненя она славьяна мжжа* (Супр.), *слова са мов си* (еванг.), *враги моѣ ти* (еванг.), *святими мжжи онѣми* (Супр.), и т. п., где, следовательно, можно выделить типы DSA, DAS, SDA, ADS, SAD, ASD]; д) работа о возникновении и значении полной формы прилагательного; е) работа о сочетаниях причастий с определенной формой глагола при помощи союзов *и*, *а*, *да* и т. п.; ж) работа о союзе *яко* (*jako*) в начале прямой речи.

Много времени и больших забот стоит мне «Словарь старославянского языка», который под редакцией акад. Б. Гавранка, профессоров А. Достала, К. Горалка, И. Вашицы, научн. сотрудников Славянского института В. Ф. Мареша, А. Матла, М. Штербой и под моей главной редакцией издается Славянским институтом Чехословацкой Академии наук. Ежегодно выходит два выпуска словаря (уже будут издаваться три выпуска в год).

Я не буду касаться здесь мелких работ — статей, рецензий, которые пишу в настоящее время; их тематика, во-первых, старославянский язык и кирилло-мефодьевская письменность, во-вторых, история славяноведения. Пишу также учебник старославянского языка для вузов. Одновременно продолжаю готовить к изданию некоторые старославянские памятники (Ассеманиево, Зографское, Мариинское евангелия).

Славянский институт Чехословацкой Академии наук поручил мне редактировать славяноведческую лингвистическую библиографию для международного центра библиографии краковского журнала «*Rocznik slawistyczny*». В конце 1960 г. будут готовы списки чехословацких работ за 1956—1958 гг. Я подготовил к печати также первый том избранных трудов проф. О. Гуйера. В этом томе будут опубликованы статьи Гуйера по истории и диалектологии чешского языка. Он будет издан в начале 1961 г.

И. Курц
(Прага)

Индоевропейское языковедение по-прежнему будет составлять для меня наибольший интерес. Одной из основных задач современной лингвистики является такая трактовка языков прошлого (в том числе и реконструируемых), как будто на них

говорят в настоящее время. Так, например, мы должны описывать протоиндоевропейский язык как лингвистическую структуру, не принимая во внимание методы тех из наших предшественников, которые рассматривали его и другие реконструируемые языки как средоточие всех особенностей, обнаруживаемых в диалектах. Наше понимание фонологической системы протоиндоевропейского уже стало более совершенным, частично в связи с применением структурального метода, который также позволил проникнуть в более ранние периоды развития этого языка. Последовательно совершенствуемое фонологическое описание поведет к более полному пониманию протоиндоевропейской морфологической и синтаксической систем. Я работаю над проектом этих систем; однако в связи с тем, что в сравнительно-историческом языковедении понимание морфологии и синтаксиса зависит от достаточно полного понимания фонологии, необходимо дальнейшее совершенствование описания последующих элементов протоиндоевропейской фонологии, которые использовались в качестве синтаксических показателей.

Таковыми элементами, мало изученными в прошлом, являются индоевропейские акценты и сигналы границы (*juncture*). Наилучшим способом, дающим нам возможность понять характер указанных элементов, является изучение лингвистических материалов, в которых такие различительные признаки применяются сознательно, как, например, в стихе. Мы можем коррелировать полученные выводы моделями древнейшей индийской прозы, дошедшей до нас с отметками акцента. Именно с этой целью один из моих учеников изучал «*Taittirīya Brāhmaṇa*». Некоторые из индоевропейских моделей акцентов можно получить производно, путем изучения германского стихосложения, чем я и занимался некоторое время.

Германские языки имеют несколько своеобразное значение для исследования индоевропейского языка; прежде всего, они представляют собой разновидность более простой области для применения методов исторического языковедения. Как и протоиндоевропейский язык, протогерманский является реконструируемым языком, хотя он и не так отдален от засвидетельствованных текстов и не распадается на множество диалектов. Учитывая возможность частичного использования прагерманского как модели для более сложной индоевропейской области, я в настоящее время работаю над протогерманской грамматикой, которая, по моим планам, вскоре станет общедоступной.

На основе своих последних исследований я отметил важность диахронического разграничения языков. В прошлом мы определяли языки на основе лингвистических критериев в соответствии с их географическим распространением; однако изучение последовательных стадий развития языка основывалось обычно на учете событий исторического и культурного ха-

рактера (таких, как введение систем письма) или на переменах в культуре (таких, как появление придворной культуры в средние века). В предстоящих исторических исследованиях необходимо использовать структурные критерии при выделении той стадии развития языка, изучением которой мы занимаемся. Методы определения требуемых структуральных критериев следует разработать таким же путем, каким были разработаны методы географического выделения языков. Вскоре я собираюсь опубликовать краткую заметку о таких методах выделения протогерманского. Краткие характеристики последовательных периодов развития протоиндоевропейского языка белло обрисованы в последней главе моей «Proto-Indo-European phonology». Коррелируя выделенные периоды морфологической и синтаксической эволюциями, мы сможем приблизиться к составлению удовлетворительной грамматики протоиндоевропейского языка, которую я планирую написать.

Совершенствуя методы изучения в более доступных областях с тем, чтобы применять их затем к более сложным проблемам, историческая лингвистика должна максимально воспользоваться успехами дескриптивной грамматики. Таким образом, лингвисты, занимающиеся сравнительно-историческими исследованиями, должны принять участие в работе современных дескриптивистов. Большим вкладом в лингвистику в ближайшем будущем явится изменившаяся точка зрения на язык в связи с его автоматическим анализом. Для полного успеха необходим всеохватывающий анализ языка, а не соображения отчасти ограниченных его областей, таких как фонология. В связи с этим я занимаюсь также лингвистическим анализом, связанным с машинным переводом. Эти занятия обусловлены также и другим фактором: мы не можем продолжать вести наши исследования таким образом, как будто лингвистический анализ — это таинство, известное лишь посвященным. Способствовать тому, чтобы лингвистический анализ был понятен любому человеку, — одна из важных целей лингвистического исследования, которую можно достичь посредством изучения системы общения людей. Синхронная лингвистика пытается создать различные модели системы общения, самой новой из которых является математическая модель. Одной из задач исторической лингвистики является осуществление проверки таких моделей применительно к историческому материалу. Для подобного изучения индоевропейская семья языков является особенно важной по причине количества и энтенсивности материала, которым она располагает. Таким образом, нашему пониманию человеческой системы общения во многом будет способствовать точное понимание протоиндоевропейского языка и его диалектов.

В. П. Леман
Техасский университет, США
Перевод с английского

Уже многие годы моя работа концентрируется на двух областях санскритской филологии: а) на ведах, б) на грамматистах. Я намерен продолжить эти исследования. В течение приблизительно 5 лет я уже опубликовал шесть выпусков работы под общим заголовком «Etudes védiques et rāṣīśēpēs», где, говоря по правде, часть, посвященная ведам, намного важнее, чем та, которая посвящена Панини.

Я надеюсь продолжить эту серию работ. В печати находится седьмой выпуск, касающийся интерпретации гимнов Варуны из «Rg-Veda». Подготавливаю восьмой и девятый выпуски, которые будут посвящены гимнам Сома. Если буду в силах, хотел бы завершить эту серию выпусков; моя цель при этом — постепенно дать комментированный перевод текста «Rg-Veda» в целом. Я считаю, что можно внести улучшения во многие детали перевода Гельднера и что можно при внимательном рассмотрении гимнов сделать полезные замечания собственно грамматического или семантического характера.

В области изучения индийских грамматистов вместе с молодым японским ученым (Ютаки Ожигара из Киото) уже много лет занимаюсь подготовкой перевода начала (т. е. начальной главы) «Kāśīkā-Vṛiti» — классического трактата, содержащего комментарий к сочинениям Панини. Мы задумали этот перевод в очень широком плане: в виде комментария мы приводим либо полностью, либо в кратком изложении все места из «Mahābhāṣya», «Nyāsa» и «Padamañjarī», которые могут осветить или дополнить то, на что указывается в «Kāśīkā».

Первая половина этой работы находится в печати: она включает с 1 по 44 сутры Панини. Вторая часть, которая активно подготавливается, будет включать сутры 45—75.

Кроме того, в «Journal asiatique» печатаются две мои довольно обширные статьи, одна — о внутреннем построении «Prātiśākhya», а другая — о теории времен у индийских грамматистов.

М. Рену (Париж)
Перевод с французского

По желанию редакции «Вопросов языкознания» кратко сообщая о планах моей работы на несколько ближайших лет.

Главным моим занятием в течение многих лет (приблизительно 15—20 лет) будет, как и в последние 11 лет, редактирование «Старопольского словаря». В настоящее время начато редактирование статей буквы К; таким образом, скоро будет закончена половина словаря. Кстати сказать, минуло ровно 25 лет, как я начал работать в редакции «Словаря», будучи стипендиатом, весной 1935 г. Редактирование научного словаря, и, думается, в особенности такого, как «Старопольский словарь», очень трудно и поглощает много времени, а ведь одновременно и исполняю

обычные обязанности профессора университета; на собственную мою работу времени остается очень мало. При таком положении мои замыслы не могут быть слишком широкими, не теряя своей реальности.

Сейчас часть моего внимания и времени направлена на подготовительные работы, плоды которых будут видны лишь в будущем. Вместе с доктором В. Гурецкой я подготавливаю систематический указатель старопольских слов (он будет подобен системе Р. Халлига и В. Вартбурга). В дальнейшем это даст мне возможность сделать систематическое описание старопольской лексики, на чем я и хотел бы закончить свою деятельность лексикографа. Параллельно я подготавливаю алфавитный указатель старопольских слов, расположенных алфавитно а тегго, что другим и мне облегчит изучение старопольского словообразования. Допускаю, что эта работа будет подготовлена к печати в 1961 г. К этому же времени, возможно, я успею продумать теоретические принципы составления малого старопольского словаря, о котором я упоминал во вступительной статье к I тому «Старопольского словаря».

Уже в этом году я должен действительно продвинуть вперед издание старейшего польского перевода библии, так называемой Библии королевы Софьи. Текст ее должен быть издан параллельно с наиболее ей близкой старочешской версией, которую путем тщательных сопоставлений подготавливает доктор В. Кыс (Брно). Можно надеяться, что наше издание будет весьма полезным для историков польского и чешского языка, в особенности для лексикографов. Подчеркиваю, что это будет вообще первое издание старочешского перевода (правда, лишь в тех размерах, что и сохранившийся старопольский текст).

В ближайшее время польские ученые отмечают две великие годовщины: тысячелетие польского государства и шестисотлетие Ягеллонского университета. Это явилось для меня стимулом к окончанию двух

работ, давно намеченных и уже частично начатых. Речь идет, во-первых, о новом издании и комментировании «Орфографии» Станислава Заборовского 1514 и 1518 гг., которая до сих пор не оценена по заслугам. Во-вторых, я хотел бы опубликовать исправленное и дополненное издание моей книги «Религия языческих славян». Здесь я учитываю послевоенные труды как языковедов, так и этнографов и археологов. Наконец, вот уже несколько лет, как я пишу для «Словаря славянских древностей» статьи, касающиеся сферы верований, что позволяет мне удерживать контакт с этими проблемами.

В этом году я должен сдать в печать большой том, включающий избранные ответы редакции «Języka polskiego» по вопросам правильности и культуры речи. В 40 выпусках этого журнала помещается огромный и весьма интересный материал, который в значительной степени пропадает из-за его труднодоступности. Собрание этого материала в одном томе и снабжение указателем поможет читателю разобраться в затронутых вопросах. Изучению современного польского языка это принесет большую пользу, поскольку ответы редакции опираются на тщательное исследование теперешнего строя языка.

В результате мне приходится отложить на более позднее время уже начатые исследования об отношении старопольских и старочешских псалтырей. Также на дальнейшее я откладываю написание истории чешского языка, задуманной как учебник для польских богемистов. Я смогу начать работать в этом направлении лишь года через четыре. В конце скажу еще, что уже полгода ожидается выход из печати нового, дополненного издания «Очерка польской диалектологии»; можно надеяться, что уже в 1960 г. это пособие будет в руках у студентов.

С. Урбанчик (Краков)
Перевод с польского

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

8 июня 1960 г. на общем собрании Отделения литературы и языка АН СССР, проведенном под председательством акад. Н. И. Конрада, были заслушаны два доклада — акад. В. В. Виноградова и члена-корр. АН СССР А. К. Боровкова.

1

Содержанием первого доклада послужило сообщение В. В. Виноградова о результатах его работы над законченной им книгой «Проблемы авторства и теория стилей», которая находится в непосредственной и тесной связи с предшествующей работой автора, опублико-

ванной год назад¹. Новая книга, как указал докладчик, содержит следующие главы:

I. Приемы и принципы определения авторства литературных текстов неизвестного происхождения в разные периоды истории литературы.

II. Стиль и идеология (на материале трех анонимных произведений Н. М. Карамзина).

III. Пушкин и «Литературная газета» в 1830—1831 гг.

IV. Дифференциация и противопоставление стилей в истории русского литера-

¹ В. В. Виноградов, *О языке художественной литературы*, М., 1959.

турного реализма (Достоевский и Лесков в 70-е гг.).

V. Незавестные рецензии и фельетоны Ф. М. Достоевского.

Говоря далее о теоретических положениях своей книги, В. В. Виноградов остановился прежде всего на самой постановке проблемы авторства художественных произведений. Понятие авторства, сказал он, характеризуется в наше время тремя основными моментами: 1) историко-документальными свидетельствами о принадлежности произведения (или цикла произведений) какому-либо автору; 2) своеобразии структуры произведения (или структур произведений) и 3) определенным, присущим автору стилем. Однако проблема авторства применительно к художественной практике разных эпох наполняется разным содержанием. Определение существа этой проблемы в истории древнерусской литературы, в истории становления национальной русской литературы XVII — XVIII вв. невозможно без изучения закономерностей развития литературных стилей в разные периоды истории народа.

Понятие авторства в древнерусской литературе противоречиво и неясно. Во всяком случае оно существенно отличается от современного. А именно, в древнерусской литературе: 1) слабо просвечивает индивидуальное авторское «начало» (как правило, древнерусские произведения безымянные), отсюда и 2) «стиль» какого-либо древнерусского произведения отнюдь не является стилем, несущим индивидуальные черты автора или выражающим его индивидуальное отношение к миру.

Границы между писателем — создателем литературного произведения, компилятором — составителем, «сводчиком», редактором и переписчиком в древнерусской литературе иногда являются очень зыбкими. Этой неразграниченности понятий и функций способствует своеобразие структурных признаков и композиционных свойств того литературного объекта, который рассматривается нами как произведение древнерусской литературы. Так, летопись представляет собою свод предшествующего летописного материала. Многие древнерусские литературные произведения являются многослойными композициями или комбинациями, составленными из предшествующих произведений.

Проблема авторства тесно связана с вопросами подлинности, авторской канонизации литературного текста. Между тем в древнерусской литературе чаще всего этот текст приходится так или иначе реконструировать или издавать в разных редакциях. Преобладающее количество литературных произведений древней Руси дошло до нас не в подлинниках, а в позднейших списках, составители которых привносили от себя в тексты те или иные исправления, дополнения, а подчас и просто искажения. Позднейшие напластования изменяют структуру и состав первоначальных авторских текстов памятника. Таким образом, древнерусские литератур-

ные тексты редко ведут непосредственно к автору (даже если он известен). Обычно на них лежит печать многослойного коллективного творчества.

Вообще говоря, в истории древнерусской литературы категория индивидуального стиля не выступает как фактор литературной дифференциации и оценки произведений словесного творчества до самого конца XVII в.

Само понятие индивидуального стиля и индивидуального автора в современном смысле этих терминов начинает складываться в русской литературе лишь около середины и главным образом во второй половине XVII в. (ср. автобиографии Аввакума, Епифания и другие произведения с ориентацией на индивидуальный образ автора). Однако в литературе XVII и XVIII вв. системы жанровых стилей с их строго определенными нормами подавляют свободное развитие индивидуальных стилей. Это обстоятельство отражается на устойчивых формах структуры литературных произведений господствующих жанров (оды, элегии, эклога и т.д.) и сказывается в преобладании анонимных произведений.

Для произведений XVIII в., в которых индивидуальное авторство и авторский стиль известны, характерным является безразличие авторов к индивидуальным своеобразиям и специфике своего личного творчества. Авторы мало интересовались, что именно они писали: оду, драму, стихи, прозу. Они писали и набирали ту форму, какая требовалась при дворе или существовавшей модой. Автор XVIII в. выступает не ради беседы с читателем или общины с ним, а ради награды, стремления ответить желаниям государя, покровителя. Главное в специфике литературного творчества XVIII в. — жанр, являющийся подлинным носителем стиля и типа художественного произведения. Во всех жанрах есть свои штампы, служащие средствами для выражения жанра, а не индивидуальной стилистической системы автора (XVII — XVIII вв.).

Индивидуальная свобода художественного изображения отрицалась не только литературными канонами нашего средневековья, но и поэтикой классицизма XVIII в. «Торжественные оды, эти панегирики в стихах, — писал А. О. Круглый в своем исследовании „О теории поэзии в русской литературе XVIII столетия“, — все в высшей степени однообразны, потому что приемы хвалы были строго установлены теорией. Она стесняла личную оригинальность поэтов, и даже пресловутая „Фелица“ не представляет в этом отношении исключения».

Резкая индивидуализация стилей, связанная с распадом системы трех основных стилей классицизма, характеризует творчество Державина, Радищева и Карамзина. С Карамзина, с его произведений (т. е. с последних десятилетий XVIII в.) и начинается преобладание индивидуального стиля.

Понятие стиля в романтическом искус-

стве (вместе с авторской личностью и изменениями в структуре произведения) возникает в начале XIX в. Особенно острою проблему индивидуально-художественного стиля в русской литературе приобретает с середины XIX в. К концу XIX — началу XX в. развивается борьба с бесстилем, с шаблонизацией стилей. Характерны также критические рассуждения в период записки декадентских и символистических направлений. Вместе с тем наметается и самое понятие индивидуальности образов и стилей.

Все углубляющиеся с середины XIX в. принципы индивидуализации стилей обнаруживаются в откровенной и тончайшей разработке средств речевой экспрессии, экспрессивно-звуковой и жестикоуляционной, а также мимической выразительности в системе художественной литературы. Здесь искался ключ к непосредственному выражению личности, ее специфически индивидуальных свойств, выражению, освобожденному от ухищрений социально-бытовой и даже общечеловеческой, интернациональной, условной «семиологической» (знаковой) системы общения. На эту область выразительных средств речи обратил внимание Гоголь, Тургенев и особенно Лев Толстой.

Не вдаваясь сейчас в подробности, говорит докладчик, здесь важно только подчеркнуть, что в некоторых индивидуально-художественных стилях, в истории развития закономерностей индивидуально-художественных стилей в литературе XIX в. происходят существенные изменения.

Еще в начале XIX в. великий ученый и поэт Гете говорил: «Схватить и изобразить индивидуальное и составляет истинную жизнь искусства... Не должно также бояться, что индивидуальное не встретит себе отклика. Всякий характер, как бы своеобразен он ни был, и все, что подлежит изображению, от камня до человека, — заключает в себе нечто общее».

Не менее характерно заявление А. А. Фадеева, касающееся советской литературы, литературы социалистического реализма: «Надо по-дружески сказать нашим критикам, — мало ругать, хвалить, поощрять, надо уметь найти в каждом способном, талантливом писателе, в каждом произведении свое особенное, индивидуальное, новое. Но вместе с тем в этом новом, естественно, выступает и общее».

При анализе этой проблемы прежде всего устанавливается необходимость разграничения разных этапов и разных закономерностей развития основных понятий художественной литературы, понятия стиля, понятия структуры литературного произведения и понятия авторства. Иначе говоря, возникает целый ряд задач, которыми не занималась ни история литературного языка, ни история литературы. Поэтому моя работа, продолжает докладчик, в основном ограничена именно изучением этих специфических задач, которые стоят перед проблемой исследования закономерностей развития индивидуальных стилей, а также стилей литературных произведе-

ний новой литературы реалистического периода.

Отсюда и специфические задачи в изучении проблемы авторства. С одной стороны, — восстановление подлинного текста автора по отношению к тем произведениям, принадлежность которых автору очевидна, а с другой стороны, — проблема восстановления авторства применительно к анонимным, псевдонимным литературным произведениям.

Период господства индивидуальных стилей, определяющих поэтические системы предромантизма, романтизма и реализма, естественно, требует специфической постановки проблем атрибуции анонимных произведений. В истории нашего общества, продолжает В. В. Виноградов, и в развитии нашей филологии наметились одна-надцать принципов атрибуции анонимных и псевдонимных произведений применительно к русской литературе нового периода. Далее докладчик, разделив эти принципы на две группы — субъективных и объективных, — подробно характеризует каждый из них и определяет их значимость в научных исследованиях.

Указав на недостатки при атрибуции сопоставления одних историко-идеологических данных, без связи с мировоззрением и идейными замыслами авторов, а также на малопродуктивную практику атрибуции на основе широко распространенного субъективно-стилистического анализа, докладчик приходит к выводу о необходимости углубленной разработки основ учения о стилях художественной литературы в историческом и теоретическом плане, а также общей стилистики литературного языка и художественной (или поэтической) речи.

Остановившись далее на работах по теории стилей ряда исследователей (П. Н. Беркова, Ф. И. Шнейдера, В. Кайзера и др.), докладчик особо отмечает недавно вышедшую работу чешского ученого проф. Л. Долежеля о стиле новой чешской прозы. «Марксистская методология стилистического анализа должна, по моему мнению, исходить, — пишет Л. Долежел, — из понимания литературного произведения как структурного единства диалектически связанных элементов: идейных, тематических, композиционных и языковых... Все элементы в вся организация литературной структуры... состоят в том, что идейные, тематические и композиционные элементы определяют языковое строение. Но, с другой стороны, языковое строение определяет внеязыковые элементы литературной структуры, так как выражает их».

В заключение своего доклада В. В. Виноградов в целях доказательства изложенных теоретических положений представляет в качестве опыта конкретно-исторического анализа одно из анонимных произведений Достоевского, которое не входит в собрание его сочинений и которое, как заявляет докладчик, с несомненностью принадлежит Достоевскому. Произведение это было помещено в журнале «Гражданин» на 1873 г. в период редакторства Достоевского, под

названием «Попрошайка». В. В. Виноградов закончил доклад прочтением этого небольшого рассказа.

Ф. Ф. Кузьмин
(Москва)

2

В своем докладе «Состояние и перспективы развития тюркского языкознания в СССР» А. К. Боровков рассказал о больших достижениях тюркологии в нашей стране. С первых дней Советской власти размах культурного строительства в национальных республиках и областях потребовал от тюркологов решения таких практических задач, как создание алфавитов, орфографий, нормативных грамматик и словарей. Практика языкового строительства привела к расширению и углублению теоретических исследований по тюркским языкам, в том числе и по не изучавшимся в дореволюционной России. Особенно за последнее десятилетие появилось много монографий по вопросам фонетики, морфологии и синтаксиса, неизмеримо выросли масштабы лексикографической работы: в ряде республик приступили к созданию толковых словарей. А. К. Боровков особо подчеркнул успехи национальных кадров в области изучения тюркских языков.

Однако дальнейшее развитие тюркского языкознания зависит от решения больших теоретических проблем. Первая проблема — это создание сравнительной грамматики тюркских языков. Некоторые шаги в этом направлении уже сделаны советскими и зарубежными тюркологами. Но для успешного решения проблемы в целом необходимы усилия лингвистов в различных областях тюркологии. Так, особенное значение приобретает лингвистическая интерпретация текстов тюркоязычных памятников. Много ценных материалов для будущей сравнительной грамматики может дать сравнительное изучение тюркских языков по классификационным группам: например кыпчакских, огузских и т. д. А. К. Боровков указал на важность составления диалектологических карт и атласов для уточнения классификационной схемы тюркских языков. Вторая проблема, которая, по мнению докладчика, встает перед лингвистами-тюркологами — это проблема родства алтайских языков. Она дополняет первую и тесно связана с ней. В заключение А. К. Боровков остановился на принципах организации исследовательской работы по тюркскому языкознанию. По мнению А. К. Боровкова, назрела необходимость издания тюркологического журнала и тематических сборников.

В прениях выступили Э. В. Севортян, А. Н. Кононов, В. М. Жирмунский и Е. И. Убрятова.

Доктор филол. наук Э. В. Севортян, подчеркнув значительные успехи тюркского языкознания в целом, указал на неравномерность его развития. Он отметил отставание в области исторического изучения тюркских языков, лексикологии, лингвистической географии.

Не совсем благополучно, по мнению Э. В. Севортяна, обстоит дело с решением теоретических проблем: в работах по тюркским языкам мало новых идей, самостоятельных обобщений, нередко исследование сводится к иллюстрации старых грамматических схем. Характеризуя методы лингвистического исследования, Э. В. Севортян высказался за внесение в тюркское языкознание идей «структуры» и «системы». На примере тюркского языка Э. В. Севортян обосновал необходимость использования сравнительно-исторического метода при написании истории языков с ограниченным количеством письменных памятников.

Член-корр. АН СССР А. Н. Кононов указал на необходимость изучения тюркских языков и в синхронном, и в диахронном плане. Больше внимания следует уделять изучению языковых памятников. Причем для их издания необходимы коллективные усилия. А. Н. Кононов отметил важность переиздания ряда старых тюркологических работ, ставших библиографической редкостью. Особое внимание оратор уделит организации планирования исследований в области языкознания.

Член-корр. АН СССР В. М. Жирмунский охарактеризовал успехи в области тюркского языкознания, достигнутые в национальных республиках и областях. Он отметил, что лингвисты-тюркологи нередко недооценивают значение исследований по истории языка, при этом они ссылаются на неактуальность исторических тем. Указав, что перед тюркологией стоят задачи создания сравнительной грамматики тюркских языков и их научной классификации, В. М. Жирмунский призвал лингвистов-тюркологов уделять особое внимание диалектологическим исследованиям, созданию диалектологических атласов, ибо проблема сравнительно-исторической грамматики, классификации и диалектологии взаимосвязаны и должны решаться вместе. Сравнительная грамматика в наше время, подчеркнул В. М. Жирмунский, не может пренебрегать методами лингвистической географии.

Доктор филол. наук Е. И. Убрятова отметила, что недостатки в исследовательской работе по тюркским языкам скорее связаны с ростом науки и непременно будут изжиты. Она указала на объективные трудности, которые существуют в изучении ряда тюркских языков. Если вопросами азербайджанского языкознания занимаются несколько научных учреждений, т. е. около 100 лингвистов, то по алтайскому, хакасскому, чувашскому и тувинскому языкам работают 2—3 человека, так как штаты соответствующих научно-исследовательских институтов очень ограничены. Е. И. Убрятова подчеркнула, что необходимо принять радикальные меры, чтобы помочь тувинским, алтайским, хакасским и чувашским лингвистам. Говоря о большой роли координационных совещаний в деле координации исследовательской работы по тюркскому языкознанию, Е. И. Убрятова отметила недостатки в

деятельности координационных комиссий: комиссии не занимаются вопросами планирования и не объединяют работников вузов. Как и предыдущие ораторы, Е. И. Убрятова указала, что потребность в издании тюркологического журнала и тематических сборников очень велика.

Л. С. Левитская
(Москва)

27—30 июня 1960 г. в Институте русского языка АН СССР состоялось совещание по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени, организованное Сектором истории русского литературного языка¹. В работе совещания приняло участие около 200 человек — преподавателей, научных работников, специалистов в области русского языка — из 54 различных городов страны.

Во вступительном слове акад. В. В. Виноградов охарактеризовал историю литературного языка как область, в которой объединяются достижения всех дисциплин, изучающих язык с более или менее древней традицией письменности. История литературного языка — наука молодая, интерес к ней возник в разных странах лишь в течение последних десятилетий. У советских языковедов, вооруженных марксистской теорией, особенно глубокое внимание к проблемам развития литературных языков стимулировалось насущными задачами культурно-национального строительства. В. В. Виноградов отметил невыясненность еще многих основных понятий науки об истории русского литературного языка, преобладание описательных приемов в исследованиях и малочисленность крупных обобщающих работ в этой области.

В докладе «Некоторые вопросы и задачи изучения истории русского литературного языка XVIII в.» В. В. Виноградов, выделив наиболее общие закономерности развития литературного языка, сформулировал те задачи, которые стоят перед исследователями истории русского литературного языка XVIII в. В частности, была отмечена недостаточность или отсутствие знаний о системе литературного языка XVII в. В. В. Виноградов подчеркнул необходимость различения, с одной стороны, общих процессов во всех сторонах (или «ярусах») языковой системы, связанных с кристаллизацией и стабилизацией национальных норм, а с другой стороны, процессов соотносительного развития трех основных стилей, их взаимодействия и смещения. Система трех стилей русского литературного языка широко развивалась лишь в рамках художественной литературы. Но за ее пределами, например, простой слог не уместился в объем

понятия «литературности» языка. Для понимания истории изменений и литературных ограничений простого слога важно изучение связей русского литературного языка с диалектами на протяжении XVII и XVIII вв. В. В. Виноградов отметил почти полную неизученность истории высокого стиля в русском литературном языке XVII и XVIII вв. Одной из наиболее сложных является проблема развития среднего стиля и его роли в процессе образования и нормализации русского национального литературного языка XVIII в. Не освещен вопрос об «олитературивании» письменной деловой речи. Не исследованы соотношения грамматических форм и конструкций, характерных для разных стилей, и колебания форм в пределах одного стиля. Важно определить устойчивое ядро синтаксической системы русского литературного языка XVIII в., колебания и вариации в структуре основных типов простого предложения, типы словосочетаний и особенно — процессы оформления и нормализации основных типов сложного предложения. Процесс образования функционально разграниченных стилей литературной речи вместо старой системы трех стилей литературного языка, резко обозначившийся в 80—90-е годы XVIII в., был тесно связан с формированием единой системы национального литературного языка и его новой стилистики.

В истории создания единой системы национального русского языка очень значительно участие художественной литературы. Соответствующий материал, как и история филологического и критико-эстетического отношения к языку и стилю произведений художественной литературы у деятелей XVIII в., представляет несомненную ценность. Задачей будущего является создание исторического и синонимического словаря русского литературного языка XVIII в.

Ст. научн. сотр. Ю. С. Сорокин (Ленинград) в докладе «Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка XIX в.» рассмотрел ряд вопросов, имеющих как общий, так и конкретный характер. Из теоретических вопросов следует отметить обоснование Ю. С. Сорокиным: 1) системного характера лексических изменений в языке, в связи с чем представляется возможным говорить о закономерностях рая и т и я словарного состава языка; 2) возможности и необходимости изучения словарного состава относительно определенных и ограниченных периодов в истории языка. В развитии лексической системы русского литературного языка XIX в. временем наиболее интенсивных перемен, по мнению докладчика, являются 30—60-е годы. В этот период увеличивается приток в литературный язык слов с отвлеченным значением, специальным, разного рода иноязычной, областной, разговорно-просторечной, узкопрофессиональной и других видов лексики. Происходят новые и более сложные процессы в области синонимии

¹ См. «Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени», М., 1960.

и смысловой дифференциации лексики, увеличивается число аналогичных образований при создании новых слов.

В докладе ст. научн. сотр. В. Д. Л е в и н а (Москва) «Место „поэтической лексики“ в системе русского литературного языка XIX в.» рассматривался вопрос о судьбе определенного слоя русской литературной лексики конца XVIII — первой половины XIX в., генетически связанной с лексикой «высокого стиля» классицизма. Историю данного рода лексики в первой половине XIX в. докладчик связывал с изменениями взаимоотношений между прозаической и стихотворной речью. Различия между этими двумя видами речи в 30—40-х годах в отношении употребления изучаемой лексики не сглаживались, а углублялись, что явилось этапом на пути к выходу ее из границ литературного языка вообще. В докладе был поставлен теоретический вопрос о границах и принципах анализа материала, извлеченного из произведений художественной литературы.

В докладе «О развитии структурных типов сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в.» доктор филол. наук Н. С. П о с п е л о в (Москва) наметил наиболее существенные для литературного языка XIX в. тенденции и направления в эволюции двух основных структурных типов сложноподчиненного предложения: 1) конструкций, выражающих то или иное функциональное соотношение между главной и придаточной частью (условных, уступительных, временных, содоставительных, сравнительных, причинных, следственных, целевых) и 2) конструкций, выражающих только структурное соотношение частей, т. е. сложных предложений, придаточная часть которых прикрепляется к какому-либо члену главной части, распространяя его (присубстантивно-относительных, местоименно-соотносительных, изъяснительных). Указав на то, что названное структурное различие этих двух типов сложноподчиненного предложения является не механическим, а живым и допускающим сближение одних конструкций с другими, докладчик охарактеризовал, далее, следующие два основных направления в развитии сложноподчиненного предложения: 1) тенденцию к наиболее тесному объединению частей сложноподчиненного предложения и 2) тенденцию к максимальной дифференциации структурных типов и моделей сложного предложения. Докладчик наметил также другие, более частные линии и направления в развитии отдельных типов сложноподчиненных предложений: присубстантивно-относительных, изъяснительных, местоименно-соотносительных, условных, временных, причинных, следственных.

В своем докладе «Проблема лексических ограничений как одна из проблем изучения истории синтаксиса русского литературного языка XVIII—XIX вв.» доктор филол. наук Н. Ю. Ш в е д о в а (Москва) поставила вопрос о специфике изучения

истории определенных синтаксических конструкций на протяжении сравнительно небольшого и близкого к современности отрезка времени².

Ст. научн. сотр. М. В. П а н о в (Москва) в докладе «О некоторых тенденциях в развитии фонетической системы русского литературного языка» установил в качестве общих тенденций развития русского литературного произношения в течение последних двух веков тенденцию к упрощению системы гласных и тенденцию к усложнению системы согласных. В результате действия этих тенденций в системе гласных число единиц, различаемых в сильных позициях, и число единиц, различаемых в слабых позициях, сократилось; позиционная обусловленность гласных фонем усилилась; в системе согласных число единиц, различаемых в сильных позициях, и число единиц, различаемых в слабых позициях, увеличилось; позиционная обусловленность согласных единиц стала более слабой; энтропия согласных в речевой цепи постепенно возрастает, тогда как энтропия гласных падает. Среди других тенденций была охарактеризована тенденция к выравниванию системы произношения. Для развития фонетической системы литературного языка, в отличие от фонетической эволюции говоров, характерным является общее замедление, по направлению к нашему времени, темпов производительных изменений. Особое место в докладе было отведено характеристике особенностей в развитии произношения, свойственного различным функциональным ответвлениям литературного языка.

В докладе доктора филол. наук С. И. О ж е г о в а (Москва) «Новый этап исторического развития русского литературного языка» были указаны основные особенности нового, современного нам этапа в развитии русского литературного языка. По мнению докладчика, этими особенностями являются: более последовательное и прямолинейное, чем раньше, осуществление тенденций в развитии системы языка; возросшая интенсивность языковых процессов, связанных с общественными условиями жизни языка; изменение в отношениях литературного языка с другими сферами национальной речи (например, рост влияния языка города, массовой устной общенародной недиалектной речи, изменение в содержании понятий «диалектизм», «просторечие» и др.).

Свой доклад «Древнеславянский язык как общий литературный язык южных и восточных славян» канд. филол. наук Н. И. Т о л с т о й (Москва) посвятил обоснованию положения о существовании в период с IX по XVIII в. единого для восточных, южных славян и влахо-молдаван (с XIV в.) древнеславянского литературного языка, который имел свою историю³.

² Доклад публикуется в этом же номере журнала (стр. 17).

³ Доклад будет напечатан в следующем номере журнала (№ 1, 1961).

Основой коллективного доклада «Исторические связи русского и украинского литературных языков в XVIII — XIX вв.» (авторы — акад. АН УССР И. К. Белодед, кандидаты филол. наук Г. М. Гнатюк, Г. П. Ижакевич, З. Т. Фрако) (Киев), зачитаного канд. филол. наук Г. М. Гнатюк, было положение о том, что изучение взаимодействия русского и украинского литературных языков на различных этапах их исторического развития составляет часть общей проблемы взаимодействия славянских литературных языков. Отметив, что в XVIII и XIX вв. проходил интенсивный процесс формирования украинской нации и одновременно процесс зарождения и развития «нового» украинского литературного языка, докладчики показали, какую роль в этом процессе играли разные формы связи украинского языка с русским литературным языком. Связи украинского языка с русским способствовали демократизации и национализации украинского литературного языка, освобождению его от чуждых латино-польских влияний, более широкому вовлечению в литературный язык живой стихии народно-разговорной речи. Эти связи нашли более углубленное развитие в последующие периоды истории украинского и русского языков.

Ст. науч. сотр. М. Г. Булахов (Минск) в своем докладе «Исторические связи русского и белорусского литературных языков в XVIII — XIX вв.» подчеркнул, что на характере взаимоотношений между этими языками отразилось то обстоятельство, что уровень их развития (в силу различий исторических и политических условий жизни русского и белорусского народов) был неодинаков. Русский литературный язык (особенно после воссоединения Белоруссии с Россией) благотворно влиял на зарождение стилей белорусского литературного языка, выработку стилистических приемов художественной и публицистической речи, пополнение общественно-политической терминологии, на развитие синтаксиса сложного предложения и на некоторые другие явления грамматического строя. В докладе были также намечены те вопросы в области разных сторон взаимодействия русского и белорусского языков, которые ждут своего разрешения.

Два последних доклада имели целью познакомить участников совещания с современным состоянием вопросов истории германских и романских литературных языков. В докладе доктора филол. наук М. М. Гухман (Москва) «Основные вопросы изучения истории германских литературных языков» было показано, что проблематика, как и само понятие литературного языка, в современной зарубежной германистике в значительной мере определяются условиями развития того или иного германского языка. М. М. Гухман охарактеризовала состояние разработки следующих основных проблем истории германских литературных языков: 1) изучение процессов формирования единого литера-

турного языка, куда входит выяснение диалектной базы литературного языка, изучение процессов обособления литературного языка от диалектов, а также проблема нормализации литературного языка; 2) выяснение исторических изменений в соотношении письменного литературного языка с разными типами разговорного языка; 3) изучение внутренней истории литературного языка, включая систему его стилей.

Доктор филол. наук Р. А. Будагов (Москва) в докладе «Некоторые вопросы изучения истории романских литературных языков» остановился, в частности, на расхождениях в датировке возникновения отдельных романских литературных языков; в отношении ранних памятников литературного языка, по мнению Р. А. Будагова, следует говорить лишь о более или менее закрепленной письменной норме. Докладчик подчеркнул продуктивность разрабатываемой в настоящее время в романистике проблемы «нормы» и «системы» языка и допустил возможность для некоторых народов (латиноамериканские страны, Румыния, Молдавия и др.) более, чем одной, литературной нормы.

По отдельным вопросам общетеоретического и методологического характера, поставленным в докладах, участники совещания обменялись мнениями и высказали свои точки зрения.

Доктор филол. наук А. П. Евгеньева (Ленинград), выступая по докладу В. В. Виноградова, говорила о большом значении, которое имело устное народное творчество XVII — в первой четверти XVIII в. для складывания стилистической системы русского литературного языка. При изучении фольклора XVII в., подчеркнул А. П. Евгеньева, необходимо изучать то общее, что было свойственно всем разновидностям общенародного языка, что легло в основу литературного языка.

На отсутствие общепринятого определения понятия литературного языка указал доп. Б. П. Ардеентов (Тирасполь). По его мнению, с литературным языком тесно сближается язык произведений художественной литературы (в первую очередь, авторская речь). Эту точку зрения подверг сомнению Л. Г. Барлас (Шахты). Однако предложенное им деление литературного языка на общий литературный язык и собственно литературный язык, по сути дела, мало отличалось от того, что понимается под языком художественной литературы и литературным языком. На необходимость углубленного внимания к вопросу о соотношении языка художественной литературы и литературного языка указал в своем выступлении доктор филол. наук А. И. Ефимов (Москва).

Положение об изменении понятия литературной нормы (в связи с изменениями в наше время соотношения между литературным языком и народной речью), выдвинутое в докладе доктора филол. наук

С. И. Ожегова, проиллюстрировал на примере неизменяемых существительных ст. научн. сотр. И. П. Мучник (Москва).

Доктор филол. наук А. И. Ефимов в своем выступлении коснулся вопроса об особенностях и несовпадениях в периодизации истории развития отдельных сторон языка — его стилистической системы, звукового строя, грамматики и т. д. Он говорил также о необходимости учитывать при построении схемы периодизации литературного языка широкий круг факторов — собственно речевые явления, факты истории народа, виды и жанры литературы и т. д. По мнению А. И. Ефимова, следует установить преемственность элементов стилистической системы русского литературного языка в процессе его исторического развития и, в связи с этим, уточнить такие понятия, как «тип» и «стиль» литературного языка, «стиль» художественной литературы. А. И. Ефимов указал также на необходимость более четкого определения границ истории литературного языка как особой дисциплины в существующих учебных программах, — отграничения ее от таких дисциплин, как историческая морфология, исторический синтаксис и т. п. Праву истории литературного языка как науки на отдельное существование подчеркивали многие выступавшие.

Как полагает доц. Б. Н. Головин (Горький), предметом этой науки является изучение формирования и развития системы стилей литературного языка и распределения между ними лексических единиц и грамматических категорий. К этому определению присоединились доц. М. М. Власенко (Иркутск), доц. Г. И. Макарова (Днепропетровск), доц. Э. Д. Попова (Курск).

Ст. научн. сотр. В. Д. Левин, не возражая по существу против такого понимания предмета истории литературного языка и характеризуя его как естественную реакцию на тенденцию смешивать историю литературного языка с исторической грамматикой и лексикологией, признал это понимание односторонним. По мнению В. Д. Левина, история литературного языка изучает становление литературной нормы, историю самих языковых фактов в их употреблении.

Внимание участников совещания привлекли также вопросы о периодизации истории русского литературного языка и о хронологических рамках изучения исторических процессов в развитии отдельных сторон русского литературного языка.

Доктор филол. наук В. И. Борковский (Москва), выступивший в связи с докладом Н. Ю. Шведовой, выразил сомнение в целесообразности историко-синтаксических исследований, охватывающих ограниченные эпохи в 1—2 столетия: при изучении данного явления на протяжении столь ограниченного отрезка времени оказываются учтенными, в основном, более поздние этапы в развитии этого явления, и вне поля зрения оказывается ранняя

его история; при этом исчезает возможность выяснения причин тех или иных изменений, которые претерпела данная синтаксическая конструкция. На необходимость исследовать причины явлений, относящихся к более ранним этапам развития литературного языка, указал в своем выступлении доц. Я. А. Спиричак (Днепропетровск). Однако многие выступавшие отстаивали возможность и, в отдельных случаях, необходимость исторических исследований, ограниченных определенными хронологическими рамками (выступления М. М. Власенко, И. П. Мучника, Н. С. Поспелова, Н. Ю. Шведовой).

Специальному обсуждению был подвергнут вопрос о методах изучения определенных явлений истории русского литературного языка. Так, в выступлении Б. Н. Головина была высказана мысль о необходимости обновления методики исследования фактов истории литературного языка. Такой синтезирующей по преимуществу науке, как история литературного языка, соответствует массово-синтетический, а не индивидуально-аналитический метод исследования. Мнение Б. Н. Головина поддержали в своих выступлениях ст. научн. сотр. А. М. Бабкин (Ленинград), ст. научн. сотр. В. Н. Сидоров (Москва), доц. Б. П. Ардентов, доц. Г. И. Макарова; на необходимость применения методов лингвистической статистики при изучении истории синтаксических конструкций указал также доц. Л. И. Ройзензон (Самарканд) в своем письменном отзыве на тезисы доклада Н. Ю. Шведовой.

Вместе с тем рассмотрению участниками совещания вопросов, связанных с основной проблематикой совещания — изучением истории русского литературного языка нового времени, — в большинстве выступлений сосредоточилось на характеристике отдельных исторических процессов и изменений, происходивших в области лексики, морфологии, синтаксиса, а также в области орфографии русского литературного языка XVIII—XX вв.

Доктор филол. наук Э. И. Коротаева (Ленинград) охарактеризовала процессы, происходившие в структуре простого и сложного предложения в XVII в. и позднее подвергшиеся нормализации: синтаксические колебания в структуре простого предложения с деэпричастным оборотом и постепенное оформление типов сложного предложения. Вопросам развития сложных предложений с относительным подчинением посвятила свое выступление доц. Г. Н. Акимова (Ленинград). Она сказала, что основные положения и выводы, сделанные в докладе проф. Н. С. Поспелова, подтверждаются историей этих конструкций в XVIII в. Так, и для системы сложного предложения в XVIII в. плодотворным является проводимое Н. С. Поспеловым выделение в составе конструкций присубстантивно-относительного типа предложений присубстантивно-определятельных и присубстантив-

но-повествовательных. Доц. Л. И. Р о й з е н з о н в своем отзыве на тезисы доклада Н. Ю. Шведовой подчеркнул, что проблема лексических ограничений в области истории синтаксиса русского литературного языка заслуживает серьезного внимания. Не изучив всесторонне характера лексических ограничений, нельзя удовлетворительно объяснить всех изменений, происходящих в разного рода синтаксических конструкциях. Касаясь проблемы лексических ограничений синтаксических моделей, доц. Г. И. М а к а р о в а указала на необходимость, с ее точки зрения, связать эту проблему с изучением процессов развития полисемии и синонимии. Ст. научн. сотр. А. М. Б а б к и н сказал, что поднятая в докладе Н. Ю. Шведовой проблема соотношения грамматики и лексики имеет значение не только для собственно грамматических исследований, но и для теории и практики лексикологии и лексикографии. Доктор филол. наук А. Б. Ш а п и р о (Москва) привел в своем выступлении факты изменений, которым подверглись на протяжении XIX в. некоторые типы словосочетаний, и указал на причины этих изменений, подчеркнув при этом необходимость изучения истории синтаксических конструкций на широком фоне других грамматических, лексических, стилистических явлений. Об изменениях свободных и несвободных словосочетаний глагольно-именного типа в литературном языке XIX в. говорила ст. научн. сотр. В. М. Ф и л и п о в а (Москва).

Выступивший по докладу М. В. Панова ст. научн. сотр. В. Н. С и д о р о в отметил большую научную ценность этого доклада и новизну постановки в нем проблемы изучения развития производственной системы русского литературного языка. В. Н. Сидоров высказал также ряд конкретных замечаний по докладу М. В. Панова, связанных главным образом с методикой исследования истории фонетических явлений.

Большая и оживленная дискуссия возникла в связи с вопросами, поставленными в докладе Н. И. Толстого. Большинство выступавших по докладу признало заслуживающим внимания самый факт обращения исследователей к интересам к древнеславянскому литературному (церковнославянскому) языку. Теория, признающая существование истории древнеславянского литературного языка, имеет свою традицию; по существу она не является новой, хотя и не перестает быть актуальной и в наши дни, сказал в своем выступлении канд. филол. наук В. К. Ж у р а в л е в (Житомир). Однако не все в представленной Н. И. Толстым концепции было признано бесспорным. Положительно оценивая доклад в целом и касаясь главным образом теоретической стороны построения истории древнеславянского литературного языка, ст. научн. сотр. Б. В. Г о р н у н г (Москва) высказался в пользу применения в данном случае понятий «хроноизоглоссы» и «панхрония» вместо малопродуктивного, по его мнению, по-

ятия «синхронные срезы». Свое сомнение в правомерности синхронного изучения отдельных периодов истории древнеславянского литературного языка высказала ст. научн. сотр. Л. П. Ж у н о в с к а я (Москва), признавшая более целесообразным проведение сопоставительного диахронического изучения соответствующих литературных памятников. Некоторые из выступавших подвергли критике основную мысль доклада Н. И. Толстого о том, что древнеславянский литературный язык был единым литературным языком южных и восточных славян (а также влахо-молдаван) и на протяжении IX — XVIII вв. имел свою историю. Так, по мнению ст. научн. сотр. В. Д. Л е в и н а, старославянский язык в начальный период своего существования был лишь той основой, на которой потом развились варианты этого языка отдельно на русской, на сербской и на болгарской почве. Доц. Г. И. К о л я д а (Ташкент) отметил, что наряду со старославянским языком существовал исконно русский литературный язык, в который в конце X в. вошла стихия старославянского языка. Доц. Я. А. С п р и н ч а к сказал, что старославянский язык уже с XIII в. был языком мертвым, поэтому вряд ли можно говорить об его истории. На это же указал доктор филол. наук С. И. О ж е г о в, подчеркнувший, что старославянский (или церковнославянский) язык как объект научного изучения представляет интерес благодаря своей роли в развитии русского литературного языка и в развитии русской культуры. С замечаниями по докладу Н. И. Толстого выступили также доц. Г. И. М а к а р о в а, доц. Э. Д. П о п о в а, ст. научн. сотр. А. С. Л ъ в о в (Москва). Старший научный сотрудник Молдавского филиала АН СССР Н. Г. К о р л е т и у посвятил свое выступление вопросу о связях русского и молдавского литературных языков в XVIII — XIX вв.

В. В. Веселитский, Е. А. Иванчикова
(Москва)

В Институте языка и литературы АН УзССР при секторе русской литературы и языка продолжались занятия семинара славистов-востоковедов. До второго квартала этого года были заслушаны и обсуждены сообщения В. М. П о п о в а на темы: «Тюркизмы в русской лексике» (продолжение: от буквы *Н* до буквы *У*), «О существенных различиях школ — сравнительно-исторической московской и психологической казанской», «Основное в учении Ф. Ф. Фортунатова», «Водуэн де Куртене и его школа», «О введенных Водуэном понятиях», «Автобиография Водуэна», «Меры по улучшению преподавания русского языка в узбекской школе», «Об отношении В. И. Ленина к русскому языку», «Просторечная фразеология Л. Н. Толстого в рассказе „Сократ“», «Памяти слависта Велича»,

«Фонетическая надсвязочная звучания мышц, продемонстрированного в кабинете экспериментальной фонетики (в 1945 г.), и теория Юссона (1957 г.)»; сообщения: С. П. Обнорского «Замечания о русских глаголах на -ся» (письменно); В. П. Степанова «Соображения об interlingva и interslava»; П. А. Данилова «Учение Ф. Ф. Фортунатова о словосочетаниях», «Бодуэн о смешении языков»; Н. В. Владимировой «А. П. Чехов и узбекская литература»; Ким Ле Чуня «О переводах Чехова в Японии, Корею и Китае»; Л. Н. Толстой и страны Дальнего Востока»; М. Расули «Воздействие творчества В. Маяковского на узбекскую поэзию»; Г. Юлдашев-

вой «Знаковая теория Соссюра»; В. Г. Прокофьева «Критический анализ книги И. Лекова „Общность и многообразие в грамматической строй на славянские языки“ (София, 1958)» и «Рассмотрение сборника МГУ (под ред. проф. П. С. Кузнецова) „Вопросы истории русского языка“ (1959)».

Во второй половине 1960 г. намечено заслушать доклады по проблемам связи языка и мышления, об отношении логики и грамматики, а также доклады А. Мамудова «О новых работах по фонетике» и В. Г. Прокофьева «Говор русских в Бостандыке».

В. М. Попов
(Ташкент)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Информационный бюллетень ЮНЕСКО. 1960, № 77.

Башкирский диалектологический сборник. Под ред. Т. М. Гарипова, Н. Х. Ишбулатова, А. А. Юлдашева. — Уфа, 1959. 223 стр.

Вопросы структуры картвельских языков. I. — Тбилиси, 1959. 309 стр. [на груз. яз.].

Иберийско-кавказское языковедение. XI. — Тбилиси, 1959. 389 стр. [на груз. яз.].

А. А. Москаленко. Исторична фонетика давньоруської української мови. Посібник для студентів-заочників з методичними вказівками і контрольними завданнями. — Одеса, 1960. 63 стр.

Р. Г. Пиотровскій. Очерки по стилистике французского языка. Морфология и синтаксис. Издание 2-е, перерабо-

танное и дополненное. — Л., 1960. 224 стр. Т. С. Шарадзеидзе. Классификация языков и их принципы. — Тбилиси, 1958. 542 стр. [на груз. яз.].

Jezyk polski. XL (1960), № 1. Styczeń — luty. Str. 1—80.

Recherches sur les diphtongues Roumaines. Publiées par A. Rosetti. — Bucarest — Copenhagen, 1959. 143 стр.

Sprache und Wissenschaft. Vorträge gehalten auf der Tagung der Joachim Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften, Hamburg, am 29. und 30. Oktober 1959. — Göttingen — Vandenhoeck-Ruprecht, 1960. 168 стр.

Studii de gramatica. Vol. II. — Bucuresti, 1957. 189 стр.

J. Vachek. Dictionnaire de linguistique de l'école de Prague. — Utrecht — Anvers, [1960]. 104 стр.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» В 1960 г.

Передовая

О перспективном плане наших языковедческих исследований на ближайшие годы № 2

Статьи

Аврорин В. А. — Ленинская национальная политика и развитие языков народов СССР № 4

Адмони В. Г. — Развитие структуры простого предложения в индоевропейских языках № 1

Виноградов В. В. — Об омонимии и смежных явлениях № 5

Достал А. — Вопросы изучения словарного состава старославянского языка № 6

Крючков С. Е., Макси-

мов Л. Ю. — Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию главной части № 1

Лер-Сплавинский Т. — К современному состоянию проблемы происхождения славян № 4

Мельничук А. С. — Следы взрывного ларингального в индоевропейских языках № 3

Перуцци Эмилио. — Структура и язык мянойских надписей № 3

Сгалл П. — Обиходно-разговорный чешский язык № 2

Шведова Н. Ю. — Проблема лексических ограничений как одна из проблем изучения истории синтаксиса русского литературного язы-

- ка XVIII — XIX вв № 6
Штольц И.— Некоторые вопросы общеславянского лингвистического атласа и атласа словацкого языка № 1

Дискуссии и обсуждения

- Агаян Э. Б.— О генезисе армянского консонантизма № 4
Ахманова О. С., Бельчиков Ю. А., Веседитский В. В.— К вопросу о «правильности» речи № 2
Василевич Г. М.— К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков № 2
Гвоздев А. Н.— О звуковом составе морфем № 3
Георгиев В. И.— Передвижение смычных согласных в армянском языке и вопрос этногенеза армян № 5
Горнунг Б. В.— Место лингвистики в системе наук и использование в ней методов других наук № 4
Джаукян Г. Д.— К вопросу о происхождении консонантизма армянских диалектов № 6
Ефимов А. И.— О роли национальной художественной литературы в развитии русского литературного языка № 2
Леконцев Ю. К.— К принципу классификации простых предложений во вьетнамском языке № 1
Маковский М. М.— К проблеме так называемой интернациональной лексики № 1
Об образовании восточнославянских национальных литературных языков № 1, 2, 3, 5, 6
Об общеславянском лингвистическом атласе № 5
Паяфилов В. З.— Проблема слова и «инкорпорирование» в нивхском языке № 6
Потровский Р. Г.— Еще раз о дифференциальных признаках фонемы № 6
Серебrenников Б. А.— О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков № 4
Список научных трудов А. Н. Гвоздева № 3
Топоров В. Н.— О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа № 3
Трубачев О. Н.— Об этимологическом словаре русского языка № 3
Холодович А. А.— Опыт теории подклассов слов № 1
Черкасский М. А.— К вопросу о генезисе сингармонических вариантов и параллелизмов в тюркских языках № 4
Чешко Е. В.— К вопросу о падежных корреляциях № 2

- Шаумян С. К.— Двухступенчатая теория фонемы и дифференциальных элементов № 5

Материалы и сообщения

- Арутюнова Н. Д.— Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации № 2
Ашин Ф. Д.— Четыре турецких фразеологизма № 2
Бакаев Ч. Х.— К вопросу о субъектном и объектном спряжении переходного глагола в курдском языке № 4
Бахман К. И.— К вопросу о грамматических способах в восточном языке № 3
Вайан А.— Славянское название селезенки № 6
Задорожный Б. М.— Первичное значение конструкции «причастие II + глагол иметь» в древнегерманских языках № 6
Керт Г. М.— Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР № 2
Ким Ф. З.— Принципы построения корейских графем № 4
Козулин Н. М.— Русские отыменные образования причастного типа № 1
Крашениникова Е. А.— Ирреальная модальность в немецком языке № 3
Крейнович Е. А.— Выражение пространственной ориентации в нивхском языке № 1
Мельчук И. А.— О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» № 4
Молотков А. И.— Есть ли в русском языке категории неизменяемых прилагательных? № 6
Москович В. А.— Система цветообозначений в современном английском языке № 6
Насилов Д. М.— К вопросу о перифрастических формах глагола в древнетюркских языках № 3
Никонов В. А.— Неизвестные языки Поочья № 5
Павлов В. М.— О разрядах имен прилагательных в русском языке № 2
Пассек В. В.— К омонимии словоизменятельных суффиксов (окончаний) в английском языке № 5
Пророкова В. М.— Некоторые особенности омонимии в немецком языке № 5
Ревзин И. И.— О сильных и слабых противопоставлениях в системе падежей современного немецкого языка № 3
Станислав Ян.— Из истории словацкого языка № 3
Стеблин-Каменский М. И.— Диалектальные различия в исландском языке № 5
Степанов Г. В.— Об испано-американском словообразовании № 1

- Сулейманов Я. Г.—О явлении обратного сингармонизма в аварском языке № 2
- Тенишев Э. Р.—Из наблюдений над саларским языком. № 4
- Трофимов В. А.—О некоторых словосочетаниях наречного типа в современном русском языке № 4
- Тышлер И. С.—К вопросу о судьбе омонимов № 5
- Фалькович М. М.—К вопросу об омонимии и полисемии № 5
- Фрумкина Р. М.—Статистическая структура лексики Пушкина № 3
- Хэмпи Э. П.—О долготе гласных в венгерском языке № 1
- Ширалиев М. Ш.—Об этимологии деепричастной формы на *-ыбан, -ибан, -убан, -убан* № 3
- Шмелев Д. Н.—О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке. № 5
- Прикладное и математическое языковедение*
- Белокриницкая С. С. и др.—Различные типы омонимии и способы их различения при машинном переводе № 2
- Белоголов Г. Г., Григорьев В. И., Котов Р. Г.—Автоматическое лексическое кодирование сообщений № 4
- Волоцкая З. М.—Установление отношения производности между словами (опыт применения трансформационного метода) № 3
- Падучева Е. В.—Об описании надежной системы русского существительного № 5
- Ревзин И. И.—О некоторых понятиях так называемой теоретико-множественной концепции языка № 6
- Реформатский А. А.—Транслитерация русских текстов латинскими буквами № 5
- Яглом И. М., Добрушин Р. Л., Яглом А. М.—Теория информации и лингвистика № 1
- Из истории языковедения*
- Абаев В. И.—Н. Я. Марр (1864—1934). К 25-летию со дня смерти № 1
- Докладная записка А. И. Соболевского о составлении словарей древнерусского и старорусского языка № 2
- Касаткин А. А.—К тысячелетию первого памятника итальянского языка («Carta Sarda», 960 г.) № 6
- Письма В. Ягича к А. А. Потебне «Словарь лингвистических терминов» Е. Д. Поливанова № 4
- Смирницкий А. И.—Звучание слова и его семантика № 5
- Чикобава Ари.—Первый толковый словарь грузинского языка С. С. Орбелиани № 4
- Консультации*
- Николаева Т. М.—Что такое трансформационный анализ? № 1
- Слюсарева Н. Д.—Лингвистический анализ по непосредственно-составляющим № 6
- Фрумкина Р. М.—Применение статистических методов в языковедении № 4
- По страницам зарубежных журналов*
- Эман Эмиль.—Об омонимии в немецком языке № 5
- Критика и библиография*
- Обзоры**
- Баскаков А. Н.—Вопросы лингвистики в журнале «Турецкий язык» (1956—1960) № 6
- Жуковская Л. П., Котков С. И.—О публикации памятников русского языка и письменности № 4
- Каракулаков В. С.—«*Studii și cercetări lingvistice*» (I—X) № 3
- Карась М.—Польская диалектология после второй мировой войны № 2
- Климов Г. А.—К современному состоянию американистики № 1
- Пейсыков Л. С.—Проблема языка дари в трудах современных иранских ученых № 2
- Рецензии**
- Абаев В. И.—*E. Benveniste. Etudes sur la langue ossète* № 4
- Амосова Н. Н.—*И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка* № 1
- Анацкий И. Н.—*V. Tauli. The structural tendencies of languages* № 6
- Ахманова О. С.—«*On translation*» № 3
- Баскаков Н. А.—*С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка* № 4
- Богдан Д. П.—«*Contributions onomastiques...*» № 2
- Булгыгина Т. В.—*J. Loja. Valodniecības pamatjautājumi* № 1
- Григорьев В. П., Псаев М. И.—*Ю. Д. Дешерев. Развитие младонисыменных языков народов СССР* № 2
- Денисов П. Н., Эрастов К. О.—*J. W. Perry, A. Kent. Tools for machine literature searching* № 6
- Дыбо В. А.—*L. Sadnik. Slavische Akzentuation* № 6
- Иллич-Святых В. М., Венедиктов Г. К.—*И. О. Довидзелівський. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика)* № 3
- Коваль Л.—Новое издание Клоцева сборника № 4
- Копорский С. А.—*L. Kjellberg. La langue de Gedeon Krinovskij prédicateur russe du XVIII siècle, I* № 3

- Левит З. Н. — *R. Dimitrescu*.
Locuțiunile verbale în limba română № 4
- Мартынов В. В. — *O. H. Трубачев*. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. . . № 5
- Микущ Ф. — Структуральный синтаксис Л. Теньера и синтагматический структурализм. № 5
- Николаева Т. М. — *A. Kent*. Machine literature searching and translation — an analytical review № 3
- Розенфельд А. З. — *M. Ф. Фазлов*. Изобразительные слова в таджикском языке. № 3
- Славский Ф. Р. — «Атлас болгарских говоров в СССР» № 3
- Слюсарева Н. А. — *R. Godel*. Les sources manuscrites du «Cours de linguistique générale» de F. de Saussure № 2
- Тарасова Г. А. — *A. Booth, L. Brandwood, J. Cleave*. Mechanical resolution of linguistic problems . . № 1
- Шендельс Е. И. — *J. Erben*. Abriß der deutschen Grammatik № 1
- Широкова А. Г. — *M. Komárek*. Historická mluvnické česká . . № 2
- Широкова А. Г. — *T. Lehr-Splawinski, Z. Stieber*. Gramatyka historyczna języka szeskiego. № 2
- Письма в редакцию*
- Жуковская Л. П. — Поддельная докириллическая рукопись . . № 2
- Ломтев Т. П. — Письмо в редакцию № 5
- Научная жизнь*
- Аманжолов А. С. — О языке казахстанских гагаузов № 3
- Андреев Н. Д. — Совещание по математической лингвистике. . № 1
- Звонов А. А. — Первый опыт машинного перевода с русского языка на китайский № 3
- Майтинская К. Е. — Исследовательская работа по истории венгерского языка в Венгерской Народной Республике № 6
- Над чем работают ученые . . № 3,4,5,6
- Научно-исследовательская работа на местах № 1, 2
- Новые издания № 2, 3, 4
- О развитии структурных и математических методов исследования языка № 4
- Покровская Л. А. — Первые итоги развития гагаузского литературного языка № 3
- Раджабов Н. — Об изучении узбекских говоров № 3
- Сессия Отделения литературы и языка АН СССР, посвященная 90-летию со дня рождения В. И. Ленина № 4
- Хроникальные заметки № 1, 2, 3,4,5,6
- Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию № 1, 2, 3, 4, 5, 6

СОДЕРЖАНИЕ

А. Достал (Прага). Вопросы изучения словарного состава старославянского языка	3
Н. Ю. Шведова (Москва). Проблема лексических ограничений как одна из проблем изучения истории синтаксиса русского литературного языка XVIII—XIX вв.	17
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
Р. Г. Пиотровский (Ленинград). Еще раз о дифференциальных признаках фонемы	24
Г. Б. Джауян (Ереван). К вопросу о происхождении консонанта армянских диалектов	39
В. З. Пафилов (Ленинград). Проблема слова и «инкорпорирование» в нивхском языке	50
Об образовании восточнославянских национальных литературных языков	59
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
А. Вайан (Париж). Славянское название селезенки	66
А. И. Молотов (Ленинград). Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных?	68
Б. М. Задорожный (Львов). Первичное значение конструкции «причастие II + глагол иметь» в древнегерманских языках	74
В. А. Москович (Черновцы). Система цветообозначений в современном английском языке	83
ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
И. И. Ревзин (Москва). О некоторых понятиях так называемой теоретико-множественной концепции языка	88
ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	
А. А. Касаткин (Ленинград). К тысячелетию первого памятника итальянского языка	95
КОНСУЛЬТАЦИИ	
Н. А. Слюсарева (Москва). Лингвистический анализ по непосредственно-составляющим	100
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Обзоры	
А. Н. Баскаков (Москва). Вопросы лингвистики в журнале «Турецкий язык»	108
Рецензии	
В. А. Дыбо (Москва). <i>L. Sadnik. Slavische Akzentuation, I—Die vorhistorische Zeit</i>	113
И. Н. Анацкий (Москва). <i>V. Tauti. The structural tendencies of languages</i>	119
П. Н. Денисов, К. О. Эрастов (Москва). <i>J. W. Perry, A. Kent. Tools for machine literature searching</i>	123
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
К. Е. Майтинская (Москва). Исследовательская работа по истории венгерского языка в Венгерской Народной Республике	130
Над чем работают ученые	133
Хроникальные заметки	139
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию	148
Указатель статей, напечатанных в журнале «Вопросы языкознания» в 1960 г.	148

SOMMAIRE

Articles: A. D o s t a l (Prague). Sur l'étude de lexique en vieux slave; N. Y. Š v e d o v a (Moscou). L'importance des limitations lexicales pour l'histoire du syntaxe russe aux XVIII — XIX siècles; **Discussions:** R. G. P i o t r o v s k i (Lénin-grad). Une fois de plus sur les traits distinctifs de la phonème; G. B. D j a u k j a n (Yerevan). Sur l'origine du consonantisme dans les dialectes arméniens; V. Z. P a n f i l o v (Léninograd). Le problème du mot et «l'incorporation» en nivkh; Sur la formation des langues nationales littéraires des slaves d'est; **Matériaux et communications:** A. V a i l l a n t (Paris). Le nom slave de la rate; A. I. M o l o t k o v (Léninograd). Y-a-t-il la catégorie des adjectifs indéclinables en russe?; B. M. Z a d o r o ž n i (Lvov) Sur la signification primaire de la construction «participe II + le verbe avoir» en vieux germanique; V. A. M o s k o v i ě (Cernovci). Le système des mots pour designer la couleur en anglais moderne; **Linguistique appliquée et mathématique:** I. I. R e v z i n e (Moscou). Sur quelques notions d'une conception mathématique de la langue; **De l'histoire de la linguistique:** A. A. K a s a t k i n e (Leningrad). Le millénaire du premier monument de l'italien; **Consultations:** N. A. S l u s a r e v a (Moscou). L'analyse linguistique au moyen des constituents immédiats; **Critique et bibliographie;** **Vie scientifique:** K. E. M a i t i n s k a ĭ a (Moscou). L'oeuvre sur l'histoire de la langue hongroise dans la République populaire hongroise; Plans de travail des savants.

CONTENTS

Articles: A. D o s t a l (Prague). On the study of word-stock in Old Church Slavonic; N. Y. Š v e d o v a (Moscow). The importance of lexical limitations for the history of Russian syntax in the XVIII — XIX centuries; **Discussions:** R. G. P i o t r o v s k i (Leningrad). Once more on distinctive features of the phoneme; G. D. D j a u k j a n (Yerevan). On the origin of consonantism in Armenian dialects; V. Z. P a n f i l o v (Leningrad). The problem of the word and the «incorporation» in the nivkh language; On the formation of East Slavonic national literary languages; **Materials and notes:** A. V a i l l a n t (Paris). The Slavonic name for spleen; A. I. M o l o t k o v (Leningrad). Is there a category of indeclinable adjectives in Russian?; B. M. Z a d o r o ž n i (Lvov). The primary meaning of the construction «participle II + the verb to have» in the old Germanic languages; V. A. M o s k o v i ě (Cernovci). The system of words denoting colour in modern English; **Applied and mathematical linguistics:** I. I. R e v z i n (Moscow). On some notions of the so-called set-theoretical conception of language; **From the history of linguistics:** A. A. K a s a t k i n (Leningrad). The millenary of the first monument of the Italian language; **Consultations:** N. A. S l u s a r e v a (Moscow). Linguistic analysis by immediate constituents; **Critics and bibliography;** **Scientific life:** K. Y. M a i t i n s k a ĭ a (Moscow). Research work on the history of the Hungarian language in the Hungarian People's Republic; Working plans of scientists.

Технический редактор Д. А. Фрейман-Крупенский

T-14337	Подписано к печати 21/XI-1960 г.	Тираж 5485	Зак. 1003
Формат бумаги 70×108 ^{1/16}	Бум. л. 4 ^{3/4}	Печ. л. 13,02	Уч.-изд. л. 16,00

2-я типография Издательства Академии наук СССР, Москва, Шубинский пер., 1